

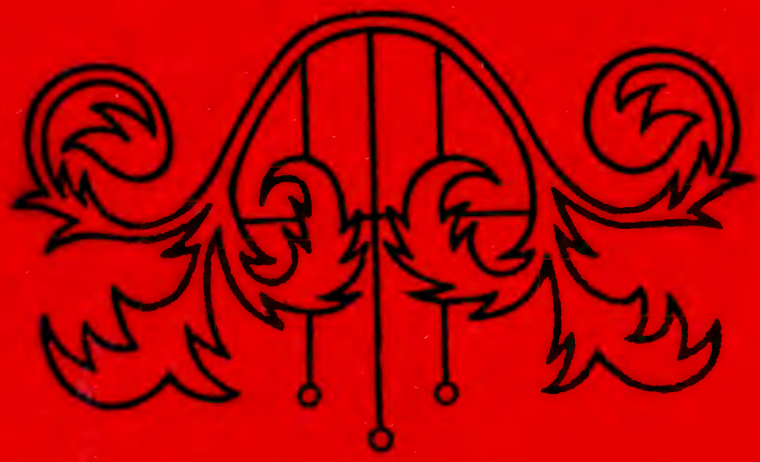

ПЬЕР РОНСАР

ПЬЕР РОНСАР

*Избранная
поэзия*

ПЬЕР РОНСАР

Избранная поэзия

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

МОСКВА
«Художественная литература»
1985

И(Фр)
Р71

Составитель
Ф. БРЕСКИНА

Вступительная статья
Ю. ВИППЕРА

Рецензент
Н. ТРАПЕЗНИКОВА

Комментарии
И. КАРАБУТЕНКО

Оформление художника
А. ЛЕПЯТСКОГО

Ронсар П.

Р71 **Избранная поэзия: Пер. с фр./ Вступ.**
статья Ю. Виппера; Коммент. И. Карабу-
тенко.— М.: Худож. лит., 1985.— 367 с.

Пьер Ронсар (1524—1585)— великий французский поэт XVI века. В книгу включены лучшие образцы любовной лирики Ронсара, а также избранные «Оды» и «Гимны», отличающиеся глубиной философского содержания и высоким поэтическим совершенством.

Большая часть переводов на русском языке издается впервые.

Р **4703000000-159** **148-85**
028(01)-85

ББК 84.4Фр
И(Фр)

© Состав, вступ. статья, переводы, кроме отмеченных в содержании*, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1985 г.

ПОЭЗИЯ РОНСАРА

Есть поэты и художники, творческая плодородность которых столь безгранична в своем многообразии и спонтанном размахе, что уподобляет их как бы самой природе. К числу таких гигантов принадлежит и Пьер Ронсар (1524—1585). Во французской поэзии ему равен в этом отношении лишь один Гюго.

Следует подчеркнуть, что представление о Ронсаре как о великом поэте, присущее его современникам, возродилось не так давно. В полемике с поэтами-гугенотами Ронсар бросил знаменитую формулу: «Вы все отпрыски моего величия!» По существу это утверждение может быть отнесено и к поэтам — французским классицистам XVII—XVIII веков, и к поэтам-романтикам. Их творчество было бы невозможно без завоеваний Ронсара. Однако сами духовные потомки Ронсара оказались не слишком благодарными. Особенно резко обошлись, как мы знаем, с замечательным ренессансным поэтом классицисты. Так нередко бывает. Ближайшие потомки, стремясь доказать свою оригинальность, не отдают должное зависимости от того, кому они по существу больше всего обязаны. Сначала от художественного наследия создателя «Гимнов» демонстративно отрекся классицистический реформатор поэзии — Малерб. Позднее Буало, дав в «Поэтическом искусстве» суровую характеристику Ронсару, на длительное время предопределил оценку вождя Плеяды.

Реабилитацию Ронсара начал ведущий критик французского романтизма Сент-Бёв, опубликовав в 1828 году исследование «Исто-

рическое и критическое обозрение французской поэзии и драматургии XVI века» и издал тогда же том «Избранных стихотворений» ренессансного поэта. Однако реабилитация эта была половинчатой. Её, во-первых, сопровождали многочисленные оговорки. Во-вторых, Сент-Бёв принимал и популяризировал лишь тот аспект творчества Ронсара, который можно определить термином «анакреонтический». Ронсар в произведенном им отборе предстает прежде всего как изящный певец любви, вина, наслаждения природой и других жизненных радостей. Такое одностороннее восприятие Ронсара, освященное авторитетом Сент-Бёва, пустило довольно прочные корни, а за пределами Франции продолжает давать о себе знать иногда и по сей день. Однако постепенно, со второй половины XIX века, отчетливо обозначился процесс переоценки ценностей: начали привлекать внимание и приводить в восхищение все новые, все более обширные и глубокие пласты поэтического наследия Ронсара. Стали очевидными: присущая ему эпическая мощь, значимость его философских стихов, его новаторский вклад в становление французской гражданской поэзии, широкое лирическое дыхание его насыщенных автобиографическим началом посланий, речей и элегии. Примечательным оказался не только радужный оптимизм, преобладавший на ранних этапах литературной деятельности, но и захватывающий трагизм некоторых произведений, созданных в годы творческой зрелости и на склоне лет.

Ронсар поражает нас неисчерпаемым богатством доступных ему тональностей, художественных красок, поэтических масштабов, эмоциональных регистров. Он достигает одинаковой выразительности и в небольших по объему лирических жанрах — оделеттах, песнях, эпиграммах, и в произведениях монументальных. Выражение поэтического размаха, отличающего художественный дар Ронсара, следует искать не столько в четырех завершенных песнях «Франсиады», эпопеи, отмеченной печатью условности, сочинявшейся по велению рассудка, в известной мере в угоду вкусам королевского двора, сколько в «Гимнах», «Поэмах», некоторых «Речах», в поэтических «Рассуждениях о бедствиях нашего времени». Тяготение к эпическому началу со всей очевидностью обозначилось в творчестве Ронсара довольно рано, еще в пиндарических одах.

Ярким примером может служить, скажем, знаменитая «Ода Мишелю Лопиталю». Выход в свет в 1552 году этого внушительного по объему произведения (в нем 816 стихов), в котором Ронсар воспел всепокоряющее могущество поэзии, стал выдающейся вехой в развитии французской литературы. Конечно, движение художественной мысли поэта еще не лишено здесь тяжеловесности. Стремление копировать построение торжественной хвалебной оды, какой она была разработана в совершенно иных жизненных условиях замечательным древнегреческим лириком, влекло за собой неизбежно элементы условности, перегруженность «ученым» мифологическим материалом, нарочитую затрудненность витийственного слога. Все это вызывало непонимание у законодателей художественных вкусов — придворных кругов. Их кумиром оставался ученик Маро Меллен де Сен-Желе, мастер изящных и галантных импровизаций. Все же наиболее проницательные умы были поражены грандиозностью художественного замысла поэта и невиданной ранее мощью, с которой этот замысел был осуществлен.

Позднее «открытие» Ронсара во Франции отразилось и на его судьбе в России. Пушкин (во фрагменте статьи «О ничтожестве литературы русской») и Белинский (в статьях «Литературные мечтания», «О стихотворениях г. Баратынского», «Общее значение слова «литература» и в ряде рецензий) сурово судили о Ронсаре и его соратниках. Творчество Ронсара воспринималось Пушкиным и Белинским (отчасти под влиянием оценки, данной ему Лагарпом, автором «Лицея», и предшествующими теоретиками классицизма, во главе с Буало) как явление архаическое, представляющее сугубо исторический интерес. В дооктябрьский период Ронсара переводили в России мало. Подлинный расцвет интереса (переводческого, исследовательского, читательского) к творчеству великого ренессансного поэта наступил в нашей стране после Октябрьской революции.

Жизнь Ронсара отмечена ранним и резким переломом. Пьер де Ронсар был отпрыском старинного дворянского рода. Его отец, закаленный в сражениях боец, доверенное лицо Франциска I, предназначал сына к военной и дипломатической карьере. Двенадцатилетним мальчиком Ронсар был определен на должность при коро-

левском дворе: пажем дофина. Состоя на королевской службе, будущий создатель «Гимнов» совершил затем путешествия в Шотландию, Германию и некоторые другие западноевропейские страны. Обозначившимся перспективам положило, однако, конец тяжелое заболевание, результатом которого стала глухота. Казалось, что остается лишь один путь: получение церковного сана. В 1543 году юный Ронсар был подвергнут обряду пострижения, что, при соблюдении безбрачия, позволяло надеяться на получение церковных бенефиций. Однако уже в это время начало определяться его истинное призвание — поэзия. Став делом жизни Пьера де Ронсара, она и принесла ему бессмертие. Чтобы лучше усвоить уроки античной культуры, Ронсар начал заниматься у известного знатока древности Дора, а потом поступил под его руководством в коллеж Кокре, очаг будущей «Плеяды».

Ронсар был одним из основоположников Плеяды. Литературная школа или, вернее, литературное течение, которое получило наименование «Плеяды», осуществило в области французской поэзии переворот, равный по историческому значению тому сдвигу, который затем уже в XVII столетии совершил в трагедии Корнель, а позднее в жанре комедии Мольер. Ронсар и его соратники (в первую очередь Дю Белле) выдвинули поэзию в центр духовной жизни страны. Своим творчеством они утверждали представление о поэте как глашатае патриотических чувств, как о совести нации. Обосновав и действительно применив принцип подражания древним и классическим достижениям Италии (прежде всего Петрарке), они вывели французскую поэзию на широкие просторы поэтического осмысления так называемых «вечных» тем, то есть тем общенационального и одновременно мирового, общечеловеческого значения.

Три главные цели преследовали создатели Плеяды, провозглашая принцип «подражания древним»: возвысить литературу, многократно усилив в ней значение идеального начала, направленного на прославление того прекрасного, что заложено в человеческой натуре; всемерно интеллектуализировать ее и, наконец, добиваться максимального эстетического совершенства, создавая произведения одухотворенные, гармоничные, насыщенные пластичными в своей

выразительности образами. Творчество Ронсара — ярчайшее художественное воплощение этих устремлений.

Опираясь на названные принципы, поэты Плеяды и осуществили в области поэзии радикальную жанровую реформу. Они отбросили как несоответствующие своим эстетическим идеалам старые, восходящие к Средневековью лирические жанры с так называемой фиксированной формой: баллады, королевские песни, лэ, вирелэ и дизены. Вместо этих форм, мельчащих, как им представлялось, поэзию и сковывающих размах художественного воображения, поэты Плеяды культивировали жанры, унаследованные от античной литературы — оду, элегию, эпиграмму, послание, эклогу. К ним они добавляли сонет, это, по словам Дю Белле, «столь же ученое, сколь и приятное итальянское изобретение».

Ронсар был признанным главой художественного течения, завоевавшего ведущее место во французской литературе третьей четверти XVI века. Это не вызывало сомнений у его современников. Об этом неоднократно горделиво заявлял и он сам. Именно Ронсар и изобрел метафору, призванную обозначить новую поэтическую школу: Плеяда — созвездие из семи звезд. Сам же он определял состав этого созвездия, время от времени вычеркивая то или иное имя и внося вместо него другое.

Конечно, у каждого из ведущих поэтов Плеяды, и в первую очередь у Дю Белле и Жоделя, были свои достоинства, которыми они превосходили других. В целом же гегемония Ронсара была бесспорной. Он полнее и рельефнее чем кто-либо из его соратников отразил неповторимые очертания своей эпохи: то, что составляет ее очарование и своеобразие. С удивительным артистическим обаянием и благородством запечатлел он устремления передовых людей своего времени.

Поэзия великого ренессансного поэта в сильнейшей мере проникнута утверждающим, хвалебным началом. Как подчеркнул сам Ронсар в предисловии к первому изданию своих «Од» (1550): «...истинная цель лирической поэзии заключается в том, чтобы воспевать как можно громогласнее того, кого он взялся прославлять». Основное предназначение поэзии для главы Плеяды прославлять и тем самым увековечивать силой художественного слова жиз-

ненные ценности, будь то подвиги исторических деятелей, творения мыслителей и поэтов, прелести родной природы, полет собственного вдохновения или неотразимое очарование любимых женщин.

Иногда в хвалебности поэзии Ронсара на первый план выступает искусственная идеализация действительности, ее условное возвышение и приукрашение. Подобных черт не лишены ранние пиндарические оды. Особенно же показательны в этом отношении многочисленные элегии, маскарады, эклоги, пасторали и картели, которые замечательный поэт вынужден был сочинять в 1560-х и в начале 1570-х годов в угоду своим покровителям, занимая в это время, в годы царствования Карла IX, положение официального поэта королевского двора. Но у этой хвалебности есть и другая, для нас наиболее ценная и по своей природе истинно ренессансная сторона. В пафосе восхваления, которым проникнуты многие творения Ронсара, отражается присущее мироощущению поэта жизнелюбие, восхищение, вызываемое открытием бесконечной притягательности окружающего мира, упоение своей творческой способностью эстетически воссоздавать в нетленных формах все это волнующее многообразие.

Ронсара выделяет далее мощь поэтического темперамента, бьющий через край лиризм, напор внутренней энергии, переполняющих его душу эмоций. Все это придает особую насыщенность и динамизм его произведениям. У Ронсара мы находим удивительное сочетание чувства эстетической гармонии, завершенности формы с тем, что может быть обозначено словом «безмерность» и что вытекало в первую очередь из представления о поэте как витии, вдохновляемым неким «божественным исступлением». Эта безмерность сказывалась и в отношении Ронсара к языку. Он стремился обогатить его любыми средствами: и заимствованиями из классических языков древности, и архаизмами, и провинциализмами, и многообразнейшими новообразованиями. Понятие языковой нормы, приобретающей такое существенное значение в XVII столетии, не тяготело над Ронсаром и той языковой стихией, в которую он погружен и которую он сам порождал. Следствием этой «безмерности» и творческой щедрости была и относительная неравноценность художественной продукции (вместе с тем систематическая

правка, которой Ронсар подвергал свои стихотворения в различных их переизданиях, наглядно свидетельствует о значении, которое он придавал их тщательнейшей шлифовке), и некоторая композиционная растянутость и перегруженность, ощутимая в отдельных произведениях крупной формы. Все это были неизбежные издержки — обратная сторона выдающихся достоинств. Следы известной хаотичности, с которой мы временами сталкиваемся в творчестве великого ренессансного поэта, — результат стремления охватить и отразить действительность, которая сама была преисполнена брожения, в которой все основные начала находились в стадии ломки, становления, борьбы.

Насыщенность эмоционального содержания у Ронсара чрезвычайно ярко проявляется в ритме. Он бывает то более бурным, то более размеренным, но всегда бесконечно разнообразным по своей интонационной природе, по своей метрической структуре, и одновременно подчиненным каким-то общим законам стройности и гармонии. Ронсар, этот человек, рано начавший страдать от глухоты и вынужденный в силу этого отказаться от открывавшейся перед ним, как отпрыском старинного дворянского рода, военной и дипломатической карьеры, приняв духовное звание, — один из музыкальнейших поэтов мировой литературы. Вообще сближение поэзии с музыкой было одним из важнейших достижений Плеяды и Ронсара в первую очередь (как в смысле осуществления метрической реформы, облегчавшей переложение стихов на музыку, — Ронсар вдохновлял крупнейших композиторов своего времени: Жоскена, Гудимеля, Орландо ди Лассо, — так и в смысле все более глубокого проникновения музыкального начала в самое поэзию).

Заставив восторжествовать строфический принцип в лирической поэзии, Плеяда чрезвычайно обогатила количество ритмических структур. Многообразие ритмических форм в свою очередь заметно увеличивало выразительные возможности поэзии, насыщая ее более сложными и гибкими средствами художественного воплощения мыслей и чувств. Ронсар проявил поразительную изобретательность, тончайшее музыкальное чутье в создании строфических структур. Некоторые из них имели, безусловно, характер стихотворного эксперимента и не закрепились в поэтической практике. Однако

многие из них стали затем классическими и вошли в золотой фонд французской поэзии. Так, например, именно Ронсар разработал структуру десятистрочной строфы, которая позднее была доведена до совершенства классицистом Малербом. С другой стороны, Ронсар разработал некоторые типы строф, которые нашли широкое применение в творчестве поэтов-романтиков и прежде всего в романтической элегии. Такова, например, строфа, состоящая из четырех 12-сложных стихов, объединенных перекрестной рифмой.

Вместе с тем особенное увлечение строфическим построением характерно именно для первого периода творчества Ронсара, для времени его усиленной работы над освоением оды. С середины 50-х годов намечаются определенные сдвиги. Внимание Ронсара привлекают произведения типа поэмы или гимна, дающие широкий простор свободному, не связанному строгими формальными ограничениями развертыванию философских медитаций, лирических исповедей. Эти произведения построены уже не на строфическом принципе, а состоят из так называемых «*vers suivis*», то есть стихов, основанных на последовательном чередовании парных рифм. Такой лирический принцип снижал роль чисто музыкальных эффектов, но давал больше простора для развития поэтической мысли, придавал широкую амплитуду эмоциям.

Безбрежность творчества Ронсара делает его трудно обозримым. Выделим некоторые из его ведущих тем. Главный герой Ронсара — поэт и ниспосланный ему волшебный дар — поэзия. Одна из центральных проблем творчества Ронсара — место поэта в обществе. Очевидна связь этой проблематики с тем раскрепощением личностного начала, которым отмечены общественная жизнь и культура Возрождения. Плеяда (и прежде всего Ронсар) выдвинула новое по сравнению со своими предшественниками представление о личности поэта и об общественной роли поэзии. Образ поэта, возникающий в стихах Ронсара, отличается (например, по сравнению с Клеманом Маро) гораздо более высоко развитое чувство собственного достоинства как личного, так и профессионального; гордость выпавшей на свою долю миссией вещателя истины и наставника людей. Сила поэзии в способности увековечивать. Осознание этого дает Ронсару право утверждать, что поэт более всемогущ чем пра-

вители и полководцы. Даже тогда, когда Ронсар просит у короля бенефиции, он говорит с монархом как равный с равным: в обмен на доходные синекуры он предлагает бессмертие. Здесь сказывается типичное для Возрождения сознание художником индивидуальной неповторимости и глубины своего «я», понимание того, как в современных условиях все обостряющейся борьбы за национальное объединение страны под эгидой монархии возрастает общественная значимость поэтического творчества.

Такая концепция при всех верноподданнических чувствах Ронсара не могла, конечно, не приводить его временами к столкновению с правящими кругами. В этих кругах иначе представляли себе роль и назначение поэта, требуя от него покорности, угождения придворным вкусам, лесть. Такого рода конфликт обостряется, например, у Ронсара в 1550-х годах, в канун религиозных войн. Возникла и выдвигалась на передний план та проблематика сложной взаимосвязи между осознававшей свою суверенность личностью и абсолютистской государственностью, которая легла затем — по-своему осмысленная — в основу крупнейших художественных созданий писателей-классицистов XVII века. Ронсар и тут стоял у истоков выдающихся достижений.

Естественно, наибольших художественных успехов поэт достигал, когда, движимый гуманистическими побуждениями, пытался как можно более откровенно и непосредственно отразить обуревавшие его сознание переживания. Поиски Ронсара развивались в нескольких направлениях. Это, во-первых, поэтические утопии, вроде стихотворений «Блаженные острова» и «Оружие». В них своеобразно сочетается острая критика современной цивилизации, порождающей кровопролитные войны и отравленной ядом стяжательства, с попытками нарисовать картину идеального общественного состояния, в котором простота и невинность нравов, обусловленная отсутствием собственнических инстинктов, соединялись бы с завоеваниями духовного развития человечества.

Это, во-вторых, насыщенные автобиографическими признаками лирические исповеди-монологи. В них поэт стремился разобраться в своем «я», в волновавших его противоречивых чувствах, осознавая своеобразие и сложность своего места в обществе (при-

мером может служить преисполненная задушевности поэма «Речь к П. Леско», проникновенная хвала неодолимости художественного призвания). Уже с первых выпусков «Од» (1550) тема избранности поэта дополнялась у Ронсара темой его одиночества и невольной отчужденности от окружения. Поэтическое творчество для Ронсара — это бурный подъем человеческого духа, выход за рамки обыденной размеренности. Безумная одержимость — блаженство для поэта, но она неизбежно отдаляет его от толпы рядовых людей. Поэт ищет уединения и только на лоне природы, наедине с самим собой, обретает просветленность духа, способность творить. Этот мотив одиночества поэта, предначертанного роком (он предвосхищает некоторые аспекты романтической концепции поэзии), получает углубленное развитие в творчестве Ронсара 1550-х годов. В этот период в поэзии Ронсара возрастает элегическое начало. Менялись по сравнению с одами и античные образцы — катализаторы вдохновения. На смену Пиндару, Анакреонту, Горацию выдвигались римские элегики во главе с Катуллом, Тибуллом, Проперцием и Овидием.

Элегическая тема одиночества поэта постепенно решалась Ронсаром все более социально заостренно, дополнялась гневными, временами смыкающимися с сатирой инвективами, разоблачающими господствующую среду. Именно эта среда и оказывалась источником невзгод и страданий, выпадающих на долю поэта. Его жизненный идеал все отчетливее и резче противопоставляется теперь призрачному великолепию и скрытым, но пагубным страстям, царящим в столице и при королевском дворе. Двор же этот — средоточие страны, стремящееся подчинить себе все и вся. Подобные настроения с впечатляющей силой выявились, например, в «Речи к кардиналу де Шатильон», написанной между 1557 и 1558 гг. Вот несколько отрывков из этого замечательного произведения:

Блажен, кто по полю идет своей дорогой,
Не зрит сенаторов, одетых красной тогой,
Не зрит ни королей, ни принцев, ни вельмож,
Ни пышного двора, где только блеск и ложь.

.....

Ступай же, кто не горд! Как нищий, как бродяга,
Пади пред королем, вымаливая блага.
А мне, свободному, стократно мне милей,
Невыпрошенный хлеб, простор моих полей...

(Перевод В. Левика)

Своей же вершины только что очерченные тенденции достигают в «Речи против Фортуны». Обе тематические линии, элегико-биографическая и общественно-критическая, здесь окончательно сливаются воедино. Вслед за Дю Белле, автором «Сожалений», и Ронсар приходит к убеждению, что судьба личности, воплощенной в образе лирического героя, неотделима от судеб окружающего общества. В «Речи против Фортуны» эта мысль приобретает трагический оттенок. Королевский двор выступает и как очаг нравственной развращенности, и как общественная сила, воздействия которой не избежать. В этом этапном произведении воспроизведена трагическая ситуация, которая через столетие с лишним стала одним из ведущих мотивов драматургии Расина: душевные страдания и метания личности, прикованной к правящей придворной среде и не способной порвать с ней. При этом Ронсар отражает эту ситуацию, не прибегая к помощи античных реминисценций, без каких-либо иносказаний, воспроизводя конфликт между поэтом и двором короля Франции с эмоциональной непосредственностью, свойственной лирической поэзии. Отмечая накопление драматических элементов в элегии-послании Ронсара и ее ярко выраженный сатирический аспект, не следует забывать ее чисто лирических достоинств. Удивляет эмоциональный накал, присущий поэме. Ронсару удается поддерживать этот накал на одном и том же неослабевающем уровне на протяжении произведения, насчитывающего более 400 строк!

«Речь против Фортуны» — одна из кульминаций с точки зрения проникновения поэта в общественные противоречия окружающей действительности. Сравнение в этом плане выдерживает, пожалуй, лишь «Гимн золоту». Это произведение с трудом поддается однозначному истолкованию. Его характеризует показательная для ренессансного сознания амбивалентность, «двусмысленность», много-

плановость, доходящая до степени парадоксальности ирония: так диалектически сложно сплетены в ней апология оплодотворяющей силы золота и нравственное осуждение его власти. Безоговорочно Ронсар отвергает лишь две крайности: скопидомство и его антипода — бессмысленное расточительство. Неслучайно в связи с «Гимном золоту» вспоминают об Эразме и его «Похвальном слове глупости», где также панегирик нерасторжимо связан с осмеянием».

Будучи некоей вершиной, «Речь против Фортуны» вместе с тем — веха, завершающая существенный этап творческой эволюции поэта. С 60-х годов начинается ее новая стадия. Решающими факторами, предопределяющими на длительный срок направление художественной деятельности поэта, оказываются разгул религиозных войн и восшествие на престол Карла IX. Когда религиозные войны разразились, поэт решительно стал на сторону католического лагеря и королевской власти. Он сам подробнейшим образом обосновал занятую им позицию в стихотворном цикле «Рассуждения о бедствиях нашего времени». Ронсар руководствовался побуждениями патриотического характера. Поэт считал, что только верность католической церкви (при всех ее пороках, в которых она погрязла и которые он бичевал, призывая к их искоренению) и монаршему двору позволит сохранить национальную целостность страны, спасти Францию от распада и разгрома иноземными силами и прежде всего могущественной империей Габсбургов. Поэт непосредственно вторгался теперь в сферу политической борьбы, становился общественным трибуном и тем самым закладывал основы гражданской поэзии, прокладывая путь Агриппе д'Обинье, автору «Трагических поэм», выступая далеким предшественником Барбье, создателя «Ямбов», Гюго, творца «Возмездий». Конечно, «Рассуждения» Ронсара находятся лишь у истоков традиции гражданской поэзии. Характерным примером в этом отношении может служить пространное «Предупреждение народу Франции». Поэтическая риторика здесь прорывается лишь вспышками. Преобладает же более рассудочная и тяжеловесная риторика дидактическая. Отсюда и отсутствие единства эмоционально-поэтической тональности. Применяемые средства еще очень пестры, разнородны. Их сочетание иногда механистично. Жанр еще только складывается; в поисках максимальной убе-

дительности поэт испробует самые различные пути и подступы. Яростная публицистика, памфлетность, сатирические портреты гугенотов, мифологический вымысел (змей, вселяющийся в Лютера), чередование навеянных античностью и библейских образов, классические приемы риторики, лирические отступления, все это громоздится друг на друга. По нагромождению это одновременно создает и впечатление бурного потока, свергающего все преграды. Следует также иметь в виду, что страстность гражданской поэзии Ронсара нарастала, а умозрительность и суховатость шли на убыль в ходе ожесточенной борьбы и по мере того, как оскорбления, наносимые поэту идеологами протестантского лагеря, все острее задевали его лично и побуждали все глубже погружаться в междоусобицу, расколовшую страну.

Через все творчество Ронсара, от первых опытов и до последних дней, проходит тема всесия времени, его неумолимого и разрушительного бег. Вместе с тем решение этой темы поэтом неоднозначно. Здесь обозначаются знаменательные оттенки. В чисто эпикурейском ключе тема быстротечности времени и мимолетности счастья воплощена Ронсаром в его анакреонтических стихах (например, в «Оделеттах Коридону»). Печальные мысли о неумолимости грядущего конца отодвигаются упоением сегодняшним днем. Чем меньше времени уделено человеку для удовольствий, тем решительнее надо пользоваться этими возможностями, ища забвения в вине и любви, наслаждаясь красотой, даруемой молодостью и природой. Иные мотивы звучат в пиндарических одах. Одна из ведущих тем — победа над временем и смертью, забвением. Эта истинно ренессансная тема показательна для творчества Плеяды в целом. Сходные идейные мотивы звучат, например, в «Древностях Рима» Дю Белле. В своих горацанских одах Ронсар также прославляет победу человеческого духа над сокрушительной силой времени. В пиндарических одах эта тема реализовалась в героическом плане; как торжественное воспевание подвигов и бессмертия, даруемого поэтам. В горацанских одах она предстает в более интимном, личном, психологически углубленном виде: как победа, даруемая человеку в результате внутренней борьбы, одерживаемой над самим собой, а тем самым и над властью обстоятельств.

Постепенно художественное преломление темы времени все сильнее проникается у Ронсара трагическими мотивами и одновременно уходит своими корнями в философски все более широкое и диалектически сложное восприятие жизни. Впервые эта концепция возникает в заключении к «Гимну Смерти». Этот гимн — произведение противоречивое. Оно пронизано пессимистическими и религиозными настроениями. Однако в самом конце гимна тема скоротечности и бренности живого получает принципиально иное, глубоко ренессансное и гуманистическое истолкование. Всемогущей Смерти противопоставляется не менее всемогущая Венера. Она воплощает в себе принципы плодородности, обновления и размножения. Все, что Смерть уничтожает, Венера восстанавливает. Преходящим оказывается форма, материя же сама по себе неразрушима.

Таким образом в «Гимне Смерти» впервые возникает мысль, которая не раз будет звучать у позднего Ронсара (например, в элегии «Против лесорубов Гастинского леса»; к этому произведению мы еще обратимся, говоря о теме природы в творчестве Ронсара) и которая весьма существенна для понимания глубинных тенденций, питающих философские воззрения Ронсара после 1560 года (для нас здесь важнее всего мысли о непрерывности развития, о преемственности всего живого, о том, что если отдельный индивидуум «эфемерен, то природа вечна», вытекающие отсюда надежды на будущее). В свете подобной стихийно материалистической и диалектической концепции по новому трактуется и проблема времени, скоротечности и бренности жизни. Поэт утверждает, что бренность земного — это не только бедствие, но и основа жизни, и постоянного обновления. Текучесть времени оказывается не только злом, но и предпосылкой развития, а тем самым стимулом для приятия действительности и обретения внутренней гармонии. Трагический гуманизм позднего Ронсара представляет собой не отречение от ренессансных идеалов, а их дальнейшее углубление.

Патетическим примером тому служат и последние стихи поэта, сочиненные им на смертном ложе. Даже стихи, в которых Ронсар выражал отвращение и ужас, охватывавшие его перед лицом смерти (например, сонет «Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада...»), проникнуты духом стоического приятия неумолимого закона бытия.

Еще примечательнее сонет «Пора оставить дом и деревья в садах...» Читая эти стихи, мы не чувствуем барочного смятения, капитуляции перед смертью. Наоборот, поражает умиротворенность духа, с которой поэт идет навстречу концу. Он не превратится вновь в ничто. Дух его, то есть созданное им, будет жить вечно. С особенной же осязаемой наглядностью торжество духа над разрушением выявляется в этих стихах, продиктованных умирающим, в их безупречной музыкальной чеканности, в их пластическом совершенстве. Обреченный на смерть находит силы сам воздвигнуть себе памятник непреходящей красоты.

Одно из центральных мест в творчестве Ронсара занимает тема природы. Ронсар сближает природу с человеком как два родственных, находящихся в нерасторжимом единстве начала. Уже в первых четырех книгах «Од» все принадлежащее миру природы, будь то ручьи и реки, растения, птицы, животные или леса, выступает у Ронсара согретое теплом симпатии и чувством внутренней близости. Одной из основных форм воплощения этой симпатии становится стремление одухотворить явления природы. Осуществлению этой цели и служит мифологическая образность, почерпнутая в античном литературном наследии. Существенна та органичность, с которой образцы, вдохновлявшие Ронсара, возрождаются в перевоплощенном виде в художественной ткани его произведений.

Важную роль играли в этой связи попытки Ронсара конкретизировать и индивидуализировать пейзаж. Конечно, и в таких стихотворениях, как «Ручью Беллери», «Хвала Вандомскому краю», «Гастинскому лесу», «Реке Луар» (речь идет о притоке Луары) Ронсар следовал античным моделям: Горацию в первую очередь, а затем Вергилию. Поэтому у воспеваемых французским лириком мест, как правило, существуют античные параллели (ручью Беллери у Горация соответствует источник Бандузия, речке Брэ — быстрый Анио и т. д.). Это не значит, однако, что описания у Ронсара условны и что он офранцуживал лишь одни географические названия. Мы обнаруживаем у вождя Плеяды немало достоверных штрихов. Они воспроизводят неповторимые приметы мест, столь хорошо знакомых и близких сердцу поэта-дворянина по происхождению, любителя и великолепного знатока сельской жизни. Таковы, на-

пример, окаймляющие ручей Беллери зеленые ивы, располагаясь в тени которых поэт сочиняет стихи:

В тебя глядеть могу часами,—
Стихи теснятся в душу сами,
И шепчет в них твоя струя,
В них шелест ив твоих зеленых.

(Перевод В. Левика)

Особенно много таких штрихов в оде «Хвала Вандомскому краю». Природа для Ронсара — неотъемлемая часть пройденного поэтом пути. Другой существенный фактор, делающий для Ронсара природу достоянием внутреннего мира поэта, — патриотическое чувство. Представление о Франции зримо воплощено в поэзии Ронсара прежде всего в образах родного Вандомуа. Прославить своим творчеством Францию означает для него запечатлеть на века имена и облик унаследованного от предков замка Пуассоньер, Зеленого острова на стыке Луара и Брэ, Гастинского леса, ключа Беллери.

Но тема природы приобретает у Ронсара и более всеобъемлющее философское звучание. В некоторых «Гимнах» и «Поэмах» природа предстает как неисчерпаемый и божественный источник энергии и стимулов поведения всего живого, как хранительница закономерностей и тайн, разгадать которые человек стремится, пытаясь познать самого себя. У раннего Ронсара с его радужным жизнелюбием господствуют мотивы созвучия природы и человека, их органического единства. Зрелый и поздний Ронсар все чаще обращается к природе, чтобы воплотить трагический разлад между ренессансными представлениями и действительностью, в которой торжествуют враждебные этим представлениям начала.

Уже в «Гимнах», созданных в 50-х годах, многозначительно возникают характерные для литературы позднего Возрождения мотивы: воспроизведение острого контраста между строгой упорядоченностью и величественной гармонией, царящими в космосе, и разладом, смятением, хаосом раздирающими существование человека. У человека оказывается своя, совершенно особая, многостра-

дальная судьба, чуждая законам, навсегда определившим существование космоса. Эта мысль поэтически особенно выпукло выражена в заключительных стихах «Гимна светилам». Более приглушенно она звучит и в «Гимне Вечности». Гимн этот (он представляет собой значительно расширенную и художественно усовершенствованную переработку одноименного стихотворения неолатинского поэта Марулла) принадлежит к наиболее поэтическим и насыщенным лиризмом произведениям цикла.

Из более поздних стихотворений, воспроизводящих в трагическом ключе взаимоотношения человека с природой, выделяется элегия «Против лесорубов Гастинского леса» (созданная, по-видимому, в середине или в конце 70-х годов и опубликованная поэтом лишь в 1584 году). Гастинский лес в восприятии Ронсара — воплощение той вольно произрастающей, не тронутой цивилизацией природы, которая для ренессансного поэта была всегда символом человеческой свободы, отблеском «золотого века» человечества. Звон топоров, рубящих Гастинский лес, возвещает приближение конца целой эпохи — Ренессанса. Но, проклиная тех враждебных красоте, жадных и черствых людей, которые губят дорогие сердцу поэта идеалы, Ронсар сохраняет просветленный взгляд на жизнь. Гибель Гастинского леса, будучи для него и для людей его поколения предзнаменованием неумолимо надвигающихся утрат и страданий, предстает вместе с тем его взгляду, обращенному в будущее, как одно из ряда звеньев в бесконечной и единой цепи катастрофических и одновременно закономерных превращений, которые в своей совокупности и составляют историю человечества. Итак, мы встречаем здесь ту же философскую концепцию, которую Ронсар развертывает и на заключительном этапе творческого пути в стихотворениях, посвященных всемогуществу времени и смерти:

О прав, стократно прав философ и поэт,
Что к смерти иль концу все сущее стремится,
Чтоб форму утратить иль в новой возродиться.

.....

Бессмертно вещество, одни лишь формы тленны...

(Перевод В. Левика)

Ронсар был великим любовным поэтом. Он воспел в своих стихах многих женщин. Три из них завоевали наибольшую известность: Кассандра, Мария и Елена. Образ возлюбленной у Ронсара прежде всего воплощение идеала поэта, его представлений о красоте и совершенстве. Конечно, в основе стихотворных циклов, посвященных трем воспетым Ронсаром женщинам, лежит каждый раз реальное чувство к реальному, а не вымышленному лицу. Интенсивность этого чувства недооценивать не следует. В 1569 году, когда Ронсар после долгих лет разлуки встретился с женщиной, озарившей его молодость, он написал поэму «Кассандра». Читая ее, мы верим Ронсару, что сознание его навсегда сохранило нетронутым облик преисполненный «детского обаяния» девушки такой, какой она пленила поэта в весеннюю пору его жизни.

Все же любовное чувство, испытанное поэтом, служит ему прежде всего могучим толчком для полета фантазии, играя роль некоего катализатора, накапливающего вокруг себя и приводящего в движение различные влечения и вожеления, а зачастую и переживания, порожденные иными лицами. Попытки восстановить на основе трех упомянутых циклов подробную биографическую канву пережитых Ронсаром любовных романов обречены на неудачу.

Так, например, не следует, как это иногда делалось, рассматривать «Первую книгу любви», посвященную Кассандре, как своего рода поэтический дневник, будто бы непосредственно воспроизводящий перипетии любовного романа, пережитого Ронсаром. В последнее время преобладает мнение, согласно которому этот цикл любовных стихотворений был создан по преимуществу в 1551—1552 годах, то есть через пять-шесть лет после знакомства поэта с Кассандрой Сальвиати и через четыре года или через пять лет после того, как она вышла замуж за сеньора де Прэ. А это существенно меняет и угол зрения, под которым надо рассматривать творческое своеобразие сборника. Образ Кассандры возникает на страницах «Первой книги любви» прежде всего сквозь дымку воспоминаний, в ореоле эмоций, как бы восстанавливаемых ретроспективно или пробужденных мечтами. Это относится, например, к эротическим мотивам, временами бурно прорывающимся в содержании сборника. Чувственные наслаждения, изображенные Ронсаром, не могли

быть подарены ему Кассандрой. Это исключалось характером их взаимоотношений.

Наконец, поэт связывал с образом Кассандры и разработку тем по своему происхождению литературных, книжных. Ронсар меньше других поэтов Плеяды обращался в качестве образца для подражания к современным ему итальянским петраркистам и к вычурным страмботтистам XV века, предпочитая искать опору в классических традициях Бембо и Ариосто, а превыше всего ценя самого Петрарку. Ронсар, автор «Первой книги любви», отличается от своих соратников наибольшей независимостью по отношению к иноземным источникам. С другой стороны можно говорить о внутренней перекличке между «Первой книгой любви» и творчеством художественной школы Фонтенбло, которая господствовала в середине XVI века в изобразительном искусстве Франции (к ней примыкали помимо ряда итальянских мастеров во главе с Приматиччо и Челлини выдающиеся французские скульпторы Гужон и Пилон). Эта перекличка выражается прежде всего в изысканности и утонченности, которые отличают женские образы «Первой книги любви» и с которыми реальные жизненные впечатления стилизуются и переводятся в сознательно приподнятый мифологический план (примером может служить известный сонет «О если бы, сверкая желтизной...»).

Во «Второй книге любви» заметно меняется образ возлюбленной и стилистическая тональность цикла. Главной героиней становится Мария, простая крестьянская девушка из Бургейля. Ее образ лишен аристократической изощренности; он теплее, проще, доступнее облика Кассандры. Мария для Ронсара — воплощение той чистой и естественной красоты нравов, которые присущи человеку, растущему на лоне природы. Образ Марии чаще всего ассоциируется поэтом с весной, утром, рассветом, изображается на фоне цветущей природы. В произведениях, посвященных более земной, чем Кассандра, фигуре Марии, вырастает роль реальной действительности, как источника поэтических эмоций. Эта действительность, во всей своей бытовой непритязательности, иногда в произведениях, воспевающих Марию, целиком определяет атмосферу отдельных стихотворений (достаточно вспомнить в этой связи хотя бы знаменитое «Веретено»).

Отход Ронсара во «Второй книге любви» от платонического и петраркистского обожествления женщины влечет за собой и принципиальные изменения в его стилистических поисках. Ронсар обращается теперь к разработке стиля, который сам определяет как «низкий». Важнейшим эстетическим критерием теперь становится для поэта естественность чувств, прозрачная ясность, грациозность и доступность в их художественном воплощении. Снижение стиля ведет Ронсара к сближению поэтического языка с разговорной речью, к ослаблению образной перегруженности слога, его большей прозрачности.

Цикл, посвященный Марии, это также стихи о любовном влечении, не находящем отзвука. Но чувства, воспетые в стихах, обращенных к Марии, это не похожая на одержимость страсть, вызванная Кассандрой, а скорее щемящая сердце влюбленность. В художественной структуре стихов о Марии преобладает не стремительный ритм, как в «Первой книге любви», а тяготение к плавности и соразмерности. «Вторая книга любви» проникнута мировосприятием, в котором гармонически уравниваются меланхолическая грусть и просветленная умиротворенность, горечь, вызываемая жизненными неудачами, и упоение радостями бытия, непосредственность в выражении эмоций, и склонность к рефлексии. Перед нами еще один отблеск идеалов высокого Возрождения.

Этим отблеском освещен и последний сборник любовных стихотворений Ронсара — его «Сонеты к Елене» (1578). Конечно, здесь немало следов неопетраркизма, маньеристической изощренности, привнесенной соперничеством с новым кумиром придворных кругов Депортом. Образ возлюбленной вновь обретает аристократическую утонченность. Но в основе его — то преисполненное внутренней гармонии, уверенное в себе достоинство, которое составляет важную черту ренессансного идеала красоты. К тому же возвышенная идеализация, с одной стороны, и психологическая достоверность, с другой, переплетаются в «Сонетах к Елене». Подлинная Елена де Сюржер была довольно надменной и капризной дамой. Она сетовала по поводу того, что Ронсар компрометирует ее репутацию своими любовными излияниями, и это приводило поэта в бешенство. Отзвуки этих обид слышны в сборнике. Поэт нередко жалуется на

чрезмерную зависимость Елены от предрассудков придворной среды. Один из них он видит в приверженности Елены к платонизму — учению, которое своей идеалистической устремленностью вызывало все большее раздражение поэта и которое он критиковал, противопоставляя ему материалистическое видение мира. Образ Елены более осязаем и индивидуализирован, чем образ Марии и Кассандры. Мы видим очертания внешнего облика Елены, ритм ее движений в танце во время ослепительного бала, слышим интонации ее речи, получаем представление о ее внутреннем мире.

Овеян духом Ренессанса и образ самого стареющего поэта. Несмотря на приближающуюся старость он по-прежнему упоен чувственной красотой мира, склонен предаваться влечению страстей и жажде наслаждений, верит во всеисие своего поэтического дара. Но, одновременно и в радостях, и в страданиях он сохраняет мудрое самообладание, представление об относительности вещей, безупречное чувство меры. И через «Сонеты к Елене» проходит типичная для Ронсара-лирика тема неудовлетворенного любовного чувства. Но как далека просветленная сдержанность в решении этой темы несчастной любви у позднего Ронсара от того бешеного неистового надрыва, который неудержимым вихрем пронесется сквозь стихи Агриппы д'Обинье, объединенные в сборник «Весна». Но д'Обинье — это уже представитель другой эпохи, другого художественного мироощущения, а именно стиля барокко.

Барочные веяния коснулись и Ронсара. У него есть произведения, в которых эти веяния выражены очень отчетливо. Такова, например, поэма «Стихи, прочитанные в театре после окончания комедийного представления в Фонтенбло». Эта поэма пронизана темами и образами, типичными для литературы барокко. Жизнь уподобляется театру. Люди играют роли, отведенные им слепой Фортуной. Повсюду царят видимость, обман, мираж. Жизнь сравнивается со сновидением, с клубами дыма, которые развеваются дуновением ветра, с волнами, разбивающимися одна о другую. Правда, в заключительных строках Ронсар признает существование людей, которые не дают затянуть себя губительным житейским водоворотом и сохраняют верность естественным наклонностям, велениям природы. То же можно сказать и о нем самом. Несмотря на траги-

ческие жизненные коллизии, свидетелем и участником которых ему довелось быть, несмотря на те резкие сдвиги в духовной атмосфере страны, которые несли с собой эти коллизии, изменяясь и развиваясь, Ронсар продолжал оставаться и в пору заката Возрождения глашатаем ренессансных устремлений. На протяжении своего творческого пути он воплощал эти устремления в совершенных поэтических формах, показательных для своеобразия национального художественного гения Франции. Более того, своим творчеством он в сильнейшей мере способствовал кристаллизации этого своеобразия. Ронсар был и остается одним из величайших поэтов в истории европейской литературы.

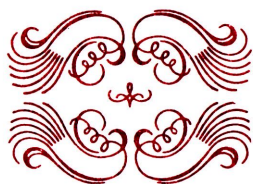
Ю. Б. Вуннер

*Избранная
поэзия*

* * *

Едва Камена мне источник свой открыла
И рвеньем сладостным на подвиг окрылила,
Веселье гордое мою согрело кровь
И благородную зажгло во мне любовь.
Плененный в двадцать лет красавицей беспечной,
Задумал я в стихах излить свой жар сердечный,
Но с чувствами язык французский согласив,
Увидел, как он груб, неясен, некрасив.
Тогда для Франции, для языка родного,
Трудиться начал я отважно и сурово,
И множил, воскрешал, изобретал слова,
И сотворенное прославила молва.
Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье слогу,
Я строй поэзии нашел — и волей муз,
Как Римлянин и Грек, великим стал Француз.

Первая книга любви (Кассандра)

Обет

Там, где кастальские струятся воды,
И там, на склоне геликонских круч,
Где под копытом конским хлынул ключ,
Водил я, Сестры, с вами хороводы.
То были дни ученья и свободы,
И стих лился, раскован и певуч,
Поэзии тогда блеснул мне луч,
Святыниц ваших озаряя своды.
Так пусть не медь, не бронза, не гранит,
А этот купол вечный сохранит
Слова мои, на сотни лет, быть может:
«Одной богине верен был Ронсар,
Свои стихи принес он музам в дар,
А сердце на алтарь любви возложит!»

* * *

Кто хочет зреть, как бог овладевает мною,
Как осаждаёт он и как теснит в бою,
Как, честь свою блюдя, он губит честь мою,
Как леденит и жжёт отравленной стрелою,

Кто видел, как велит он юноше, герою
Бесплодно заклинать избранницу свою,
Пускай придет ко мне: стыда не утаю,
Обиды сладостной от глаз чужих не скрою.

И видевший поймет, как дух надменный слаб
Пред яростным стрелком, как сердце —
жалкий раб —
Трепещет, сражено его единым взглядом.

И он поймет, зачем пою тому хвалу,
Кто в грудь мою вонзил волшебную стрелу
И опалил меня любви смертельным ядом.

* * *

Гранитный пик над голой крутизной,
Глухих лесов дремучие громады,
В горах поток, прорвавший все преграды,
Провал, страшный темной глубиной.

Своим безлюдьем, мертвой тишиной,
Смиряют в сердце, алчущем прохлады,
Любовный жар, палящий без пощады
Мою весну, цветущий возраст мой.

И, освежен, упав на мох зеленый,
Беру портрет, на сердце утаенный,
Бесценный дар, где кисти волшебством,

О Денизо, сумел явить твой гений
Всех чувств родник, источник всех томлений.
Весь мир восторгов в образе живом.

* * *

Любя, клянусь, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою своею.

Одно лишь горе бережно лелею,
Спешу во тьму, как только свет блеснет,
Насилья враг, терплю безмерный гнет,
Гоню любовь — и сам иду за нею.

Стремлюсь туда, где больше есть преград.
Любя свободу, больше плену рад,
Окончив путь, спешу начать сначала.

Как Прометей, в страданиях жизнь влачу,
И все же невозможного хочу,—
Такой мне Парка жребий начертала.

* * *

«В твоих кудрях неожиданный снег блеснет,
В немного зим твой горький путь замкнется.
От мук твоих надежда отвернется,
На жизнь твою безмерный ляжет гнет,

Ты не уйдешь из гибельных тенет,
Моя любовь тебе не улыбнется,
В ответ на стон твой сердце не забудется,
Твои стихи потомок осмеет.

Простишься ты с воздушными дворцами,
Во гроб сойдешь, ославленный глупцами,
Не тронув суд небесный и земной».

Так предсказала нимфа мне мой жребий,
И молния, свидетельствуя в небе,
Пророчеством блеснула надо мной.

* * *

О, если бы, сверкая желтизной,
Моей Кассандрой принят благосклонно,
Я золотым дождем ей лился в лоно,
Красавицу лаская в час ночной.

О, если бы, одевшись белизной,
Ее, как Бык, сошедший с небосклона,
Умчал, когда присядет утомленно,
Нарвав букет, она в тени лесной,

О, если бы в томленьи одиноком
Я стал Нарциссом, а она — потоком.
И я всю ночь купаться мог бы в нем.

О, если б ночь не покидала неба,
О, если бы не вспыхнул пламень Феба,
Ее сменяя бесполезным днем!

* * *

Два карих глаза, ясных два топаза,
Передо мной сверкают, как огни.
Мои поработители они,
Тюремщики мои, два карих глаза.

Ослушаться не в силах их приказа.
Их чары, наваждению сродни,
Меня лишили разума. Одни
Они — источник моего экстаза.

Заполнили собой мечты и сны,
Все мысли ими прочь отеснены
И вдохновенье зажжено лишь ими.

Свое перо я тонко застругал,—
В честь этих глаз слагаю мадригал,
Единственное прославляю имя.

* * *

Скорей погаснет в небе звездный хор
И станет море каменной пустыней,
Скорей не будет солнца в тверди синей,
Не озарит луна земной простор,

Скорей падут громады снежных гор,
Мир обратится в хаос форм и линий,
Чем назову я рыжую богиней
Иль к синеокой преклоню мой взор.

Я карих глаз живым огнем пылаю,
Я серых глаз и видеть не желаю,
Я враг смертельный золотых кудрей,

Я и в гробу, холодный и безгласный,
Не позабуду этот блеск прекрасный
Двух карих глаз, двух солнц души моей.

* * *

Когда, как хмель, что, ветку обнимая,
Скользит, влюбленный, вьется сквозь листья.
Я погружаюсь в листья и цветы,
Рукой обвив букет душистый мая,

Когда, тревог томительных не зная,
Ищу друзей, веселья, суеты,—
В тебе разгадка, мне сияешь ты,
Ты предо мной, мечта моя живая!

Меня уносит к небу твой полет,
Но дивный образ тенью промелькнет,
Обманутая радость улетает,

И, отсверкав, бежишь ты в пустоту,—
Так молния сгорает на лету,
Так облако в дыханье бури тает.

* * *

Всю боль, что я терплю в недуге потаенном,
Стрелой любви пронзен, о Феб, изведаль ты,
Когда, в наш мир сойдя с лазурной высоты,
У Ксанфа тихого грустил пред Илионом.

Ты звуки льстивых струн вверял речным затонам,
Зачаровал и лес, и воды, и цветы,
Одной не победил надменной красоты.
Не преклонил ее сердечной муки стоном.

Но, видя скорбь твою, бледнел лесной цветок,
Вскипал от слез твоих взволнованный поток
И в пенье птиц была твоей любви истома.

Так этот бор грустит, когда брожу без сна,
Так вторит имени желанному волна,
Когда я жалуясь Луару у Вандома.

* * *

Когда ты, встав от сна богиней благосклонной,
Одета лишь волос туникой золотой,
То пышно их завьешь, то, взбив шиньон густой,
Распустишь до колен волною нестесненной —

О, как подобна ты другой, пеннорожденной,
Когда волну волос то заплетя косой,
То распуская вновь, любуясь их красотой,
Она плывет меж нимф по влаге побежденной!

Какая смертная тебя б затмить могла
Осанкой, поступью, иль красотой чела,
Иль томным блеском глаз, иль даром нежной речи.

Какой из нимф речных или лесных дриад
Дана и сладость губ, и этот влажный взгляд,
И золото волос, окутавшее плечи!

* * *

Подчас боязнь и тотчас упованье
Разбили стан во мне со всех сторон;
Никто из них в бою не побежден,
И их во всем равно соревнованье...

Уверен или полный колебанья,
С надеждами, со страхом я знаком.
Чтоб обмануть себя в себе самом,
Сулю я сердцу плена окончанье...

Пред смертью я увижу ли тот срок,
Когда сорву весны твоей цветок,
Что на меня бросает тень благую?

Когда-нибудь, в твоих руках склонен,
То оживлен, то полу-утомлен,
Я встречу ли минуту роковую?

* * *

До той поры, как в мир любовь пришла
И первый свет из хаоса явила,
Не созданы, кишели в нем светила
Без облика, без формы, без числа.

Так праздная, темна и тяжела,
Во мне душа безлика бродила,
Но вот любовь мне сердце охватила,
Его лучами глаз твоих зажгла.

Очищенный, приблизясь к совершенству,
Дремавший дух доступен стал блаженству,
И он в любви живую силу пьет,

Он сладостным томится притяженьем,
Душа моя, узнав любви полет,
Наполнилась и жизнью и движеньем.

* * *

Как молодая лань, едва весна
Разбила льда гнетущие оковы,
Спешит травы попробовать медовой,
Покинет мать и мчится вдаль одна,

И в тишине, никем не стеснена,
То в лес уйдет, то луг отыщет новый,
То свежий ключ найдет в тени дубровы
И прыгает, счастлива и вольна.

Пока над ней последний час не грянет,
Пока стрела беспечную не ранит,
Свободной жизни положив предел,—

Так жил и я — и дни мои летели,
Но вдруг, блеснув в их праздничном апреле,
Твой взор мне в сердце кинул сотню стрел.

* * *

Нет, ни камня, золотом одета,
Ни лютни звон, ни лебедя полет,
Ни лилия, что над ручьем цветет,
Ни прелесть роз в живом луче рассвета,

Ни ласковый зефир весны и лета,
Ни шум весла, ни пенье светлых вод,
Ни резвых нимф веселый хоровод,
Ни роща в дни весеннего расцвета,

Ни блеск пиров, ни яркой битвы гром,
Ни темный лес, ни грот, поросший мхом,
Ни горы в час вечернего молчанья.

Ни все, что дышит и цветет вокруг,
Не радуется души, как этот Луг,
Где вянут без надежд мои желанья.

* * *

Дриаду в поле встретил я весной.
Она в простом наряде, меж цветами,
Держа букет небрежными перстами,
Большим цветком прошла передо мной.

И, словно мир покрылся пеленой,
Один лишь образ реет пред очами,
Я грустен, хмур, брожу без сна ночами,
Всему единый взгляд ее виной.

Я чувствовал, покорный дивной силе,
Что сладкий яд ее глаза струили,
И замирало сердце им в ответ.

Как лилия, цветок душистый мая,
Под ярким солнцем гибнет, увядая,
Я, обожженный, гасну в цвете лет.

* * *

Когда прекрасные глаза твои в изгнание
Мне повелят уйти — погибнуть в цвете дней,
И Парка уведет меня в страну теней,
Где Леты сладостной услышу я дыханье,—

Пещеры и луга, вам шлю мое посланье,
Вам, рощи темные родной страны моей,
Примите хладный прах под сень своих ветвей,
Меж вас найти приют — одно таю желанье.

И, может быть, сюда придет поэт иной.
И сам, влюбленный, здесь узнает жребий мой,
И врежет в клен слова — печали дар мгновенный:

«Певец вандомских рощ здесь жил и погребен,
Отвергнутый, любил, страдал и умер он
Из-за жестоких глаз красавицы надменной».

* * *

О воздух, ветры, небеса и горы,
Овраг и дол, леса в листве резной,
В берегах витых ручей с водой шальной,
О вырубки, густеющие боры,

Пещеры мшистые, пустые норы,
О лист лозы и колос наливной,
Луга, цветы, Гастин, Луар родной,
Мои стихи, в которых грусть укора!

Прощаясь, болью полон через край,
Очам не в силах я сказать «прощай»—
Тем, что избыть мне не дают печали.

Я б вас просил, дол, ветры и трава,
Брега, ручьи, овраг и дерева,
Цветы, чтоб вы привет мой передали!

* * *

Ни щедрые дары из нежных рук
Прелестных женщин, гибких, как тростинки,
Ни ласки, ни ночные поединки
Не стоят ни одной из сладких мук,

Тобою мне дарованных, мой друг.
Живу надеждой тоньше паутинки,
Иной я не ищу себе тропинки
И бережно лелею свой недуг.

Мучения мои благословенны.
Свое ярмо благословляю, пленный,
Самою жизнью за любовь плачу.

Благословляю молнийные вспышки
В твоих глазах, Амура-шалунишки
Огонь под стать холодному мечу.

* * *

В твоих объятиях даже смерть желанна!
Что честь и слава, что мне целый свет,
Когда моим томлениям в ответ
Твоя душа заговорит неожиданно.

Пускай в разгроме вражеского стана
Герой, что Марсу бранный дал обет,
Своею грудью, алчущей побед,
Клинок испанских ищет неустанно,—

Но робкому, пусть рок назначит мне
Сто лет бесславной жизни в тишине
И смерть в твоих объятиях, Кассандра.

И я клянусь: иль разум мой погас,
Иль этот жребий стоит даже вас,
Мощь Цезаря и слава Александра.

К Кассандре

Ни годы долгие разлуки, ни забвеньё
Не в силах притушить ни на одно мгновенье
Моей любви к тебе, Кассандра, вечный пыл.
Я все еще твой раб смиренный, как и был.
Ты мне дороже глаз моих, дороже крови.
Ты в каждом помысле, мечте и в каждом слове
Навек избранница моей цевницы ты.
Пою тебя, твои прелестные черты
И взоры, что, хотя не раздирают кожи,
На стрелы остротой губительной похожи:
Они вонзаются в подставленную грудь,
Грозя и легкие, и сердце мне проткнуть,
И с юных лет от них нет никакой охраны.
Невидимые те неизлечимы раны.
Рассудок мой в плену, и жизнь моя в плену.
Плен этот сладостен, его я не кляню.
Безмерно радуюсь, что благостной судьбою
Мне снова свидеться назначено с тобою,
Чей образ в памяти, на лучшей из гравюр,
Рукой искусною запечатлел Амур,
Когда передо мной предстала ты впервые!
Пусть время, что крушит и стены крепостные,
Крупницы юности похитило у нас,
Мы молоды еще, не отошел наш час.
Забуть ли первое свидание влюбленным?

Меня приветствуя без слов, полупоклоном,
Ты в грудь мою стрелу вонзила, с этих пор
Она сидит во мне, конец ее остер,
Но пусть и раненый, я, кровью истекая,
Благодарю тебя, Кассандра дорогая!
И будь я королем, клянусь, высокий столп
Воздвиг бы в честь твою, для поклоненья толп,
Чтоб с поцелуями к подножью припадали.
Как долго нас с тобой разъединяли дали!
Я был как истукан, бесчувственный, чужой
Себе и всем, но вот воскреснувшей душой
Я снова чувствую и радуюсь и плачу.
Отныне все в судьбе своей переиначу...
Любимая! Тобой мечты мои полны.
Твоим сиянием глаза ослеплены,
Как в тот апрельский день, святой и незабвенный,
Когда мы встретились, мой друг благословенный!
То животворная была пора весны,
Весеннею порой мы снова сведены.
К тебе взволнованно я простираю руки:
Да буду счастлив я, как тосковал в разлуке!

* * *

Я плачу, плачь и ты, мой грустный дом,
По госпоже, чей лучезарный взор
Обоих нас, вступая с солнцем в спор,
Дарил и ярким светом и теплом.

Амур меня хранил своим крылом
Злокозненной судьбе наперекор.
Но все, чем был богат, с недавних пор
Утратил я, терзаемый стыдом...

Прекрасная, вы мной пренебрегли,
Отныне вы от глаз моих вдали,
Меж нами — рощи, скалы, гор стена.

Но сердце к вам переселилось в грудь,
Забыло навсегда обратный путь,—
И в нем любовь как никогда сильна.

Стансы

Если мы во храм пойдем —
Преклонясь пред алтарем,
Мы свершим обряд смиренный,
Ибо так велел закон
Пилигримам всех времен
Восхвалять творца вселенной.

Если мы в постель пойдем,
Ночь мы в играх проведем,
В ласках неги сокровенной,
Ибо так велит закон
Всем, кто молод и влюблен,
Проводить досуг блаженный.

Но как только захочу
К твоему припасть плечу,
Иль с груди совлечь покровы,
Иль прильнуть к твоим губам,—
Как монашка, всем мольбам
Ты даешь отпор суровый.

Для чего ж ты сберегла
Нежность юного чела,
Жар нетронутого тела?

Чтоб женой Плутона стать,
Чтоб Харону их отдать
У Стигийского предела?

Час пробьет, спасенья нет —
Губ твоих поблекнет цвет,
Ляжешь в землю ты сырую,
И тогда я, мертвый сам,
Не признаюсь мертвецам,
Что любил тебя живую.

Все, чем ныне ты горда,
Все истлеет без следа —
Щеки, лоб, глаза и губы,
Только желтый череп твой
Глянет страшной наготой
И в гробу оскалит зубы.

Так живи, пока жива,
Дай любви ее права,—
Но глаза твои так строги!
Ты с досады б умерла,
Если б только поняла,
Что теряют недотроги.

О постой, о подожди!
Я умру, не уходи!
Ты, как лань, бежишь тревожно...
О, позволь руке скользнуть
На твою нагую грудь
Иль пониже, если можно!

* * *

Амур и Марс не схожи ль меж собою?
Не ратным ли они живут трудом?
Один шагает смело напролом,
Другой крадется потайной тропюю.

Один захватывает город с бою,
Другой, как тень, проскальзывает в дом.
Несут бесчестье оба, и притом
Добычей не гнушаются любовью.

Один, в руках сжимая лук тугой,
Соперников разит, врагов — другой.
Тот слезы пьет, а этот любит воду.

Влюбленный ли, солдат ли, кто не рад,
Ища себе заслуженных наград,
Сражаться этим двум богам в угоду?

* * *

Сотри, мой паж, безжалостной рукою
Эмаль весны, украсившую сад,
Весь дом осыпь, разлей в нем аромат
Цветов и трав, расцветших над рекою.

Дай лиру мне! Я струны так настрою,
Чтоб обессилить тот незримый яд,
Которым сжег меня единый взгляд,
Неразделимо властвующий мною.

Чернил, бумаги — весь давай запас!
На ста листках, нетленных, как алмаз,
Запечатлеть хочу мои томленья,

И то, что в сердце молча я таю —
Мою тоску, немую скорбь мою,—
Грядущие разделят поколенья.

* * *

Своих мужей искусница Елена
С иглой в руке бои умела шить
По полотну; а ты изобразить
Все муки моего желаешь плена.

Но, госпожа, хоть черным цветом тлена
Мою погибель начертала нить,—
Иль на изнанке зеленью явить
Не хочешь ты, что будет перемена?

Но видит только, легшие на газ,
Оранжевый и черный цвет мой глаз,—
Печальные свидетели страданья!

О, горький Рок! Не только глаз ее
Меня ввергает в безнадежность,— все
Сулит одно лишь разочарованье.

* * *

Когда одна, от шума в стороне,
Бог весть о чем рассеянно мечтая,
Задумчиво сидишь ты, всем чужая,
Склонив лицо как будто в полусне,

Хочу тебя окликнуть в тишине,
Твою печаль развеять, дорогая,
Иду к тебе, от страха замирая,
Но голос, дрогнув, изменяет мне.

Лучистый взор твой встретить я не смею,
Я пред тобой безмолвен, я немею,
В моей душе смятение царит.

Лишь тихий вздох, прорвавшийся случайно,
Лишь грусть моя, лишь бледность говорит,
Как я люблю, как я терзаюсь тайно.

* * *

Бродил я, горьких слез лия поток,
То страх, то чаянья в душе питаю,
А Генрих за чертой родного края
Честь возратить далеким предкам смог,

Рукой победной доблесть он пресек
Испанскую, у Рейна в бой вступая,
И лучезарный путь к воротам рая
Он прочертил копьем среди всех дорог.

О сестры — жительницы Геликона,
К своим священным водам благосклонно
Ведете вы поэтов всех подряд —

Коль некогда вы мне напиток дали,
Пусть занесут мой скорбный вздох в скрижали,
Что вечно в храме Памяти хранят!

* * *

Хочу три дня мечтать, читая «Илиаду»,
Ступай же, Коридон, и плотно дверь прикрой,
И если что-нибудь нарушит мой покой,
Знай, на твоей спине я вымещу досаду.

Мы принимать гостей три дня не будем кряду,
Мне не нужны ни Барб, ни ты, ни мальчик твой,
Хочу три дня мечтать наедине с собой,
А там опять готов вкушать безумств отраду.

Но если вдруг гонца Кассандра мне пришлет,
Зови с поклоном в дом, пусть у дверей не ждет,
Беги ко мне, входи, не медля на пороге!

К ее посланнику я тотчас выйду сам.
Но если б даже бог явился в гости к нам,
Захлопни дверь пред ним, на что нужны мне боги!

Вторая книга любви (Мария)

* * *

Когда я начинал, Тиар, мне говорили,
Что человек простой меня и не поймет,
Что слишком темен я. Теперь наоборот:
Я стал уж слишком прост, явившись в новом стиле.

Вот ты учен, Тиар, в бессмертье утвердили
Тебя стихи твои. А что ж мои спасет?
Ты знаешь все, скажи: какой придумать ход,
Чтоб наконец они всем вкусам угодили?

Когда мой стиль высок, он, видишь, скучен, стар,
На низкий перейду — кричат, что груб Ронсар,—
Изменчивый Протей мне в руки не дается.

Как заманить в капкан, в силки завлечь его?
А ты в ответ, Тиар: не слушай никого
И смейся, друг, над тем, кто над тобой смеется.

* * *

Меж тем как ты живешь на древнем Палатине
И внемлешь говору латинских вод, мой друг,
И видя лишь одно латинское вокруг,
Забыл родной язык для чопорной латыни,

Анжуйской девушке служу я в прежнем чине,
Блаженствую в кольце ее прекрасных рук,
То нежно с ней бранюсь, то зацелую вдруг,
И по пословице не мудр, но счастлив ныне,

Ты подмигнешь Маньи, читая мой сонет:
«Ронсар еще влюблен! Ведь это просто чудо!»
Да, мой Белле, влюблен, и счастья выше нет.

Любовь напастью звать я не могу покуда.
А если и напасть — попасть любви во власть,
Всю жизнь готов терпеть подобную напасть.

* * *

Ко мне, друзья мои, сегодня я пирую!
Налей нам, Коридон, кипящую струю.
Я буду чествовать красавицу мою,
Кассандру иль Мари — не все ль равно какую?

Но девять раз, друзья, поднимем круговую,—
По буквам имени я девять кубков пью.
А ты, Белло, прославь причудницу твою,
За юную Мадлен прольем струю живую.

Неси на стол цветы, что ты нарвал в саду,
Фиалки, лилии, пионы, резеду,—
Пусть каждый для себя венок душистый свяжет.

Друзья, обманем смерть и выпьем за любовь.
Быть может, завтра нам уж не собратся вновь,
Сегодня мы живем, а завтра — кто предскажет?

* * *

Мари-ленивица! Пора вставать с постели!
Вам жаворонок спел напев веселый свой,
И над шиповником, обрызганным росой,
Влюбленный соловей исходит в нежной трели.

Живей! Расцвел жасмин, и маки заблестели —
Не налюбуетесь душистой резедой!
Так вот зачем цветы кропили вы водой,
Скорее напоить их под вечер хотели!

Как заклинали вы вчера глаза свои
Проснуться ранее, чем я приду за вами,
И все ж покоитесь в беспечном забытьи,—

Сон любит девушек, он не в ладу с часами!
Сто раз глаза и грудь вам буду целовать,
Чтоб вовремя вперед учились вы вставать.

* * *

Любовь — волшебница. Я мог бы целый год
С моей возлюбленной болтать, не умолкая,
Про все свои любви — и с кем и кто такая,
Рассказывал бы ей хоть ночи напролет.

Но вот приходит гость, и я уже не тот,
И мысль уже не та, и речь совсем другая.
То слово путая, то фразу забывая,
Коснеет мой язык, а там совсем замрет.

Но гость ушел, и вновь исполнясь жаром новым,
Острию, шучу, смеюсь, легко владею словом,
Для сердца нахожу любви живой язык,

Спешу ей рассказать одно, другое, третье,
И, просиди мы с ней хоть целое столетье,
Нам, право, было б жаль расстаться хоть на миг.

* * *

Когда лихой боец, предчувствующий старость,
Мечом изведавший мечей враждебных ярость,
Не раз проливший кровь, изрубленный в бою
За веру, короля и родину свою,
Увидит, что монарх, признательный когда-то,
В дни мирные забыл отважного солдата,—
Безмерно раздражен обидою такой,
Он в свой пустынный дом уходит на покой,
И, грустно думая, что обойден наградой,
Исполнен горечью и гневом и досадой,
И негодует он, и, руки ввысь воздев,
На оскорбителя зовет господень гнев,
И, друга повстречав, на все лады клянется,
Что королю служить вовеки не вернется,
Но только возвестит гремящая труба,
Что снова близится кровавая борьба,—
Он, забывая гнев, копьё врага навстречу,
Как встарь, кидается в губительную сечу.

* * *

Постылы мне дома и грохот городской,
В пустынные места я ухожу все чаще,
Мне дорог дикий лес, приветливо молчащий,
И я бегу, едва замечу след людской.

Во всех моих лесах пичуги нет такой,
Нет вепря хищного во всей угрюмой чаще,
Бездушной нет скалы, протоки нет журчащей,
Не тронутых моей убийственной тоской.

Приходит мысль одна, за ней тотчас другая,
Слезами горькими мне душу обжигая,
А стоит на людей случайно набрести,

Любой прохожий прочь бросается, не веря,
Что человека он увидел на пути,
А не свирепого затравленного зверя.

* * *

Да женщина ли вы? Ужель вы так жестоки,
Что гоните любовь? Все радуется ей.
Взгляните вы на птиц, хотя б на голубей,
А воробьи, скворцы, а галки, а сороки?

Заря спешит вставать пораньше на востоке,
Чтобы для игр и ласк был каждый день длинней,
И повилика льнет к орешнику нежней,
И о любви твердят леса, поля, потоки.

Пастушка песнь поет, крутя веретено,
И тоже о любви. Пастух влюблен давно,
И он запел в ответ. Все любит, все смеется.

Все тянется к любви и жаждет ласки вновь,
Так сердце есть у вас? Неужто не сдается
И так упорствует и гонит прочь любовь?

* * *

Коль на сто миль вокруг найдется хоть одна
Бабенка вздорная, коварная и злая,—
Меня в поклонники охотно принимая,
Не отвергает чувств и клятв моих она.

Но кто мила, честна, красива и нежна,
Хотя б я мучился, по ней одной вздыхая,
Хотя б не ел, не спал — судьба моя такая!—
Она каким-нибудь ослом увлечена.

И как же не судьба? Все быть могло б иначе,
Но такова любовь и так устроен свет.
Кто счастья заслужил, тому ни в чем удачи.

А дураку зато ни в чем отказа нет.
Любовь-изменница, как ты хитра и зла
И как несчастен тот, в чье сердце ты вошла!

* * *

Будь я Юпитером, была бы ты Юноной,
Вздымайся над дворцом моим соленый вал,
Бессмертной Тефией тебя бы я назвал
И океанскою украсил бы короной.

Будь я царем, а ты царицею законной,
На быстрых скакунах, пьянея от похвал,
Ты проносила бы, и ветер бы взвивал
Златые волосы перед толпой склоненной.

Но я не бог, не царь, и жребий мой иной:
Я создан, чтоб служить, служить тебе одной,
Любой твой приговор сочту я справедливым.

Ты жизнь моя и смерть, печаль и боль моя,
Ты только полюби — Нептуном стану я,
Юпитером, царем, богатым и счастливым.

* * *

Мари! Вы знаете, мой пламень не потух.
Укрою ли от вас любви моей улики?
Когда, подобная нежнейшей повилিকে,
Вы ластитесь ко мне, я — невесомый пух —

Мечтаю умереть меж поцелуев двух.
Благоухание жасмина и гвоздики
Со сладким запахом малины и клубники
Мешается у вас в устах — в тончайший дух,

Достойный вознестись по голубой дороге
К Юпитеру, в его прекрасные чертоги.
Я счастлив, нет границ блаженству моему.

Но вдруг, причудница, не говоря ни слова,
Вы убегаете, чтоб целовать другого.
Он юноша, и я завидую ему.

* * *

Мари, перевернув рассудок бедный мой,
Меня, свободного, в раба вы превратили,
И отвернулся я от песен в важном стиле,
Который «низкое» обходит стороной.

Но если бы рукой скользил я в час ночной
По вашим прелестям — по ножкам, по груди ли,
Вы этим бы мою утрату возместили,
Меня не мучило б отвергнутое мной.

Да, я попал в беду, а вам и горя мало,
Что муза у меня бескрылой, низкой стала,
И в ужасе теперь французы от нее,

Что я в смятении, хоть вас люблю, как прежде,
Что, видя холод ваш, изверился в надежде,
И ваше торжество — падение мое.

* * *

Ты плачешь, песнь моя? Таков судьбы запрет:
Кто жив, напрасно ждет похвал толпы надменной.
Пока у черных волн не стал я тенью пленной,
За труд мой не почтит меня бездушный свет.

Но кто-нибудь в веках найдет мой тусклый след
И на Луар придет как пилигрим смиренный,
И не поверит он пред новой Ипокреной,
Что маленькой страной рожден такой поэт.

Мужайся, песнь моя! Достоинствам живого
Толпа бросает вслед язвительное слово,
Но богом, лишь умрет, становится певец.

Живых, нас топчет в грязь завистливая злоба,
Но добродетели, сияющей из гроба,
Сплетают правнуки без зависти венец.

Амуретта

Вы слышите, все громче воев вьюга.
Прогоним холод, милая подруга:
Не стариковски, ежась над огнем,—
С любовной битвы вечер свой начнем.
На этом ложе будет место бою!
Скорей обвейте шею мне рукою
И дайте в губы вас поцеловать.
Забудем все, что вам внушала мать.
Стыдливый стан я обниму сначала.
Зачем вы причесались, как для бала?
В часы любви причесок не терплю,
Я ваши косы мигом растреплю.
Но что же вы? Приблизьте щечку смело!
У вас ушко, я вижу, покраснело.
О, не стыдитесь и не прячьте глаз,—
Иль нежным словом так смутил я вас?
Нет, вам смешно, не хмурьтесь так сурово!
Я вам сказал — не вижу в том дурного!
Что руку вам я положу на грудь.
Вы разрешите ей туда скользнуть?
О, вам играть угодно в добродетель!
Затейщица! Амур мне в том свидетель,
Вам легче губы на замок замкнуть,
Чем о любви молить кого-нибудь.
Парис отлично разгадал Елену.

Из вас любая радуется плену.
Иная беззаветно влюблена,
Но похищеньем бредит и она.
Так испытаем силу,— что вы, что вы!
Упали навзничь, умереть готовы!
О, как я рад,— не поцелуй я вас,
Вы б надо мной смеялись в этот час,
Одна оставшись у себя в постели.
Свершилось то, чего вы так хотели!
Мы повторим, и дай нам бог всегда
Так согреваться в лучшие года.

Веретено

Паллады верный друг, наперсник бессловесный,
Ступай, веретено, спеши к моей прелестной.
Когда соскучится, разлучена со мной,
Пусть сядет с прялкою на лесенке входной,
Запустит колесо, затаяет песнь, другую,
Прядет — и гонит грусть, готовя нить тугую,
Прошу, веретено, ей другом верным будь,
Я не беру Мари с собою в дальний путь,
Ты в руки попадешь не девственнице праздной,
Что предана одной заботе неотвязной,—
Пред зеркалом менять прическу без конца,
Румянясь и белясь для первого глупца,—
Нет, скромной девушке, что лишнего не скажет,
Весь день прядет иль шьет, клубок мотает, вяжет,
С двумя сестренками вставая на заре,—
Зимой у очага, а летом во дворе.
Мое веретено, ты родом из Вандома,
Там люди хвастают, что лень им незнакома.
Но верь, тебя в Анжу полюбят как нигде,—
Не будешь тосковать, качаясь на гвозде.
Нет, алое сукно из этой шерсти нежной
Она в недолгий срок соткет рукой прилежной,
Так мягко, так легко расстелется оно,
Что в праздник сам король наденет то сукно,

Идем же, встречено ты будешь, как родное,
Веретено, с концов тщедушное, худое,
Но станом круглое, с приятной полнотой,
Кругом обвитое тесемкой золотой.
Друг шерсти, ткани друг, отрада в час разлуки,
Певун и домосед, гонитель зимней скуки,
Спешим! в Бургейле ждут с зари и до зари,
О, как зардеется от радости Мари!
Ведь даже малый дар, залог любви нетленной,
Ценней, чем все венцы и скипетры вселенной.

Песня

Если вижу, что весна,
 Что юна
Вновь волна и земли эти,
Мнится мне: Амур и день,
 Бросив тень,
Вновь рождаются, как дети.

День прелестней каждый час,
 С ним для нас
Вновь луга разнообразны,
И Амур в груди людской
 Правит бой,
С ним и стрелы, и соблазны!

Мечет он во все края
 Острия,
Он властитель всей природы,
Всех людей, зверей и птиц,
 Пали ниц
Перед ним покорно воды.

Вот Венера. С ней и сын,
 Властелин,
В колеснице, зримы снизу...
Мчит она на лебедях
 в облаках
На свидание к Анхизу.

И куда бы ни простер
 Стрелы взор
Сквозь простор лучей прекрасных,
Воздух станет сразу чист
 И, лучист,
Блещет в искрах сладострастных.

Лишь опустит до земли,—
 И выросли
Тысячи цветов медвяных,
И гвоздик среди полей,
 И лилей,
И меж ними роз румяных...

В месяц сей душа моя,—
 Чую я —
Вся в Амуровом пыланье;
Вижу я: со всех сторон
 Принял он
Госпожи очарованье.

Если вижу все в цвету,
 Пестроту
На речном цветущем берегу,
Мнится, предо мной горит
 Жар ланит
Пурпуровых, полных неги!

Если вижу: вяз обвить
 Хочет нить
Плющевая, обнимая,—
Мнится, в путах я тугих
 Рук твоих,
Шею жмет мне дорогая.

Слышу ли, войдя в лесок,
Голосок
Веселящий соловейный,—
Мнится: в уши льется мне
В тишине
Милый голос чародейный.

Вижу ль, что стройна сосна
И одна
Осенила всю полянку,—
Мысль мешается моя,
Вижу я
Стан ее, ее осанку!

Иль когда цветок найду
Я в саду,
Ранним утром оживленный,—
Говорю: похож цветок
На сосок
Груды, нежно округленной.

Солнца ль светлая коса
В небеса
Появляется с зарею,—
Вновь мне кажется: она
Ото сна
Поднялась передо мною.

Коль иду среди лугов
И цветов
Окружен благоуханьем,—
Чувствам кажется моим,
Что твоим
Сладким я пленен дыханьем.

Словом, я меж госпожой
И весной
Смело делаю сравненье:
Жизнь дает цветам весна,
А она
Мне дает свое биенье.

Близ журчащего слегка
Ручейка
Я расплел бы косы эти,
Их во столько бы кудрей
Свил бы ей,
Сколько их на водной сети.

Чтобы ею обладать,
Мне бы стать
Божеством сих роц безвестных,
Целовать бы столько раз,
Сколь у нас
Много листиков древесных.

Дорогая, приходи!
Погляди,
Что за зелень в свежем доле!
Мне сочувствуют цветы.
Только ты
Равнодушна к бедной доле!

Посмотри-ка в высоту
На чету,
Последи за голубями,
Как естественно они
В эти дни
Клювом любятся, крылами.

Мы же чести ловим тень.
Что ни день,
Гоним счастье, хоть не рады.
Птицам лучше,— те вольны,
Влюблены,
И в любви им нет преграды.

Все же нам терять не след
Наших лет
Ради строгости не в меру,
Лучше следовать теперь,—
О поверь,—
Голубиному примеру.

Лучше мне скорей даруй
Поцелуй,
О богиня, утешая,
Чтобы наших дней заря
Эдак зря
Не исчезла золотая!

Песня

Коснись, молю богами,
Чтоб я не захворал,
Ты губ моих губами,
Пунцовей, чем коралл.
И шею мне обвей
Скорей рукой своей.

И, очи в очи, рядом
Мы сядем, склонены,
И ты проникнешь взглядом
До сердца глубины,—
Оно ж полно одной
Любовью и тобой.

Красавица! Смущенье
Моих влюбленных глаз!
Целуй без промедленья,
Целуй меня сто раз!
Зачем лежу я тих
И нем в руках твоих?

Чтоб сон твой стал короче,—
Я не хочу отнюдь,—
Блажен, коль могут очи
Прекрасные вздремнуть.
Блажен, коль встретят сны,
Ко мне устремлены.

Я, хочешь, их открою,
Лобзаньем сон гоня?
Ах! Вновь ты стала злою,
Чтоб уморить меня.
Сейчас покину свет...
Тебе не стыдно, нет?

Коль хочешь, враг мой милый,
Чтоб не был я томим,
В меня вдохни ты силы
Лобзанием своим.
Ах! В сердце мне течет
Его сладчайший мед.

Любови неустанной
Я буйство полюбил,
Коль тот же постоянный
Двоих сжигает пыл.
Мне будет смерть мила,
Коль чрез любовь пришла.

* * *

Что я люблю Мари — то истина святая,
Но и любовь к Аннет Амур в меня вдохнул,
Мне обе дороги. Так в оны дни Тибулл
О Немезиде пел, по Делии страдая.

Педант бы осудил — вот ветренность пустая:
Забыть любимую, едва лишь день мелькнул!
Любил лишь тот, кто век с дороги не свернул,
Кто счастлив был, одну любовь предпочитая.

Но, право, Шеруврье, в обеих я влюблен!
Не думай, будто лгу, безмерно распален
Воображением и жадной обладанья.

И многого ль прошу: у той — к руке прильнуть,
Той — шею целовать, глаза иль губы, грудь,
Вот, милый Шеруврье, и все мои желанья.

* * *

Ты всем взяла: лицом и прямою стана,
Глазами, голосом, повадкой озорной.
Как розы майские — махровую с лесной —
Тебя с твоей сестрой и сравнивать мне странно.

Я сам шиповником люблюсь постоянно,
Когда увижу вдруг цветущий куст весной.
Она пленительна — все в том сошлись со мной,
Но пред тобой, Мари, твоя бледнеет Анна.

Да, ей, красавице, до старшей далеко.
Я знаю, каждого сразит она легко,—
Девичьим обликом она подруг затмила.

В ней все прелестно, все, но толькоходишь ты,
Бледнеет блеск ее цветущей красоты,
Так меркнут при луне соседние светила.

* * *

Проведав, что с другим любимая близка,
Не буйствуй, удержишь от гневного порыва.
Ты друга верного прощаешь терпеливо,
Когда вспылал он вдруг и нагрубил слегка.

Грех надо отличать от мелкого грешка,
А согрешить разок — уж не такое диво,
Когда любовница твоя еще красива
И даже кается — вина невелика!

Ты скажешь, ты считал ее достойной, честной,
Но Цинтия — пример, тебе не безызвестный,
Проперций в ней нашел достойные черты.

И все ж она его однажды обманула.
Так усмири свой гнев. Ну чем их лучше ты —
Их всех — Проперция, Тибулла и Катулла.

* * *

Я грустно, медленно, вдоль мутного потока,
Не видя ничего, бреду лесной тропею.
Одна и та же мысль мне не дает покою:
О ней,— о той, в ком нет, казалось мне, порока.

О дай мне отдых, мысль, не мучай так жестоко,
Не приводи одну причину за другою
Для горьких слез о том, что и теперь, не скрою,
Мне больно сердце жжет и сводит в гроб до срока.

Ты не уходишь, мысль? Я развалю твой дом,
Я смертью собственной твою разрушу крепость.
Уйди, прошу, оставь мой разум наконец!

Как хорошо забыть, уснув могильным сном,
Измену, и любовь, и эту всю нелепость —
То, от чего навек освобожден мертвец.

Смерть Марии

Я безутешно слезы лью.
Припоминаю смерть твою,
Былое счастье, жизнь былую,
Воображаю каждый миг
Тот взор, что мной играть привык,
И в одиночестве тоскую.

Увы! Твой смех, твой нежный взор.
Улыбка, голос, разговор —
Все, от чего росла и крепла
Моя любовь — и нежных глаз
Лукавый, сладостный отказ,—
Ужель вы стали горстью пепла!

И все ж красавицу мою
Я в сердце бережно таю,
Всю, как живую, в нем лелею.
Ни смерть любви не охладит,
Ни гроб мечтам не запретит
Повсюду следовать за нею.

О, если б не был разум мой
Обманут близостью живой,
Когда, лаская пышный волос,
Впивая блеск волшебных глаз,
Внимал я каждый день и час
Твой ласковый, твой звонкий голос,

И вздох, и лепет в тишине,—
О, если б ты сказала мне:
Гляди, чтоб наглядеться вволю,
Запомни все мои черты,
Их больше не увидишь ты,
Мне выпал дальний путь на долю!

Тогда б я взял из глаз твоих
Все то, что мне сияло в них,
Впитал бы сердцем изумленным,—
Но смертным ведать не дано,
Что им утратить суждено
Веленьем Парки непреклонным!

С тех пор живу, забыт, угрюм,
В смятенье скорбном чувств и дум,
Не разделив ни с кем досуга,
Не утолив печаль свою...
Мой ангел, вспомнишь ли в раю
Тобой покинутого друга?

Один остался твой Ронсар!
Ты в полном блеске юных чар
На небеса взята судьбою,
Утратив прелесть красоты,
Как вянут нежные цветы,
Открыты солнечному зною.

Амур, когда захочешь вновь
Мне возвести в закон любовь,
До гроба стать моим владыкой —
Ступай в Аид, Плутону льсти,
Лишь сочетай в земном пути
Меня с моею Эвридикой!

Иль там, вверху, Природу-мать
Моли такую же создать,

Как та, о чьей красе тоскую,—
Но нет, сама восхищена,
Разбила форму ту она,
Чтоб в ней не воплотить другую.

Глаза Марии мне верни!
Два солнца огненных, они
Слепили пламенной игрою.
Ты дал такую нежность ей,
Такую прелесть, что пред ней
Терялся разум мой порою.

Верни мне ласку и привет,
Порой — уклончивый ответ,
Порой — лукавое сомненье.
Верни мне все ее черты!
Когда ж и сам бессилен ты,
Ступай — тебе мое презренье!

Я в смерти помощь обрету,
Я только смерть отныне чту —
Превыше чести, жизни, славы,
Любовь! Пред смертью ты ничто,
Коль отдала без боя то,
В чем цвет и честь твоей державы!

В Элизии ль ты в этот час,
Близ бога ли — прости сто раз,
Прости, Мари, за дверью гроба!
Вовеки сердцу ты мила,
И смерть не разрешит узла,
Которым связаны мы оба.

* * *

Как роза ранняя, цветок душистый мая,
В расцвете юности и нежной красоты,
Когда встающий день омыл росой цветы,
Сверкает, небеса румянцем затмевая,—

Вся прелестью дыша, вся грация живая,
Благоуханием поит она сады,
Но солнце жжет ее, но дождь сечет листья,
И клонится она и гибнет, увядая.

Так ты, красавица, ты, юная, цвела,
Ты небом и землей прославлена была,
Но пресекла твой путь ревнивой Парки злоба.

И я в тоске, в слезах на смертный одр принес
В кувшине — молока, в корзинке — свежих роз,
Чтоб розою живой ты расцвела из гроба.

Эпитафия Марии

Красавица Мари, ты здесь погребена.
Ты из Вандомуа в Анжу меня сманила,
В зеленый месяц мой ты кровь мне горячила,
В душе, в крови, в мечтах царила ты одна.

Здесь вежество, и честь, и чувства глубина,
И прелесть — все навек отторгнула могила,
Ты б красотой своей и мертвых воскресила —
Такая красота была тебе дана.

Прекрасная Мари звездой прекрасной стала,
Пред ратью ангельской очами заблестала,
Но, красоты лишась, весь мир уныл и сир.

Да, ныне ты жива, я мертв душой с кручины,
Презренен этот век, презренен тот мужчина,
Кто в плен идет к любви и мнит, что честен мир.

Сонеты к Елене

Первая книга

* * *

Плыву в волнах любви. Не видно маяка.
Хочу лишь одного (не дерзко ль это слово!),
Но в горестной душе желанья нет иного —
Достигнуть берега — ведь гавань так близка!

Предвестье гибели — клубятся облака.
Виденьем огненным из мрака грозового
Елена светит мне. Она глядит сурово,
И к смерти парус мой ведет ее рука.

Я одинок, тону. Вожатым в путь мой трудный
Слепого мальчика я выбрал, безрассудный,
И горько жалуюсь, краснею, слезы лью.

Душе неведом страх, хоть смерть меня торопит.
Но, боже праведный! Ужели шквал потопит
У самой пристани неверную ладью!

* * *

Возненавидишь ты меня, моя Аглая,
Или полюбишь вдруг,— не все ли мне равно?
На карту жизнь моя поставлена давно,
И я решенья жду, пощады не желая.

Измучится душа, в огне любви пылая,
Или заоченеть во льдах ей суждено,—
В небесных знаменьях читаю я одно:
Мне гибель скорую судьба пророчит злая.

Под знаменем Любви я вечный паладин,
Так горько не страдал, должно быть, ни один
Великомученик,— привычно, как в доспехи,

Я в беды облачусь и вызову на бой
Свою обидчицу, уверенный в успехе:
Ты дважды не убьешь убитого тобой.

* * *

Вдыхатель вечный твой, я третий год в плену
У этих милых глаз, но в сердце нет печали,
Лишь беды старости порою докучали,
По волосам моим рассыпав седину.

И если я бледнеть и тосковать начну,
Ты вспомни, как легко, как ласково вначале
Любую боль мою глаза твои смягчали:
Тифон за кроткий нрав боготворил жену.

И если ты одна в моей повинна боли,
Найди в душе своей хоть чуточку тепла,
Что свойственно сердцам людским: я поневоле

Давно такой, каким меня ты создала,
Ты кровь моя и плоть, и жизнь, не оттого ли
Тебя душа моя в подруги избрала.

* * *

Когда с прелестною кузиною вдвоем,
Затмив светило дня, сидела ты в гостиной,
Я был заморожен волшебною картиной:
Так хороши цветы над луговым ручьем.

Анжуйских девушек легко мы узнаем:
Их милой живостью прославлен край старинный,—
Тепло, приветливо я встречен был кузиной,
А ты задумалась, мечтая о своем.

Ты безразличием мне душу истерзала,
Как ни молился я — ты глаз не подняла
И, полусонная, ни слова не сказала,—

Все брови хмурила, сама себе мила,
И испугался я, что дерзким ты сочла
Приветствие мое, и выбежал из зала.

* * *

Бездушная, меня ты презирать вольна,
Унизить, растоптать, смеяться надо мною,—
Тогда я мог бы жить надеждою одною,
Надеждой, что во все сияла времена.

Она спасенье тех, чья жизнь обречена,
Земля — для моряка, снесенного волною,
Для узника — звезда над каменной стеною,
Как высший дар богов Надежда нам дана.

Бездушья своего ни взглядом, ни упреком
Вовек не выдашь ты, но, словно ненароком,
Искусной колкостью покой смущаешь мой.

Бездушная, скажи, что может значить это?—
Превозносить любовь и не любить самой —
О солнце говорить, страшась дневного света!

* * *

В который раз уже обида друг на друга —
И примирение. Уже в который раз
Хулы и похвалы зачинщику проказ,
Амуру, чья вина не меньше, чем заслуга.

Как повторение затверженного круга,
Сближение — разрыв, согласие — отказ,
И уверения, лишь на короткий час —
Все это признаки любовного недуга.

Соединяются извечно, видит бог,
Противоречия любви в один клубок.
В ней доброта и гнев — два равнозначных знака,

С отчаянием в ней надежда сплетена.
Любовь — упорная и долгая война,
Где перемирия случаются, однако.

* * *

Когда в ее груди — пустыня снеговая
И, как броню, льдом холодный дух одет,
Когда я дорог ей лишь тем, что я поэт,
К чему безумствую, в мученьях изнывая?

Что имя, сан ее и гордость родовая —
Позор нарядный мой, блестящий плен? О, нет!
Поверьте, милая, я не настолько сед,
Чтоб сердцу не могла вас заменить другая.

Амур вам подтвердит, Амур не может лгать:
Не так прекрасны вы, чтоб чувство отвергать!
Как не ценить любви — я, право, негодую!

Ведь я уж никогда не стану молодым,
Любите же меня таким, как есть, седым,
И буду вас любить, хотя б совсем сеую.

* * *

Я нитку алую вокруг твоей руки
Сегодня обвязал с покорною мольбою,
Но, видно, колдовство не властно над тобою:
Сердцами были мы как прежде далеки.

Сударыня, я сам рассудку вопреки
Опутан темною всевластной ворожбою,
Я пленник, я слуга, насмешливой судьбою
Коварно пойманный в любовные силки.

Вконец отчаявшись, пойду я к чародею
И демоническим напитком овладею,
Чтоб жар в груди твоей вовеки не утих.

Увы, я слишком стар для пылкого веселья,
Богатство, красота, а не волшебный стих,—
Вот подлинной любви магические зелья.

* * *

Глава, училище искусств и всех наук,
Жилище разума, что дал нам веру в Бога,
Счастливой памяти и праведности строгой,
Откуда, вновь родясь, Паллада вышла вдруг!

Глава, достоинства и благонравья друг
И неизбывный враг греховности убогой,
Глава, ты — малый мир, часть горнего чертога,
И звений мировых тебе известен круг!

Высокородный дух, что небо нам дарит,
В сей голове теперь, как в небесах, парит,
Лишен страстей земных, которых не избудем,

Но хрупок и летуч и свят и прост вполне.
Коль ты божественна, подай прощенье мне:
Пристало божествам дарить прощенье людям.

* * *

Когда бы вы, мадам, мне подарили сами
Один свой поцелуй — в награду всех тревог!—
Я бы, как легким сном, разлукой пренебрег,
Не мучая себя ревнивыми мечтами.

Когда бы вашими прекрасными чертами
На маленьком холсте я любоваться мог
Иль трогать прядь волос — любви живой залог,
Я не сменялся бы своей судьбой с богами.

Увы, я ничего не получил от вас,
Что бы могло меня утешить в скорбный час,
Чем память и печаль могли бы усладиться.

По-вашему, любовь — лишь сочетание двух
Духовных сущностей. Мне трудно согласиться;
Что может сочетать лишенный плоти дух?

* * *

Как в зеркале, в глазах твоих отражены
Небесные луга, приют любви счастливый,
В их пламени Амур, насмешник шаловливый,
Закаливал стрелу для ласковой войны.

О рыцари, меня отвлечь вы не вольны
От глаз, где чистые рождаются приливы,
Какую бранную добычу предпочли вы
Блаженству черпать жизнь из этой глубины?

Твоя улыбка мне награда дорогая,
По капле в грудь мою вольется, обжигая,
Бальзам твоих очей и горячей огня

Сияньем ангельским воспламенит мне душу,
Но мыслью о себе я счастья не нарушу,
Тщеславный этот мир исчезнет для меня.

* * *

Итак, храните все, все, что судьбой дано вам,
Храните от меня свой каждый день и час,
И вашу красоту, и нежность ваших глаз,
И ваш глубокий ум, и вашу власть над словом.

Склоняюсь горестно пред жребием суровым:
Уже не оскорблю объятъем дерзким вас,
Хотя б, смиряя страсть, отвергнут в сотый раз,
Я смелость вновь обрел в отчаянии новом.

И если невзначай коснусь я вас рукой,
Не надо гневаться и так сверкать очами,—
Мой разум ослеплен, я потерял покой,

Все думы лишь о вас, я полон только вами,
И небреженья нет в нескромности такой,—
Простите же мне то, в чем вы виновны сами.

* * *

Мадам, вчера в саду меня вы уверяли,
Что вас не трогает напыщенный куплет,
Что холодны стихи, в которых боли нет,
Отчаянной мольбы и горестной печали;

Что на досуге вы обычно выбирали
Мой самый жалостный, трагический сонет,
Поскольку стон любви и страсти жгучий бред
Ваш дух возвышенный всегда живой питали.

Не речь, а западня! Она меня манит
Искать сочувствия, забвения обид,
Надежду оплатив ценою непомерной,—

Чтоб над моей строкой лукавый глаз пустил
Фальшивую слезу. Так плачет крокодил
Пред тем, как жизнь отнять у жертвы легковерной.

* * *

Лимон и апельсин, твой драгоценный дар,
Целую сотни раз влюбленными губами,
Кладу себе на грудь, где полыхает пламя:
Пусть почувствуют мой сокровенный жар.

Когда же два плода в огне любовных чар
Воспламеняются — я их тушу слезами.
Ты смотришь на меня лукавыми глазами,
Как будто нанести готовишься удар.

Лимон и апельсин — два символа любовных.
Они подобие тех яблок баснословных,
Которыми прельстил бегунью Гиппомен.

Проказник и шутник Амур, что правит в мире,
Украдкой привязал к моим ногам две гири.
Как, легконогую, тебя возьму я в плен?

* * *

Ты помнишь, милая, как ты в окно глядела
На гаснувший Монмартр, на темный дол кругом
И молвила: «Поля, пустынный сельский дом,—
Для них покинуть Двор — нет сладостней удела!

Когда б я чувствами повелевать умела,
Я дни наполнила б живительным трудом,
Амура прогнала б, молитвой и постом
Смирняя жар любви, не знающий предела».

Я отвечал тогда: «Погасшим не зови
Незримый пламень тот, что под золой таится:
И старцам праведным знаком огонь в крови.

Как во дворцах, Амур в монастырях гнездится.
Могучий царь богов, великий бог любви,
Молитвы гонит он и над постом глумится».

* * *

Куда от глаз твоих укрыться, посоветуй!
От факелов иных я сердца не зажгу:
Красавицы во мне не видели слугу,
Полжизни прожил я, любовью не задетый.

Поволочусь за той, любезничаю с этой,
У самых ветреных прелестниц не в долгу,
Я думал, от сетей себя уберегу,
Но если уж попал, то на судьбу не сетуй.

Проигран бой, разбит последний мой отряд,
Но ради глаз твоих и десять лет подряд
Готов я осаждать несломленную Трою.

Пойми, Эрот ревнив к чужому торжеству,
Добычу кроткую и лев щадит порою:
Сжигает молния скалу, а не траву.

* * *

Ты знаешь, ангел мой, что я питаюсь лишь
Лучами глаз твоих, что всякая другая
Еда нейдет мне впрок: зачем же, дорогая,
Свой взор — мой скудный хлеб — ты от меня таишь?

Я узнаю, что ты приехала в Париж,
Но где тебя искать, планета кочевая?
Изголодался я, желанных глаз алкая,
Без них мою тоску ничем не утолишь.

Ты собралась в Эркей с прелестною кузиной,
Где лилий на лугу — хоть уноси корзиной,
Где Грот над родником — уединенья сень.

Возьми же и меня, молю, в поездку эту —
Без опасения утяжелить карету! —
Ведь я — уже не я, а собственная тень.

* * *

С каким презрением вы мне сказали «нет»,
С каким изяществом вы обрекли на муку
Остаток дней моих — как пережить разлуку
С монархиней, когда ей служишь столько лет!

Порою сердце мне томит любовный бред,
В отчаянье хочу поцеловать вам руку,
Но вы, притворную выказывая скуку,
Твердите: «Ах, какой несносный сердцеед».

Увы, как часто мы, влюбленные, зависим
От ласковых угроз, от этих колких писем,
Что столько говорят о вас и обо мне.

Притворство вовсе бы меня не обижало,
Когда бы каждый слог в невинной болтовне
Мне не вонзался в грудь, как острие кинжала.

* * *

Я эти песни пел, уйдя в пещеру Муз
От шума ярых сеч, от скрежета и стона,
В те дни, когда Мятеж взвивал свои знамена
И на француза шел с оружием француз.

Когда под лязг мечей, под грохот аркебуз
Измена и разбой украли жезл закона,
И бойней правила кровавая Беллона,
И в общей груде жертв лежал герой и трус.

Пресытись этим злом, как Океан, безбрежным,
Я воспевал любовь — и жар мой не хладел,
На приступ Госпожи я шел бойцом прилежным.

Венерина война — вот славный мой удел:
Она кончается единоборством нежным,—
А Марса не унять и тысячами тел.

* * *

Хорош ли, дурен слог в сонетах сих, мадам,
Лишь вы причиною хорошему ль, дурному:
Я искренне воспел сердечную истому,
Желая выход дать бушующим страстям.

Когда у горла нож, увы, трудненько нам
Не хныкать, не молить, не сетовать другому!
Но горе — не беда весельчаку шальному,
А нытик в трудный час себя изводит сам.

Я ждал любви от вас, я жаждал наслажденья,
Не долгих чаяний, не тягот, не забот.
Коль вы отнимите причину для мученья,

Игриво и легко мой голос запоет.
Я — словно зеркало, где видно отраженье
Того, что перед ним с любым произойдет.

Сонеты к Елене

Вторая книга

* * *

Быть может, что иной читатель удивится
Предмету этих строк, подумав свысока,
Что воспевать любовь — не дело старика.
Увы, и под золой живет огня крупица.

Зеленый сук в печи не сразу разгорится,
Зато надежен жар сухого чурбака.
Луне всегда к лицу седые облака,
И юная заря Тифона не стыдится.

Пусть к добродетели склоняет нас Платон —
Фальшивой мудростью меня не проведете.
О нет, я — не Икар, не дерзкий Фазтон,

Я не стремлюсь в зенит, забыв о смертной плоти;
Но, и снегами лет ничуть не охлажден,
Пылаю и тону по собственной охоте.

* * *

Чтобы цвести в веках той дружбе совершенной —
Любви, что к юной, вам, питал Ронсар седой,
Чей разум потрясен был вашей красотой,
Чей был свободный дух покорен вам, надменной,

Чтобы из рода в род и до конца вселенной
Запомнил мир, что вы повелевали мной,
Что кровь и жизнь моя служили вам одной,
Я ныне приношу вам этот лавр нетленный.

Пребудет сотни лет листва его ярка,—
Все добродетели воспев в одной Елене,
Поэта верного всеильная рука

Вас сохранит живой для тысяч поколений,—
Вам, как Лауре, жить и восхищать века,
Покуда чтут сердца живущий в слове гений.

* * *

Сажаю в честь твою я дерево Цибелы,
Сосну, чтоб о тебе все знали времена;
Любовно вырезал я наши имена,
И вырастет с корой их очерк огрубелый.

Вы, населившие родные мне пределы,
Луара резвый хор, вы, Фавнов племена!
Заботой вашею пусть вырастет сосна,
И летом и зимой пусть ветви будут целы.

Пастух, ты пригонять сюда свой будешь скот,
С тростинкой напевать эклогу в этой сени;
Дощечку на сосну ты вешай каждый год,—

Прохожий да прочтет мою любовь и пени,
И вместе с молоком ягненка кровь прольет,
Сказав, «Сосна свята. То память о Елене».

* * *

Кассандра и Мари, пора расстаться с вами!
Красавицы, мой срок я отслужил для вас.
Одна жива, другой был дан лишь краткий час —
Оплакана землей, любима небесами.

В апреле жизни, пьян любовными мечтами,
Я сердце отдал вам, но горд был ваш отказ,
Я горестной мольбой вам докучал не раз,
Но Парка тклет мой век небрежными перстами.

Под осень дней моих, еще не исцелен,
Рожденный влюбчивым, я, как весной, влюблен.
И жизнь моя течет в печали неизменной,

И хоть давно пора мне сбросить панцирь мой,
Амур меня бичом, как прежде, гонит в бой —
Братъ гордый Илион, чтоб овладеть Еленой.

* * *

Как ты силен, Амур, коварный чародей!
И как ты слаб и слеп, мой разум омраченный!
Нет, ты не сможешь стать надежной обороной
Для сердца глупого и седины моей,—

Вся Философия не пригодится ей.
Лишь ты поможешь мне, веселый сын Тионы:
Приди, Нисейский бог, приди, дважды рожденный,
И в чашу мне свое противоядие влей.

С бессмертным смертному тягаться — жребий
трудный,
Но против колдовства есть, к счастью, колдовство;
И если за меня смиритель Ганга чудный,

Тогда беги, Амур, от взора моего!
Рассудком воевать с любовью — безрассудно.
Чтоб сладить с божеством, потребно божество.

* * *

Комар, свирепый гном, крылатый кровосос
С писклявым голоском и с мордою слоновьей,
Прошу, не уязвляй ту, что язвит любовью,—
Пусть дремлет Госпожа во власти сладких грез.

Но если алчешь ты добычи, словно пес,
Стремясь насытиться ее бесценной кровью,
Вот кровь моя взамен, кусайся на здоровье,
Я эту боль снесу — я горше муки снес.

А впрочем, нет, Комар, лети к моей тиранке
И каплю мне достань из незаметной ранки —
Попробовать на вкус, что у нее в крови.

Ах, если бы я мог сам под покровом ночи
Влететь к ней комаром и впиться прямо в очи,
Чтобы не смела впредь не замечать любви!

* * *

К индийскому купцу, что вынет из тюка
Душистую смолу, запястья, ожерелья,
Сходить и не купить заморского изделия,—
Как без охапки роз уйти из цветника,

Иль, уст не увлажнив, стоять у родника,
Что солнечной струей бежит из подземелья,
Иль в круг прелестных дам проникнуть без веселья,
Не ощущая стрел крылатого божка.

К чему самообман? Глупец — и тот рассудит:
Жжет пламя нашу плоть, а лед нам тело студит.
Жаровни, может быть, Амуру не раздуть,

Но берегись его: свой факел взяв опасный,
Тебе, Любовь моя, столь юной и прекрасной,
Хоть искру заронить он изловчится в груди!

* * *

Оставь меня, Амур, дай малость передышки;
Поверь, желанья нет опять идти в твой класс,
Где разум я сгубил и силы порастряс,
Где муки адовы узнал не понаслышке.

Напрасно доверял я лживому мальчишке,
Который жизни цвет тайком крадет у нас,
То ласкою маня, то нежным блеском глаз,—
С истерзанной душой играя в кошки-мышки.

Его питает кровь горячих юных жил,
Безделье пестует и сумасшедший пыл
Нескромных снов любви. Все это мне знакомо;

Я пленником бывал Кассандры и Мари,
Теперь другая страсть мне говорит: «Гори!»
И вспыхиваю я, как старая солома.

* * *

Превозносить любовь — занятие для глупца,
Но трудно совладать с певцом полубезумным,
Хотя в безверья век ни тяжбам хитроумным,
Ни разрушительным сраженьям нет конца.

Амур — исчадь зла! Я сед, и спал с лица.
С повязкой на глазах, мальчишкой полоумным
Он делает меня, что мужем был разумным,
Но жалким слепком стал с коварного юнца.

Неужто, увидав с чужим гербом знамена
В родном краю — под власть Амурова закона
Я, к своему стыду, беспечно подпаду?

Нет! Поспешу в Париж — искать в нем правосудья!
У Муз, — у старых ведьм, — не соглашусь отнюдь я
На побегушках быть, ходить на поводу!

* * *

Я вами побежден! Коленопреклоненный,
Дарю вам этот плющ. Он, узел за узлом,
Кольцом в кольцо, зажал, обвил деревья, дом,
Прильнул, обняв карниз, опутав ствол плененный.

Вам должен этот плющ по праву быть короной,—
О, если б каждый миг вот так же — ночью, днем,
Колонну дивную, стократно всю кругом
Я мог вас обвивать, любовник иступленный!

Придет ли сладкий час, когда в укрomный грот
Сквозь зелень брызнет к нам Аврора золотая,
И птицы запоют, и вспыхнет небосвод.

И разбужу я вас под звонкий щебет мая,
Целуя жадно ваш полураскрытый рот,
От лилий и от роз руки не отнимая.

* * *

Не вечен красоты венок благоуханный!
Ты, время упустив, ей втуне дашь пропасть!
Но если у тебя очарованья часть
Осталась — раздели с друзьями дар желанный.

Киприда, я клянусь твой нрав непостоянный.
Зачем тобой, как раб, я отдан был во власть
Мучительнице той, что надо мною всласть
Натешилась, пока не пал я, бездыханный.

Мятущихся валов тебе покорна дурь.
Дитя пучины, — мне пошлешь ты много буре!
Какого ждешь еще блаженства, Киферея?

Раскатов громовых и языков огня
Ты припасла, жена Вулкана, для меня.
Страстей, ножей и стрел — любовница Арея.

* * *

В купальне, развязав, тебе вручила пояс
Киприда и беречь его дала наказ.
А ты стрелу метнуть в меня из дивных глаз
Успела, стан обвив и с волшебством освоясь.

Но доброхотства Муз, увы, не удостоясь,
От раны гибну я! Богини, разве вас
Я, как школяр, спросил о свойствах лунных фаз,
Иль об эклиптике, лениво в книгах роясь?

За вами волочусь я не затем, чтоб мог
Узнать, кто создал мир — Фортуна или бог?
Я помышлял смягчить Еленино коварство,

Ей посвятив сонет, но беден был мой слог!
Вам нужен ученик, чей стих не столь убог.
Прощайте, ухожу! Окончено школярство.

* * *

О, стыд мне и позор! Одуматься пора б,
С седою головой резон угомниться.
Отныне лучше бы рассудку покориться,
Бежать бы от любви, от этих цепких лап.

Сто раз давал зарок, но что мне делать?— слаб.
Зимой бутонам роз, увы, не распуститься.
Уже полсотни лет моя неволя длится,
Разбойнице служу, ее галерный раб.

Отныне я готов доверить сердце в руки
Лишь Аристотелю, хочу служить науке,
Прекрасной дочери его, остаток лет.

Пора бы мне понять все тонкости Амура.
Он — бог и он парит, а я брожу понуро.
Он молод, он силен, а я согбен и сед.

* * *

Оставь страну рабов, державу фараонов,
Приди на Иордан, на берег чистых вод,
Покинь цирцей, сирен и фавнов хоровод,
На тихий дом смени тлетворный вихрь салонов,

Собою правь сама, не знай чужих законов,
Мгновеньем насладись,— ведь молодость не ждет!
За днем веселия печали день придет
И заблестит зима, твой лоб снегами тронув.

Ужель не видишь ты, как лицемерен Двор?
Он золотом одел Донос и Наговор,
Унизил Правду он и сделал Ложь великой.

На что нам лесть вельмож и милость короля?
В страну богов и нимф — беги в леса, в поля,
Орфеем буду я, ты будешь Эвридикой.

* * *

Когда, старушкою, ты будешь пряхь одна,
В тиши у камелька свой вечер коротая,
Мою строфу споешь и молвишь ты, мечтая:
«Ронсар меня воспел в былые времена».

И, гордым именем моим поражена,
Тебя благословит прислужница любая,—
Стряхнув вечерний сон, усталость забывая,
Бессмертную хвалу провозгласит она.

Я буду средь долин, где нежатся поэты,
Страстей забвенью пить из волн холодной Леты,
Ты будешь у огня, в бессоннице ночной,

Тоскуя, вспоминать моей любви моленья.
Не презирай любовь! Живи, лови мгновенья
И розы бытия спеша срывать весной.

* * *

Созвездья Близнецов любимая сестра
И Леды с Лебедем пленительное чадо!
Краса твоя была причиною разлада
Европы с Азией, но стала ты стара.

При виде зеркала тебя берет хандра:
«Иль тело дряблое и сеть морщин — отрада,
Из-за которой шла Троянских стен осада,
Глупцов, мужей моих, кровавая игра?»

Но кожу каждый год меняя змеям, боги
Весну у нас навек, завистливы и строги,
Спешат отнять: глядишь — и осень на дворе!»

Красавицы! Нельзя не внять словам Елены
О том, что свойственны природе перемены.
Кто упустил апрель, заплачет в октябре!

* * *

Ступай, мое письмо, послушливый ходатай,
Толмач моих страстей, гонец моих невзгод;
Вложи в слова тоску, что душу мне гнетет,
И сургучом любви надежно запечатай.

Явись пред госпожой и, зоркий соглядатай,
Заметь: небрежно ли прекрасный взор скользнет
По горестным строкам — или она вздохнет —
Иль жалость выкажет улыбкой виноватой.

Исполни долг посла и все поведай ей,
Чего я не могу поведать столько дней,
Когда, от робости бледнея несуразной,

Плутаю в дебрях слов, терзаясь мукой праздной.
Все, все ей расскажи! Ты в немоте своей
Красноречивее, чем лепет мой бессвязный.

* * *

В тот вечер плавные тебя манили звуки,
И в танцевальный зал ты весело сошла,
От блеска глаз твоих зажглась ночная мгла,
Все ожило, едва соединились руки.

Все вьется, кружится, летит, не зная скуки,
И танцу комната становится мала,—
То переменчивый, то ровный, как стрела,
Меандра древнего он повторял излучи.

Обворожительный и каждый раз другой:
То треугольником, то лентой, то дугой,
То клином журавлей в просторе поднебесном

Выстраивался он,— о нет, сомненья прочь!
Я видел: над землей парила ты в ту ночь,—
Танцуя, божеством ты стала бестелесным.

* * *

Уж этот мне Амур — такой злодей с пеленок!
Вчера лишь родился, а нынче — столько мук!
Отнять у матери и сбыть буяна с рук,
Пускай за полцены — на что мне злой ребенок.

И кто подумал бы — хватило же силенок:
Приладил тетиву, сам натянул свой лук!
Продать, скорей продать! О, как заплакал вдруг.
Да я ведь пошутил, утешься, постреленок.

Я не продам тебя, напротив, не тужи:
К Елене завтра же поступишь ты в пажы,
Ты на нее похож кудрями и глазами.

Вы оба ласковы, лукавы и хитры,
Ты будешь с ней играть, дружить с ней до поры,
А там заплатишь мне такими же слезами.

* * *

Душистый сноп цветов, печали не тая,
Сложила ты на холм Лукреции могильный.
Увидел я слезу, услышал вздох умильный
И понял, что в плену у смерти жизнь твоя.

Ты ценишь все, на чем печать небытия
Лежит, но есть закон души любвеобильной:
Я должен умирать сто раз в тоске бессильной,
Суровости твоей и жертва, и судья.

Когда, живых презрев, ты, почестями гробу,
Являешь нам свою тщеславную особу,
Когда тебе одни фантомы по нутру,

Не мнишь ли ты, что я, от мира отрешенный
И милостей твоих неласково лишенный,
Стремясь любовь снискать, возьму — и впрямь
умру?

* * *

Увидев, что мой дом разграблен солдатней
И смерть сражает всех без счету, без разбору,
Я мысленно искал в тебе свою опору
И радость обретал в тебе, тебе одной.

Я думал: «Сжалилась Фортуна надо мной,
Оставив мне тебя в несчастнейшую пору!»
И в простодушии своем поверил вздору!
Но ты, пленив меня искусной западней,

Мне нанесла такой урон, что и матерым
Тут делать нечего осталось мародерам.
Но не ропщу на твой суровый произвол,

Оправдываю я твой суд неправосудный.
Над слабостью моей торжествовать нетрудно.
В ней — не в жестокости твоей — источник зол.

* * *

Судили старички, взойдя на Трои стены,
Царицы красоту и женственную стать:
«Все бедствия, все зло, что терпит наша рать,
Способен окупить единый взгляд Елены!

Затмить бы впору ей Рожденную из пены!
Но лучше б Менелай увел супругу вспять.
Вал осажден, теперь недолго крепость взять.
К нам, гавань запрудив, шлют корабли Микены».

Зачем с Троянских стен, отцы, взирая вниз,
Вы юношей сдержать решили с перепугу?
— Сражайся стар и млад!— им нужен был девиз,

Чтоб головой своей рискнуть, надев кольчугу.
Был вправе Менелай забрать свою супругу,
Но вправе был ее не отдавать Парис!

* * *

Расстался я с тобой, блаженная свобода.
На шею мне ярмо надел прекрасный пол.
Хоть я ломал его, но — подъяремный вол! —
Подставил шею вновь, как мне велит природа:

Я без любви — свинец, я — сушая колода!
Но полюбил — и вновь гармонию обрел,
Окрепла Муза, стал торжественным глагол,
Рассудок прояснен, и в мыслях нет разброда.

Созданья моего пера! Ронсаров род,
Как сыновьям, продлить приходит вам черед.
Кого мне воспевать — я знаю, бог — свидетель!

В античности седой всегда найдешь пример.
Елена, красота ее и добродетель —
Сюжет, которым так утешен был Гомер!

* * *

Я возлиянье всем богам творил, как жрец,
Один в лесной тиши, и замер, восхищенный
Тобой, кристальный ключ, Елене посвященный,
Чье имя на сосне запечатлел резец.

Но белорунные стада своих овец
Не приводи, пастух, под сень сосны зеленой,
Где светлая волна вспоила анемоны,
Душистый тмин расцвел и розовый чебрец.

Прохожий у ручья найдет приют, быть может,
И песнь еще одну он в честь Елены сложит.
Но если путник,— будь он молод или стар,—

К прозрачному ключу склонясь, воды напьется,
По жилам у него мгновенно разольется
Неугасимый жар, которым жил Ронсар.

* * *

Ты не влюблен, воды испив из родника,
Что посвятил поэт божественной Елене?
Тогда укромный грот среди зеленой сени
Найди в холме крутом и подремли слегка.

По шелковой траве росистого лужка
Задорно пропляши, без вялости и лени!
Но ждет святой Жермен почтительных молений.
Патрону вознеси их с ветхого мостка.

И девять раз обход вокруг дуплистой ивы
Свершив, ты ощутишь внезапно жар счастливый
В груди, где у тебя лежал осколок льда:

Амур, измазанный гигантов кровью красной,
Усердно отмывал в ручье свой торс прекрасный,
И пыл его страстей еще хранит вода!

* * *

Итак, проигран бой, войска мои разбиты,
Я отступаю вспять, Амуром сокрушен;
Доносит мне отбой трубы охрипшей стон,
Полвека за спиной толпятся вместо свиты.

И если до сих пор мы славою не квиты,
И если твой триумф еще не довершен,—
То я же не Парис, увы! и не Ясон,
Грядет моя зима: нет от нее защиты.

В горниле жгучих мук, на наковальне бед
Пришлось мне этот стих выковывать и плавить.
Не жаль трудов и сил, не жаль убитых лет;

А жаль, что я хотел любить, а ты — лукавить.
О, ты раскаяешься — ты не жестока, нет!—
Но и раскаяньем былого не исправить.

Оды

*Мишелю де Лопиталю,
канцлеру госпожи Маргариты
(триады 11—18)*

Всего в оде двадцать четыре триады.

Первые десять триад содержат рассказ о рождении Муз от Юпитера и Мнемозины, описание их прихода на пир богов во дворец Нептуна и три песни, которые они поют богам. Переведенная часть (триады 11—18) начинается речью, которую произносит Каллиопа после того, как Юпитер предлагает Музам испросить себе награду за пение на пиру.

Строфа 11

«Отец,— рекла ему богиня,—
Пусть вечно наш прекрасный глас
На светлых пиршествах, как ныне,
Бессмертной песнью тешит вас,
Пусть оживляют наши хоры
Дубравы, гроты и луга,
Высокие, крутые горы
И рек прозрачных берега,—
Но высшим из твоих обетов
Навек под наш благой покров
Отдай божественных певцов,
Пророков, магов и поэтов.

Антистрофа

В сердца печальные да будем
Вливать целебные слова
И проходящим в храмы людям
Вещать глаголы божества.
Высокий уготовь нам жребий:
Хотим к ногам повергнуть Ад
И знать пути созвездий в небе
От восхожденья на закат.
Желаем властью небывалой
Из тела душу восхищать
И, увлекая, возвращать
К ее чистейшему началу.

Эпод

Пусть нас, великих Пиерид,
Цари земные чтят, как должно,
И пусть таких владык неложно
Весь их народ боготворит.
Пусть, если взыщем мы царя,
Щедротой нашей одаря,
Всегда его хвала встречает:
Проходит ли по стогнам он,
Иль правосудный свой закон
Счастливым подданным вручает».

Строфа 12

Почтительно склонив колена,
Она ждала — и наконец,
Кивая ей главой нетленной,
Явил согласие отец:
«Когда бы все земные жены,—
Промолвил он,— таких детей
Рождали мне, то гнев Юноны
И ярый пыл ее страстей
Вменял бы я в ничто; тем паче,
Что от ревнивицы самой
Родились лишь урод хромой
Да злой убийца — не иначе,

Антистрофа

Как мне в бесчестье. Вы же, дочери,
Во всем достойные хвалы,
Богам и смертным в равной мере
Всегда пребудете милы.

Теперь пора вам нас оставить
И возвратиться в дольний мир,
Чтоб на земле отца восславить
Струнами сладкогласных лир.
Но помните, что благородно
Искусство ваше, и должно
Навеки быть удалено
От выучки, для Муз бесплодной.

Эпод

Потребна кормчему она,
Чтобы, держа поводья судна,
Плыл в море он стезею трудной,
Ткачу, горшечнику нужна,
Военачальнику в бою
И ритору, чтоб речь свою
Он стройно вел. Но песнопенье
Ремеслам этим не сродни:
Ему довлеет искони
Божественное исступленье.

Строфа 13

Как мощь свою магнит вдыхает
Железным кольцам: чрез одно
Другое, третье привлекает,
Потом еще, к звену звено,
Так я могу понудить властно
Делийца дух ко мне востечь,
И, отчей силе сопричастный,
Он будет ваши души влечь;
Восторг, влиянный Аполлоном,

От вас поэтам перейдет,
Они же восхитят народ
Напевом, вами вдохновленным.

Антистрофа

И чтоб никто не думал, будто
Власть над людьми дается им
Сей выучкою пресловутой,
А не наитием моим,
Ее суровым, жестким узам
Я тяготеть не дам отнюдь
На тех неистовствах, что Музам
Мной вверены: они же суть
Поэзия и прорицанья,
Любовь и таинства. Лишь вред
Терпел бы тот, кто мной согрет,
От чуждого, пустого знания.

Эпод

Не так легко в угрюмый Орк
Перун мой грешника ввергает,
Как быстро сердце проникает
Мой чудодейственный восторг,
Коль добродетелью оно
От всех грехов ограждено,
Как некоей твердыней прочной.
*Вовеки от небес благих
Не воспрять даров святых
Душе нечистой и порочной.*

Строфа 14

Итак, когда на вас неожиданно
Из выси низлетит мой дух,
Когда какой-то трепет странный
Обымет ваши члены вдруг,
И, побежав по жилам, пламя
Пронзит все ваше естество,
Терпите: да ликует в храме,
Им предызбранном, божество.
Без выучки, труда и пота
Тогда постигнете вполне
Вы тайны, ведомые мне,
А им воистину нет счета.

Антистрофа

Но помните, что не вольны вы
Зажечь святым восторгом тех,
Чьи души грубы и кичливы,
И в глубине скрывают грех.
Такие души оmyвайте
Сладчайшей вашею водой
И, скверну изгоня, вливайте
В благой сосуд состав благой.
Тогда, исполнясь вдохновенья,
Душа небесно воспоет,
И эта песнь ее преидет
Из поколений в поколенья.

Эпод

Кого же не согрею я
Моим неизъяснимым жаром,
Тот будет время тратить даром,

Над лирой пот ручьями лья,
И, выкинув свой мертвый плод,
Его ничтожность сам поймет.
Да знает всякий, что от века
Закон мой неизменно строг:
*Источник песнопенья — бог,
А не искусство человека.*

Строфа 15

Те, кто поэтами рождаются
По высшей милости моей,
Как вестники богов почтятся
Средь благомыслящих людей.
Лишь чернь, болтливymi устами
Жующая наветов грязь,
Безумцами или глупцами
Их станет называть, смеясь.
И все же будет добрый гений
Певцов повсюду осенять
И, если нужно, охранять
От клеветы и оскорблений.

Антистрофа

Пора: ступайте в путь, ведущий
Через кипящие валы,
Чтоб в мире стать мне славой лучшей
И высшие стяжать хвалы.
Там быть недолго суждено вам:
Не в силах противостоять
Невежества земного ковам,
Вы вскоре возвратитесь вспять.

Но волею необоримой
Я нового вождя вам дам —
И все права вернет он вам
Оружьем Греции и Рима».

Эпод

Скончав, ланиты он раздул
И, наклонившись ближе к Сестрам,
Им в груди как бы ветром острым
Свое неистовство вдохнул.
Он дал им также звучный лук,
Что сотворил Атланта внук —
И тотчас же, из недр пучины
Стремительно поднявшись ввысь,
Обратно Музы повлеклись
Через пенящиеся равнины.

Строфа 16

Храни вас Бог, молодые Девы!
Питайте мой священный пыл,
Чтоб складки этого запева
Всесовершенно я извил.
Отверзните мне очи духа:
Да превозможет грешный сон,
Который их смыкает глухо,
И узрит тайны неба он.
Да станет и стройней, и краше
Торжественная песнь моя,
И славлю Франсиона я,
Не посрамляя лиры вашей.

Антистрофа

Бурливый путь пройдя отважно,
Седые волны одолев,
Как облака, из бездны влажной
На берег вышли девять Дев.
От них тончайший огонь струился —
И первыми воспламенил,
Как только в мире расточился,
Сердца всеведущих Сивилл.
Провидиц зычные гортани
Трепещущий наполнил глас,
И сквозь уста их излилась
Песнь исступленных прорицаний.

Эпод

С тех пор во всех концах земли,
Неистовством пылая жгучим,
Оракулы стихом певучим
Свои вещанья облекли.
Стихами начал говорить
Закон; стихи могли дарить
Приязнь властителей державных;
Стихи вели на брань мужей
И звали их искать смелей
Деяний доблестных и славных.

Строфа 17

Когда Сивилл взгремели речи,
Явились, пробудясь, жрецы,
И, внемля их науке вещей,
Запели первые певцы —

Певцы небесные. Свободно
Они слагали стих простой,
Пленявший ясной красотой
И безыскусностью природной.
Бессмертны эти кифареды:
Эвмолп, Аскреец, Лин, Орфей
И муж, воздвигнувший трофей
Великой эллинской победы.

Антистрофа

По воле Муз дано им было
Богов Олимпа воспевать
И демонической силой
Все, что сокрыто, прозревать.
Когда ж над тихими водами
В ночи они пасли стада,
И демоны, и Музы сами
Являлись взору их тогда,
Дабы призвать певцов блаженных
В свой дивный хороводный круг
И, отличая верных слуг,
Наставить в таинствах священных.

Эпод

Потом был век певцов иных,
И было их число немало.
По справедливости пристало
Им дать название земных.
Не сходна со стихом предтеч,
Влачилась тяжело их речь,

Законам выучки унылой
Свою свободу подчиня,
И мощи древнего огня
Искусство их не сохранило.

Строфа 18

Один из них поведал были
О битвах под стенами Фив,
Другой — о том, как грекиплыли
В страну, где обитает скиф,
Тот рассказал о земледелье,
Тот — о движении светил,
Тот семь гласов своей свирели
Быкам и козам посвятил,
Тот пел Кассандру слогом темным,
Тот — бедствия царей, а тот
Увеселял, как мог, народ
Стихом задорным и нескромным.

Антистрофа

Однако сколь их ряд ни длинен,
Со временем иссяк и он —
И Сестрами в крови латинян
Священный пламень был зажжен.
Не так, как Лина и Орфея,
Иль тех, кто вслед за ними пел,
Последний жар, уже хладея,
Теперь сердца певцов согрел.
Все ж их персты еще умели
Скользить столь живо по струнам,
Что звуки римской лиры нам
И внятны, и милы доселе.

Эпод

Потом Невежество смогло
Весть государей в заблужденье
И беспричинное гоненье
На Муз прелестных навлекло.
Тогда, страшась его речей,
А паче их — его бичей,
Едва дыша от злой обиды,
Бежали в горний свой чертог
И скрылись там на долгий срок
Божественные Аониды.

* * *

Пойдем, возлюбленная, взглянем
На эту розу, утром ранним
Расцветшую в саду моем.
Она, в пурпурный шелк одета,
Как ты, сияла в час рассвета
И вот уже увяла днем.

В лохмотьях пышного наряда —
О, как ей мало места надо!
Она мертва, твоя сестра.
Пощады нет, мольба напрасна,
Когда и то, что так прекрасно,
Не доживает до утра.

Отдай же молодость веселью,—
Пока зима не гонит в келью,
Пока ты вся еще в цвету,
Лови летящее мгновенье,—
Холодной выюги дуновенье,
Как розу, губит красоту.

К лире

Златая лира, чей небесный звон
Лишь Музами и Фебом вдохновен,
Тобой одной печаль угомонится,
Тебе внимает танец и стремится
Повиноваться и размерить ход
Под рокот, что расчислен наперед;
Твой стройный рокот такт обозначает
Прелюдии, что танец предвещает;
Горящий лик Зевеса гаснет вмиг
От песни, коли звук ушей достиг;
Ты клохчешь, все сердца отрадой полня,—
Орел уснул, припав к трезубой молнье
И опустив крыла; спустя чуть-чуть
Ты и глаза велишь ему сомкнуть,
И он нахохлится, взъерошит перья,
Пьянящих чар отведав в полной мере.
Тот не любимец у благих богов,
Кто звон твой вечно слушать не готов.
О лира, честь годов моих зеленых,
Пленила ты не сразу искушенных
Во Франции — когда тебя нашел,
Твой звук был груб, а строй весьма тяжел.
Лукá и струны не годились в дело,
Не следовали за перстом умело,
И плесенью вся рама заросла.

О, до чего же ты тогда дошла,
Ты, с чьею песней на пирах, бывало,
Царям жаркое лакомей бывало!
Чтоб струнам и луке не гнить в пыли,
Чтоб твой природный звук они сплели,
Ограбил я Апулию и Фивы,
Тебя обогатив такой поживой.
Во Франции я песни пел твои,
И, юн, в краю, где мчит Луар струи,
Решил венчать я строй твой величавый
Великих королей великой славой.
Вовеки тот, кто, слыша дивный звон,
Был струн согласным строем покорен,
Не поразит врагов броском удачным
Ни в фехтованье, ни в бою кулачном;
В морях корабль от бурь не уведет,
В бою полки не поведет вперед,
Спесь герцогов уздою не осадит,
Врага от стен родимых не отвадит.
Но мой Гастин, громады-деревя,
Что встали на брегах Вандомуа,
И козлоног, что в доле обитает,
И хор святой, что домом Бре считает,
Его великой славой наградят,
И стих его расхвалят все подряд,
Столь много качеств все найдут прекрасных
У песнопевца, сына струн согласных.
О лютня, плату все тебе несут,
И уж нарек племен французских суд
Меня среди немногих достославным,
А из числа своих поэтов — главным.
Клио и Каллиопа, сестры все,
Что помогли взойти во всей красе
Моей прекрасной Музе, вам приветы!
Мой Принц и край мой через вас воспеты.
О лютня, я читаем и хвалим

Из-за тебя, я повсеместно чтим
Как песнопевец галльский, всяк величит
И всяк в толпе в Ронсара пальцем тычет.
Коль нравлюсь я и хворь души лечу,
Коль Францию в стихах воспеть хочу,
Коль уйма звезд челом моим затмилась,
На это все твоя, о лютня, милость!

* * *

Эй, паж, поставь нам три стакана.
Налей их ледяным вином.
Мне скучно! Пусть приходит Жанна,
Под лютью спляшем и споем,
Чтобы гремел весельем дом.
Пусть Барб идет, забот не зная,
Волос копну скрутив узлом,
Как итальянка озорная.

Был день — и вот уже прошел он,
А завтра, завтра, старина...
Так пусть бокал мой будет полон,
Хочу упиться допьяна,
Мне только скука и страшна.
А Гиппократ — да врет он, право,
Я лишь тогда и мыслю здраво,
Когда я много пью вина.

* * *

Когда грачей крикливых стая,
Кружась, готовится в отлет
И, небо наше покидая,
Пророчит осени приход,
Юпитер кравчего зовет,
И влаги тот велит пролиться,
И, значит, хмурый небосвод
Надолго тучами замглится.

И будет Феба колесница
Сквозь мрак лететь к весне другой.
А ты спеши в свой дом укрыться
И, чуждый суете людской,
Блаженствуй в горнице сухой,
Пока мертва земля нагая —
Трудолюбивою рукой
Тебя достойный стих слагая.

Как я возжаждай — цель благая! —
Ужасный превозмочь закон,
Которым Жница роковая
Весь мир тиранит испокон.
И, чтоб греметь сквозь даль времен,
Трудись упорно. В час досуга
С тобою здесь Тибулл, Назон
И лютня, дум твоих подруга.

Когда бушует дождь иль вьюга,
А в дверь стучится бог шальной,
И ни любовницы, ни друга,—
Одушевленных струн игрой
Гони мечтаний грустных рой.
Когда ж ты стих довел до точки,
Усталый мозг на лад настрой
Бургундским из трехлетней бочки.

Гастинскому лесу

Тебе, Гастин, в твоей тени
Пою хвалу вовеки,—
Так воспевали в оны дни
Лес Эриманфа греки.

И, благодарный, не таю
Пред новым поколеньем,
Что юность гордую мою
Поил ты вдохновеньем,

Давал приют любви моей
И утолял печали,
Что музы волею твоей
На зов мой отвечали.

Что, углубясь в живую сень,
Твоим овеян шумом,
Над книгой забывал я день,
Отдавшись тайным думам.

Да будешь вечно привлекать
Сердца своим нарядом,
Приют надежный предлагать
Сильванам и наядам.

Да посвятят тебе свой дар
Питомцы муз и лени,
Да святотатственный пожар
Твоей не тронет сени.

Моему слуге

Мне что-то скучно стало вдруг,
Устал от книг и от наук,—
Трудны Арата «Феномены»!
Так не пойти ль расправить члены?
Я по лугам затосковал.
Мой бог! Достоин ли похвал,
Кто, радость жизни забывая,
Корпит над книгами, зевая!

Скучать — кой толк, я не пойму!
От книг один ущерб уму,
От книг забота сердце гложет.
А жизнь кончается, быть может,
Сегодня ль, завтра ль — все равно
Быть в Орке всем нам суждено.
А возвратиться в мир оттуда —
Такого не бывает чуда!

Эй, Коридон, живее в путь!
Вина покрепче раздобудь,
Затем, дружище, к фляге белой
Из листьев хмеля пробку сделай
И с коробком вперед ступай.
Говядины не покупай,

Она вкусна, но мясо летом
Осуждено ученым светом.
Купи мне артишоков, дынь,
К ним сочных персиков подкинь,
Прибавь холодные напитки
Да сливок захвати в избытке.
В тени, у звонкого ручья,
Их на траве расставлю я
Иль в диком гроте под скалою
Нехитрый завтрак мой устрою.

И буду яства уплетать,
И буду громко хохотать,
Чтоб сердцу не было так жутко,
Оно ведь знает, хворь — не шутка:
Наскочит смерть, и сразу хлоп,—
Мол, хватит пить, пора и в гроб!

* * *

Да, я люблю мою смуглянку,
Мою прелестную служанку,
Люблю, нимало не стыдясь,
Хоть не равна такая связь.

Ни полководцы с буйной кровью
Их рангу чуждою любовью,
Ни мудрецы, ни короли
Ни разу не пренебрегли.

Геракл, прославленный молвою,
Когда Иолу взял он с бою,
Пленный пленницей своей,
Тотчас же покорился ей.

Ахилл, гроза державной Трои,
Пред кем склонились и герои,
Так в Бризеиду был влюблен,
Что стал рабом рабыни он.

Сам Агамемнон, царь надменный,
Пред красотой Кассандры пленной
Сложив оружие свое,
Признал владычицей ее.

Так, мощью наделен великой,
Амур владыкам стал владыкой,
Ни одному царю не друг,
Он ищет не друзей, но слуг.

И страсти нежной раб смиренный
Юпитер, властелин вселенной,
В угоду мальчику тайком
Сатиром делался, быком,

Чтоб с женщиной возлечь на ложе,
Он мог богинь любить — но что же?
Презрев высокий свой удел,
И низших он любить хотел.

В любви богинь одни печали,
Один обман мы все встречали,
Кто жаждет подлинной любви —
В простых сердцах ее лови.

А недруг мой пускай хлопочет,
Пускай любовь мою порочит,
Пускай, стыдясь любви такой,
Поищет где-нибудь другой!

* * *

Ужель, Белло, переведен
И впрямь тобой Анакреон?
Ты слишком вяло пьешь, приятель!
А ведь комета, что весной
Прошла, сулит нам сушь и зной,
Или я скверный прорицатель.

Лучи кометы горячи,
И в глотке жарко, как в печи —
Так пей, покуда жажда длится!
В краю теней не пьют вина,
Там ждет с тобою нас одна
Забвенья черная водица.

А впрочем, ладно, мой Белло!
Не пей — не будет тяжело
Тебе на Геликон подняться,
Где Музы славные царят:
Им послужить — мудрей стократ,
Чем с Вакхом и Венерой знаться.

Да, смесь из Вакха и любви
В рассудке нашем и в крови
Частицы не оставит здравой,

Одна лишь нимфа светлых вод
Вновь прояснит и подхлестнет
Ум, отуманенный отравой.

Недаром к Девам дождевым
Попало взятое живым
От матери сожженной чадо,
Малютка Вакх: и посейчас
Шалит он и дурачит нас,
Коль не вмешается Наяда.

* * *

Не правда ль, Дю Белле, в какой чести у Муз
Венерино дитя, крылатый карапуз:
Камены следуют шаг в шаг за мальчуганом!
Кто дружен с ним — того они наперебой
Спешат ласкать, учить премудрости любой,
Созвучьям сладостным, и плавным, и чеканным.

Но горе дерзкому, кем оскорблен Эрот,—
Камены вмиг его лишают всех щедрот:
Напрасно призывать он станет вдохновенье,
Ему заказано вступать на Геликон,
И непокорным ртом уже не сможет он
К священному ключу припасть хоть на мгновенье.

Я по себе сужу: лишь только петь начну
Героев и богов, войну и старину —
Язык отнимется, слова найдут часами;
А песнь любовную лишь стоит мне начать,
Незримая рука снимает с уст печать,
И дышится легко, и строки льются сами.

* * *

Природа каждому оружие дала:
Орлу — горбатый клюв и мощные крыла,
Быку — его рога, коню — его копыта.
У зайца — быстрый бег, гадюка ядовита,
Отравлен зуб ее. У рыбы — плавники,
И, наконец, у льва есть когти и клыки.
В мужчину мудрый ум она вселить умела,
Для женщин мудрости Природа не имела
И, исчерпав на нас могущество свое,
Дала им красоту — не меч и не копье.
Пред женской красотой мы все бессильны стали.
Она сильнее богов, людей, огня и стали.

* * *

Так мало жизни в нас, любезный мой Белло,
Мы служим зависти, а это ли не зло?
Мы служим милостям — с рожденья до кончины
Наш разум суетный терзая без причины.
Найдется ли еще на свете существо,
Что ищет гибели для рода своего?
И только человек при случае удобном,
Охотно нанесет удар себе подобным.
Взгляни на грузного, усердного вола,—
Его на пользу нам Природа создала.
На нем из года в год мы бороним и пашем:
О пропитании заботится он нашем.
Лишенный разума, приученный к ярму,
Он не желает зла собрату своему
И поздно вечером, под теплой крышей хлева,
Лежит, не ведая ни ярости, ни гнева,
И мирно спит, забыв и плуг, и борозду,
Пока заря его не призовет к труду.
Один лишь человек счастливым быть не может:
Нас вечно что-нибудь снedaет, мучит, гложет,
И если кто чихнул, мы в гневe, мы кипим,
Полночи иногда от страха мы не спим,
Услышав под окном крикливого буяна,
Какой-то злобный червь нас точит постоянно,—

Перед вельможами лакействуем, дрожим,
Нам мало бед своих — мы тянемся к чужим:
К злопамятству и лжи, порокам вездесущим,
Но человеческой природе не присущим,
Тщеславье губит нас, любовь притворство, лесть,
Несчастья худшие из всех, какие есть,—
Скажи, до коих пор присваивать мы будем
Грехи и слабости, несвойственные людям!

Моему ручью

Полдненным зноем утомленный,
Как я люблю, о мой ручей,
Припасть к твоей волне студеной,
Дышать прохладой твоей,

Покуда Август бережливый
Спешит собрать дары земли,
И под серпами стонут нивы,
И чья-то песнь плывет вдали.

Неистощимо свеж и молод,
Ты будешь божеством всегда
Тому, кто пьет твой бодрый холод,
Кто близ тебя пасет стада.

И в полночь на твои поляны,
Смутив весельем их покой,
Все так же нимфы и сильваны
Сбегутся резвою толпой.

Но пусть, ручей, и в дреме краткой
Твою не вспомню я струю,
Когда, истерзан лихорадкой,
Дыханье смерти узнаю.

* * *

Прелат, скажите, почему,
Когда мне встретится придворный,
И с вежливостью непритворной
Я шляпу перед ним сниму,
 Раскланяюсь, не лебезя,
Учтивую бросаю фразу,—
Он дружбу предлагает сразу:
«Ронсар, вас не любить нельзя!»
 Не повернется он спиной,
Столкнись в покое мы дворцовом,
Он с лицемерьем образцовым
Твердит: «Располагайте мной!»
 Но если, бедами тесним,
К нему за помощью приду я,
Он дверь захлопнет, негодуя,
Как будто незнаком я с ним.
 А если буду о себе
Напоминать неутомимо,
Не посмотрев, пройдет он мимо
И будет глух к моей мольбе.
 И пусть поэтом я сльву,
К моим он равнодушен лаврам,
Как будто я родился мавром
И где-то в Африке живу!
 Но не таков мой кардинал,
Он своего достоин сана,

В груди моей звучит осанна:
Людей щедрее я не знал.

Себя так сильно не люблю,
Как Вас любил все эти годы,
Не приведут меня невзгоды
К сановнику и королю.

Вы мне поможете один,
Подать мне руку снизошли Вы,
Но как наставник справедливый,
А не как строгий господин.

Меня от бедности храня,
Вы не сулите горы злата:
Не осквернит уста прелата
Напыщенная болтовня.

За неподдельность Вас ценю,
А лицемерные вельможи
Пусть вечно лезут вон из кожи
В служенье суетному дню!

На выбор своей гробницы

Вам я шлю эти строки,
Вы, пещеры, потоки,
Ты, спадающий с круч
Горный ключ.

Вольным пажитям, нивам,
Рощам, речкам ленивым,—
Шлю бродяге ручью
Песнь мою.

Если, жизнь обрывая,
Скроет ночь гробовая
Солнце ясного дня
От меня.

Пусть не мрамор унылый
Вознесут над могилой,
Не в порфир облекут
Мой приют.

Пусть, мой холм овевая,
Ель шумит вековая,
Долго будет она
Зелена.

Моим прахом вскормленный,
Цепкий плющ, как влюбленный,

Пусть могильный мой свод
Обовьет.

Пьяным соком богатый,
Виноград узловатый
Ляжет сенью сквозной
Надо мной,

Чтобы в день поминальный,
Как на праздник прощальный,
Шел пастух и сюда
Вел стада.

Чтобы в скорбном молчанье
Совершил он закланье,
Поднял полный бокал
И сказал:

«Здесь, во славе нетленной,
Спит под сенью священной
Тот, чьи песни поет
Весь народ.

Не прельщался он вздорной
Суетою придворной
И вельможных похвал
Не искал.

Не заваривал в келье
Приворотное зелье,
Не был с древним знаком
Волшебством.

Но Камены недаром
Петь любили с Ронсаром
В хороводном кругу
На лугу.

Дал он лире певучей
Много новых созвучий,
Отчий край возвышал,
Украшал.

Боги, манной обильной
Холм осыпьте могильный,
Ты росой его, май,
Омывай.

Чтобы спал огражденный
Рощей, речкой студеной,
Свежей влагой, листвою
Вековой.

Чтоб к нему мы сходились
И, как Пану, молились,
Помня лиры его
Торжество.

Так, меня воспевая,
Кровь тельца проливая,
Холм обрызжут кругом
Молоком.

Я же, призрак туманный,
Буду, миртом венчанный,
Длеть в блаженном краю
Жизнь мою —

В дивном царстве покоя,
Где ни стужи, ни зноя,
Где не губит война
Племена.

Там, под сенью лесною,
Вечно веет весною,
Дышит грудь глубоко
И легко.

Там Зефиры спокойны,
Мирты горды и стройны,
Вечно свежи листы
И цветы.

Там не ведают страсти
Угнетать ради власти,
Убивать, веселя
Короля.

Братским преданный узам,
Мертвый служит лишь музам,
Тем, которым служил,
Когда жил.

Там услышу, бледнея,
Гневный голос Алкея,
Сафо сладостных од
Плавный ход.

О, как счастлив живущий
Под блаженною кущей,
Собеседник певцам,
Мудрецам!

Только нежная лира
Гонит горести мира
И забвенью обид
Нам дарит.

Жоашену Дю Белле

В огромном этом мире, где от века
Мы жить обречены,
Природой рождены
Два племени — Богов и Человека.

У матери одной, с богами рядом,
Росли мы искони
И небеса одни
Пронизывали дерзновенным взглядом.

Нам разум гордый даровал величье,
Бессмертное подчас;
С богами есть у нас
Всего одно, но веское различье.

Не быть тебе, мой друг, счастливым вечно
И вечно молодым,
Мы таем, словно дым,
А жизнь богов светла и бесконечна.

* * *

Исчезла юность, изменила,
Угасла молодая сила,
И голова моя седа.
Докучный холод в зябких членах,
И зубы выпали, и в венах
Не кровь, но ржавая вода.

Прости, мой труд, мои досуги,
Простите, нежные подруги,
Увы, конец мой недалек,
Мелькнуло все, как сновиденье,
И лишь остались в утешенье
Постель, вино да камелек.

Мой мозг и сердце обветшали,—
Недуги, беды и печали,
И бремя лет тому виной.
Где б ни был: дома ли, в дороге,
Нет, нет — и обернусь в тревоге:
Не видно ль смерти за спиной?

И ведь недаром сердце бьется:
Придет, посмотрит, усмехнется
И поведет тебя во тьму,
Под неразгаданные своды,
Куда для всех открыты входы,
Но нет возврата никому.

* * *

Когда средь шума бытия
В Вандомуа скрываюсь я,
Бродя в смятении жестоком,
Тоской, раскаяньем томим,
Утесам жалуясь глухим,
Лесам, пещерам и потокам.

Утес, ты в вечности возник,
Но твой недвижимый, мертвый лик
Щадит тысячелетий ярость,
А молодость моя не ждет,
И каждый день, и каждый год
Меня преображает старость.

О лес, ты с каждою зимой
Теряешь волос пышный свой,
Но год пройдет, весна вернется,
Вернется блеск твоей листвы,
А на моем челе — увы! —
Задорный локон не завьется.

Пещеры, я любил ваш кров, —
Тогда я духом был здоров,
Кипела бодрость в юном теле,
Теперь, окостенев, я стал
Недвижной камня ваших скал,
И силы в мышцах оскудели.

Поток, бежишь вперед, вперед,
Волна придет, волна уйдет,
Спешит без отдыха куда-то,
И я без отдыха весь век
И день и ночь стремлю свой бег
В страну, откуда нет возврата.

Судьбой мне краткий дан предел,
Но я б ни лесом не хотел,
Ни камнем вечным стать в пустыне,—
Остановив крылатый час,
Я б не любил, не помнил вас,
Из-за кого я старюсь ныне.

* * *

Пахарь, знай свои поля
И не бойся короля!
Пусть монарх сидит на троне,
Скоро в мир потусторонний
Он отправится, поверь,—
Всем открыта эта дверь.
Всех накроет крышка гроба:
Венценосная особа
Сядет в лодку Старика
Рядом с тенью мясника.
Тем, кто жаждет славы ратной,
Предзаказан путь обратный
С окровавленных полей.
Честный труженик, смелей!
Что для мертвых луки, копья?
Что тебе судьба холопья?—
Под плиту гробовой
Ты забудешь лемех свой.
Радамант, судья суровый,
Не смутится, седобровый,
Перед блеском пышных лат
Вместо нищенских заплат.
Для Плутона не обуза
Ни клинок, ни аркебуза,
Ни роскошный мавзолей
Опочивших королей!

* * *

Прекрасной Флоре в дар — цветы,
Помоне — сладкие плоды,
Леса — дриадам и сатирам,
Кибеле — стройная сосна,
Наядам — зыбкая волна,
И шорох трепетный — Зефирам.

Церере — тучный колос нив,
Минерве — легкий лист олив,
Трава в апреле — юной Хлоре,
Лавр благородный — Фебу в дар,
Лишь Цитерее — томный жар
И сердца сладостное горе.

* * *

Вчера сказал я: дай спою,
Как Франк могучий рать свою
На галльский берег вывел смело!
Но лира, мне наперекор,
Презрев воинственный задор,
Лишь о любви к Кассандре пела.

Я думал: в чем же тут секрет?
Любовь я славил столько лет,
Что лира попросту привыкла
К словам любви, и ей нужны
Другие две иль три струны,
Чтобы другая песнь возникла.

И я немедля все, что мог —
Колки, и квинты, и смычок,—
Переменил рукой суровой,
Взмахнул воинственно смычком,—
Но лира прежним языком
Мне о любви запела новой.

Прости, о Франк, но чтобы впредь
Величьем ратных дел греметь
И о себе напомнить миру,
Проси потомка-короля,
Пусть, мне аббатство уделя,
Мою умилоstitвит лиру.

* * *

Храни вас бог, весны подружки,
Хохлатки, ласточки резвушки,
Дрозды, клесты и соловьи,
Певунии пташки голосисты,
Чьи трели, щебеты и свисты
Вернули жизнь в леса мои.

Храни вас бог, цветы малютки,
Фиалки, смолки, незабудки,
И те, что были рождены
В крови Аякса и Нарцисса,
Анис, горошек, тмин, мелиса,
Привет вам, спутники весны.

Храни вас бог, цветные стайки
Влюбленных в пестрые лужайки,
Нарядных, шустрых мотыльков
И сотни пчелок хлопотливых,
Жужжащих на лугах, на нивах
Среди душистых лепестков.

Сто тысяч раз благословляю
Ваш хор, сопутствующий маю,
Весь этот блеск и кутерьму,
И плеск ручьев, и свист, и трели,—
Все, что сменило вой метели,
Державшей узника в дому.

* * *

Мой боярышник лесной,
Ты весной
У реки расцвел студеной,
Будто сотней цепких рук
Весь вокруг
Виноградом оплетенный.

Корни полюбив твои,
Муравьи
Здесь живут гнездом веселым,
Твой обглодан ствол, но все ж
Ты даешь
В нем приют шумливым пчелам.

И в тени твоих ветвей
Соловей,
Чуть пригреет солнце мая,
Вместе с милой каждый год
Домик вьет,
Громко песни распевая.

Услан мягко шерстью, мхом
Теплый дом,
Свитый парюю прилежной.
Новый в нем растет певец,
Их птенец,
Рук моих питомец нежный.

Так живи, не увядай,
 Расцветай,—
Да вовек ни гром небесный,
Ни гроза, ни дождь, ни град
 Не сразят
Мой боярышник прелестный.

* * *

Как только входит бог вина,
Душа становится ясна.
Гляжу на мир, исполнясь мира,
И золотом я и серебром —
Каким ни захочу добром —
Богаче Креза или Кира.

Чего желать мне? Пой, пляши —
Вот все, что нужно для души.
Я хмелем кудри убираю.
И что мне почестей дурман!
Я громкий титул, важный сан
Пятой надменной попираю.

Нальем, друзья, пусть каждый пьет!
Прогоним скучный рой забот,
Он губит радость, жизнь и силу.
Нальем! Пускай нас валит хмель!
Поверьте, пьяным лечь в постель
Верней, чем трезвым лечь в могилу!

Жаворонок

Какой поэт в строфе шутливой
Не воспевал тебя, счастливый,
Веселый жаворонок мой?
Ты лучше всех певцов на ветках,
Ты лучше всех, что, сидя в клетках,
Поют и летом и зимой.

Как хороши твои рулады,
Когда, полны ночной прохлады,
В лучах зари блестят поля,
И пахарь им взрезает чрево,
И терпит эту боль без гнева,
Тебя заслушавшись, земля.

Едва разбужен ранним утром,
Росы обрызган перламутром,
Уже чирикнул ты: кви-ви!
И вот летишь, паря, взвиваясь,
В душистом воздухе купаясь,
Болтая с ветром о любви.

Иль сереньким падешь комочком
В ложбинку, в ямку под кусточком,
Чтобы яйцо снести туда,

Положишь травку иль пушинку
Иль сунешь червячка, личинку
Птенцам, глядящим из гнезда.

А я лежу в траве под ивой,
Внимая песенке счастливой,
И как сквозь сон, издалика
Мне слышен звонкий смех пастушки,
Ягнят пасущей у опушки,
Ответный голос пастушка.

И мыслю, сердцем уязвленный:
Как счастлив ты, мой друг влюбленный!
Заботам неотвязным чужд,
Не знаешь ты страстей боренья,
Красавиц гордого презренья,
Вседневных горестей и нужд.

Тебе все петь бы да резвиться,
Встречая солнце, к небу взвиться
(Чтоб весел был и человек,
Начав под песню труд прилежный),
Проститься с солнцем трелью нежной,—
Так мирный твой проходит век.

А я, в печали неизменной,
Гоним красавицей надменной,
Не знаю дня ни одного,
Когда б, доверившись обману,
Обманом не терзал я рану
Больного сердца моего.

* * *

Иные, сбросив плоть свою,
Являются в краю далеком:
Кто превращается в змею,
Кто камнем станет ненароком.

Кто — деревом, а кто — цветком,
Кто — горлицей, кто — волком в чаще,
Тот — говорливым ручейком,
А этот — ласточкой летящей.

А я зеркалом стать готов,
Чтоб ты всегда в меня глядела,
Иль превратиться в твой покров
И твоего касаться тела.

Мне б стать водою, чтоб ласкать
Волной дрожащей стан пригожий,
А, может быть, духами стать,
Впитаться этой нежной кожей.

Мне б лентой стать, чтобы обвить
Вот эти перси молодые,
Я мог бы ожерельем быть
Вокруг твоей точеной выи.

Я был бы всем, я стать не прочь
Твоих прекрасных губ кораллом,
Чтоб в поцелуях день и ночь
К ним прикасаться цветом алым.

* * *

Ах, если б смерть могли купить
И дни продлить могли мы златом,
Так был бы смысл и жизнь убить
На то, чтоб сделаться богатым,—

Чтоб жизнь была с судьбой в ладу,
Тянула время как хотела,
И чтобы смерть, пускай за мзду,
Не уносила дух из тела.

Но ведь не та у денег статья,
Чтоб нам хоть час, да натянули,
Так что за толк нагромождать
Подобный хлам в своем бауле?

Нет, лучше книга, мой Жамен,
Чем пустозвонная монета.
Из книг, преодолая тлен,
Встает вторая жизнь поэта.

* * *

Я умираю, нет мне мира —
Ты говоришь, что только лира
Меня влечет, что я пою
Всегда одну любовь свою.

Ты прав, я признаю отныне:
Угодно так моей Богине —
Я нег не мыслю без тревог,
И по-другому жить не смог.

Когда Любовь, огонь мятежный,
Душой овладевает нежной.
Не избежать ее сетей,
Не удержать ее страстей.

Но ты, Пакье, дарами первый
Был щедро наделен Минервой,
Ты пылким духом награжден
И не для праздности рожден.

Пусть наших Королей деянья
И слава обретут сиянье
В твоём витийственном труде.
Честь Франции храни везде!

А мне оставь удел бесславный:
В веселье, в болтовне забавной,
У милой в ветреном плену
Жить, наживая седину.

* * *

Ты, меня целуя, Жанна,
Повторяешь непрестанно,
Что я стал и стар и сед,
Ты целуешь и хохочешь,
Бедный возраст мой порочишь,
Ты сцарапать ногтем хочешь
Белизну почтенных лет.
Но черно иль поседело —
Поцелуям что за дело?
Белый конь еще силен,
Целовать умеет он.
Так целуйся, а другого
И не требуй от седого.

* * *

Большое горе — не любить,
Но горе и влюбленным быть,
И все же худшее не это,
Гораздо хуже и больней,
Когда всю душу отдал ей
И не нашел душе ответа.

Ни ум, ни сердце, ни душа
В любви не стоят ни гроша.
Как сохнет без похвал Камена,
Так все красотки наших дней:
Люби, страдай, как хочешь млей,
Но денег дай им непременно.

Пускай бы сдох он, бос и гол,
Кто первый золото нашел,
Из-за него ничто не свято.
Из-за него и мать не мать,
И сын в отца готов стрелять,
И брат войной идет на брата.

Из-за него разлад, раздор,
Из-за него и глад и мор,
И столько слез неутолимых,
И, что печальнее всего,
Мы и умрем из-за него,
Рабы стяжательниц любимых.

Реке Луар

Журчи и лейся предо мною,
Влеку жемчужную струю,
Неиссякающей волною
Питая родину мою.

Гордись: ты с нею изначала
На все сроднился времена.
Такой земли не орошала
Из рек французских ни одна.

Здесь жили встарь Камены сами,
Здесь Феб и грезил и творил,
Когда он миру их устами
Мое искусство подарил.

Здесь, погруженный в лень святую,
Бродя под сенью диких лоз,
Он встретил нимфу молодую
В плаще из золотых волос

И красотой ее пленился,
Помчался бурно ей вослед,
Догнал ее — и насладился,
Похитив силой юный цвет.

И нежным именем богини
Прибрежный именуя грот,

О ней преданье и доньне
Лелеет в памяти народ.

И я в твои бросаю воды
Букет полурасцветших роз,
Чтоб ты поил живые всходы
Страны, где я, счастливый, рос.

Внемля, Луар, мольбе смиренной,
Моей земле не измени.
Твоей волной благословенной
Ей изобилье сохрани.

Кругом разлившись без предела,
Не затопляй ее стада,
Не похищай у земледела
Плоды заветного труда.

Но влагой, серебру подобной,
Сердца живые веселя,
Струись, прозрачный и беззлобный,
И воскрешай весной поля.

* * *

Не упускай счастливый случай!
Зовя Любовь в учителя,
Заботами себя не мучай,—
Обманем скуку, Николая!

Прогоним прочь соблазн бесовский,—
Тщеславье, алчность всех мастей,
На мир посмотрим философски,
Избавим душу от страстей.

Довольствуйся своим уделом,
Иных не требуя даров,
Поверь, здоров ты будешь телом,
Когда душою ты здоров.

Души возвышенные блага —
Вот пища сердцу твоему:
Когда в печи пропала тяга,
Мы задыхаемся в дыму.

Спасительные блага эти
Искать нам вечно суждено,
И больше ничего на свете
Тебя заботить не должно.

Скребницей дерзостных фантазий
Отчистил мир я от стыда,
Дабы, забыв о дольной грязи,
Служить Поэзии всегда.

Вот о каком мечтал я благе,
Вот чем отныне я живу:
Все, что доверено бумаге,
Своей империей зову.

Но, если не подводит память,
Твое занятие не глупей,—
Кто может нас переупрямить?—
Ты пьешь, так наслаждайся — пей!

От кубка первого, второго
Беды не будет никакой,
И без того к нам жизнь сурова,
И слишком краток век людской.

Твоя водянка тоже благо,
Что рядом с ней мои стихи!—
Вода — живительная влага,
Древнейшая из всех стихий.

Нет в мире ничего полезней:
Водой священной ты раздут!—
Увы, проклятые болезни
К бессильной старости ведут,

Расшатывает бедный разум,
Богами данный нам взаймы,
Все тело поражая разом,
А смерть придет, жалеем мы,

Что фарс прескверно разыграли
И, оседая на диван,
Вдруг слышим: «В пекло не пора ли?»—
Ну, что вы, сударь Бонвиван!

* * *

Не держим мы в руке своей
Ни прошлых, ни грядущих дней,—
Земное счастье так неверно!
И завтра станет прахом тот,
Кто королевских ждал щедрот
И пресмыкался лицемерно.

А за порогом вечной тьмы
Питий да яств не просим мы,
Не тянет вас и в погреб винный,
О закромах, где мы давно
Скопили тучное зерно,
Не вспомним ни на миг единый.

Но не помогут плач и стон,
Готовь мне ложе, Коридон,
Пусть розы будут мне постелью!
И да спешат сюда друзья!
Чтоб усмирилась желчь моя,
Я эту ночь дарю веселью.

Зови же всех, давно пора!
Пускай придут Жодель, Дора,
Питомцы муз, любимцы наши,

И до зари, под пенье лир,
Мы будем править вольный пир,
Подъемля пенные чаши.

Итак, начнем: струей святой
Наполни кубок золотой,—
Мой первый тост Анри Этьену
За то, что в преисподней он
Нашел тебя, Анакреон,
И нам вернул твою Камену.

Анакреон, мы все, кто пьет —
Беспечный и беспутный сброд,
Силен под виноградной сенью
Венера и Амур-стрелок,
И Бахус, благодатный бог,
Твой гений славим пьяной ленью.

* * *

Мне скоро праздному блуждать
В краю, где плещут реки ада,—
Что ж проку столь стихов создать,
Сколь сочинитель «Илиады»?

Стихом от тлена не спасусь,
Бесчувственная тень не скажет,
Тяжелый или легкий груз
На холм могильным камнем ляжет.

Хоть никаких сомнений нет,
Что плод усердия и рвения
На десять или двадцать лет
Мне обеспечит восхваленья,

Но все хвалы поглотит вмиг,
О них сотрет воспоминанье
Любого пламени язык,
Разор любой военной брани.

Я лучше ль, чем Анакреон,
Я ль яростнее Симонида,
Велеречивей, чем Бион,
Иль сладкогласней Вакхилида?

Хоть их Эллада родила,
Хоть им служил язык высокий,
Великий труд сожгли дотла
Веков безжалостные сроки.

Но я-то, я — простой француз,
Слагатель виршей материнских,
Мне ль уповать, что вознесусь
В веках на крыльях исполинских?

Нет, Рюбампре, куда сытней
Прожить свой век купцом богатым
Иль, куш сорвавши покрупней,
Витийствовать перед Сенатом,

Чем славную стезю торить
В прислугах музыки горемычной,
Которой голодом морить
Своих ревнителей привычно.

* * *

Когда хочу хоть раз любовь изведать снова,
Красотка мне кричит: «Да ведь тебе сто лет!
Опомнись, друг, ты стал уродлив, слаб и сед,
А корчишь из себя красавца молодого.
Ты можешь только ржать, на что тебе любовь?
Ты бледен, как мертвец, твой век уже измерен,
Хоть прелести мои тебе волнуют кровь,
Но ты не жеребец, ты шелудивый мерин.
Взглянул бы в зеркало: ну, право, что за вид!
К чему скрывать года, тебя твой возраст выдал:
Зубов и следу нет, а глаз полузакрит,
И черен ты лицом, как закопченный идол».
Я отвечаю так: «Не все ли мне равно,
Слезится ли мой глаз, гожусь ли я на племя,
И черен волос мой иль поседел давно,—
А в зеркало глядеть мне вовсе уж не время.
Но так как скоро мне в земле придется гнить
И в Тартар горестный отправиться, пожалуй,
Пока я жить хочу, а значит, и любить,
Тем более что срок остался очень малый».

* * *

Венера как-то по весне
Амура привела ко мне
(Я жил тогда анахоретом),—
И вот что молвила она:
«Ронсар, возьми-ка, старина,
Мальчишку вырастить поэтом».

Я взял ученика в свой дом,
Я рассказал ему о том,
Как бог Меркурий, первый в мире,
Придумал лиру, дал ей строй,
Как под Киленскою горой
Он первый стал играть на лире.

И про гобой я не забыл:
Как он Минервой создан был
И в море выброшен, постылый;
Как флейту сделал Пан-старик,
Когда пред ним речной тростник
Расцвел из тела нимфы милой.

Я оживлял, как мог, рассказ,
Убогой мудрости запас
Я истощал, уча ребенка.

Но тот и слушать не хотел,
Лишь дерзко мне в глаза глядел
И надо мной смеялся звонко.

И так вскричал он наконец:
«Да ты осел, а не мудрец!
Великой дождался я чести:
Меня, меня учить он стал!
Я больше знаю, пусть я мал,
Чем ты с твоею Школой вместе».

И, увидав, что я смущен,
Ласкаясь, улыбнулся он
И сам пустился тут в рассказы
Про мать свою и про отца,
Про их размолвки без конца
И про любовные проказы.

Он мне поведал свой устав,
Утехи, тысячи забав,
Приманки, шутки и обманы,
И муку смертных и богов,
И негу сладостных оков,
И сердца горестные раны.

Я слушал — и дивился им,
И песням изменил моим,
И позабыл мою Камену,
Но я запомнил тот урок
И песню ту, что юный бог
Вложил мне в сердце им в замену.

К музе

Закончен труд, прочней и тверже стали,
Его ни год, чей быстр и легок шаг,
Ни алчность вод, ни яд, таимый в жале
Твоих друзей, стереть не властны в прах.
В тот день, когда всего живого враг
В последний раз сомкнет мои ресницы,
Ронсар не весь уйдет в могильный мрак,
Часть лучшая для жизни сохранится.
Всегда, всегда, отвергнув прах гробницы,
Летать живым над миром я готов,
И славить дол, где жизнь моя продлится,
Где лавр венчал мой жребий для веков
За то, что слил я песни двух певцов
В мелодиях эфемерной лиры
И их привел в Вандом как земляков.
Ну, Муза, в путь — ввысь вознеси, к эфиру,
Победный клич, всему поведай миру
Про мой триумф — награду жизни всей,
Дай мне надеть бессмертия порфиру
И лаврами чело мое увей.

Элегии

А. Ж. Юро,
господину де ля Питардьеру

Веселые, мой друг, настали времена,
Хмельные от любви, шальные от вина,
Спешит помолодеть земля, так отчего же
И нам, подобно ей, не сделаться моложе!
Взгляни на голубей, на ласточек взгляни:
Топорщат перышки, целуются они,
Садятся парами на ветки и на крышу,
Весь день завидное я воркованье слышу.
Взгляни на древний дуб и юную лозу,
Что тянется к ветвям могучим, а внизу,
Скользя среди травы, младенчески зеленой,
По мшистому стволу змеится плющ влюбленный,
Целуя теплую шершавую кору.
Или не слышишь ты, как плачет ввечеру
Эгейский соловей, певец печали вечной,
Как жалуется он на грех бесчеловечный
Теря и всю ночь над зеленью кустов
Погибель Итила оплакивать готов.
Он свищет, щелкает, гремит, рыдает, стонет,
То песню оборвет, то в новых трелях тонет,
Никем не выучен искуснейшей игре,
Тоскует о своей загубленной сестре.
Или не видишь ты, как травы луговые
Меняют свой наряд, пестрят, горят впервые
За этот год,— взгляни: наяды у воды

Собирают урожай фиалок, а сады
Уже гудят от пчел, и легким хороводом
Кружатся бабочки под тихим небосводом,
И крылья тонкие проворных мотыльков
Срывают аромат весенних лепестков...
Нам в эти месяцы, когда прошли невзгоды,
Грешно не обмануть завистливые годы.
До дряхлой старости осталось полшага,
Ты слышишь, Смерть бредет, проклятая брюзга,
И надо ей назло продлить наш праздник шумный,
Пока цветущий май, повеса неразумный,
Нам душу веселит, и от его речей
В усталом сердце кровь вскипает горячей.
А стукнет семьдесят, совсем иное дело,
Но чтоб уныние тобой не овладело,
Займись пасьянсами, поигрывай в триктрак,
Нас годы приведут в страну, где вечный мрак,
И не покинуть нам загробную пещеру,
Или солгал Катулл?— я принял все на веру.
Я знаю, ты к себе взыскателен и строг,
Какой однажды мне ты преподал урок!—
Твой благородный лоб не бороздят морщины,
И в целом мире нет галантнее мужчины:
При виде барышень или пикантных дам
Спешишь ты выказать презрение к годам.
Ты Аполлону друг, он кровь твою торопит,
И кубок Бахуса еще тобой не допит,
И в этом схожи мы: я прочь гоню хандру
И лицемерную бесчестную игру,
Покорность Бахусу храню и Цитерее,
Но Фебовой стрелы не видывал острее,
И если оступлюсь, не я тому виной:
Ведь так заведено Природой, а не мной.

* * *

В полубеспамятстве, дышать и то не в силах,
Я жаждал смерти,— кровь остановилась в жилах,
Вконец измученный любовною борьбой,
В изнеможении лежал я пред тобой.
Язык мой высохший как будто слипся с небом,
«Прощай,— подумал я,— мы встретимся за
гробом»,—
В ушах — зловещий звон, перед глазами — мгла,
На грудь твою рука бессильная легла,
Казалось, в проклятом исчезну я Эребе,
В краю, где царствовать Плутону выпал жребий,
Куда не попадет вовеки свет дневной,
И вот уже ладья Харона предо мной.
Я умирал, но ты к губам моим припала,
Блаженной смерти ты меня не уступала,
Был долгод поцелуй, лишь смех дразнящий твой
На миг прервал его, и я, полуживой,
Воспрянул, ощутив живительные токи,
И змейкою вился твой язычок жестокий,
Вливая в грудь мою сжигающий бальзам:
Он солнце щедрое вернул моим глазам,
И лодка Старика, что перевозит души,
Должна теперь без нас уплыть к счастливой суше,
Оставленной для тех, кто подлинно влюблен,
Так поцелуем был навек я исцелен.

И все ж, любимая, в тот час, когда насквозь я
Пронизан сумраком, когда пылает Песья
Звезда, молю тебя, подобною ценой
Не утоляй мой пыл и мой пафосский зной.
О перемирии взываю я в надежде
От смерти убережь обоих нас, но прежде,
Не философствуя, сказать тебе позволю:
От наслаждения неотделима боль.

Гастинскому лесорубу¹

Кто первым занесет несправедный топор
Над рощами, что здесь шумели с давних пор,
Пусть собственным клинком живот себе пропорет,
Пусть голод смерть его постыдную ускорит,
Пусть изведется он, как древний лесоруб,
Что, преступив запрет, срубил священный дуб
И был Церерою наказан беспощадно:
Как ненасытный зверь, все поедал он жадно
И сам пожрал себя,— пускай войны дракон
Жестоко истребит нарушивших закон!
Торжествовал злодей, глумясь над нашим бором,—
Пусть как собака он издохнет под забором!
Пускай заложит все — именья и поля
И, разорясь вконец, просрочит вексель.
Пусть в кознях собственных бессильно он погрязнет,
Пусть днем и ночью он свой ум тщеславный дразнит
Безумством пагубных несбыточных идей,
Он злобою своей лишь отвратит людей.
Послушай, лесоруб, зачем ты лес мой губишь?
Взгляни, безжалостный, ты не деревья рубишь.
Иль ты не видишь: кровь стекает со ствола,
Кровь нимфы молодой, что под корой жила.

¹ Стр. 1—18 перевел Р. Дубровкин, далее перевод В. Левика.

Когда мы вешаем повинных в краже мелкой
Воров, прельстившихся грошевою безделкой,
То святотатца — нет! бессильны все слова:
Бить, резать, жечь его, убийцу божества!
О храм пернатых, лес! Твоей погибшей сени
Ни козы легкие, ни гордые олени
Не будут посещать. Прохладною листвою
От солнца ты не дашь защиты в летний зной.
С овчаркой не придет сюда пастух счастливый,
Не бросит бич в траву, не ляжет в тень под ивой,
Чтоб, вырезав ножом свирель из тростника,
Жанетте песнь играть, глядеть на облака.
Ты станешь, лес, немым, утратит эхо голос.
Где, зыблясь медленно, деревьев пышный волос
Бросал живую тень, — раскинутся поля,
Узнает борону и острый плуг земля,
И, тишину забыв, корявый, черный, голый,
Ты отпугнешь дриад и фавнов рой веселый.
Прощай, о старый лес, Зефиров вольных друг!
Тебе доверил я и лиры первый звук,
И первый мой восторг, когда питомец неба,
Услышал я полет стрелы звенящей Феба,
И, Каллиопы жрец, ее восьми сестер
Узнал и полюбил разноголосый хор,
Когда ее рука мне розы в дар сплетала,
Когда меня млеком Эвтерпа здесь питала.
Простите, чащ моих священные главы,
Ковры заветные нетронутой травы,
Цветы, любимые случайным пешеходом, —
Теперь среди полей, под знойным небосводом,
Густым шатром ветвей от солнца не укрыт,
Убийцу вашего, усталый, он бранит.
Прощай, отважного венчающий короной,
О дуб Юпитера, гигант темно-зеленый,
Питавший род людской в былые времена,
Прощай! ничтожные забыли племена,

Что дедов ты кормил, и черствые их внуки
Кормильца обрекли на гибель и на муки.
Несчастен человек, родившийся на свет!
О прав, стократно прав философ и поэт,
Что к смерти иль концу все сущее стремится,
Чтоб форму утратить и в новой возродиться.
Где был Тампейский дол, воздвигнется гора,
Заутра ляжет степь, где был вулкан вчера,
И будет злак шуметь на месте волн и пены.
Бессмертно вещество, одни лишь формы тленны.

Гимны

Гимн Вечности

С пылающей душой, истерзан Аполлоном,
Я одержим одним желаньем непреклонным:
Орфеем новым стать и, робость поборов,
Сорвать с небесных тайн сверкающий покров,
И сердцем, где восторг священный пламенеет,
Восславить ту, чей блеск вовек не потускнеет,—
На мир она смотреть привыкла свысока,
По прихоти ее сменяются века,
И годы, и часы, но, царственно прекрасна,
Законам собственным богиня неподвластна.
Сомнений тягостных опять предвижу дни,
Но нечто высшее мне говорит: «Дерзни
И труд свой посвети достойнейшей на свете,
Чье имя сберегут пергаменты столетий».
О вечно юная, мне силы подари
Тебе, божественной, воздвигнуть алтари!
Дай медный мне смычок и бронзовые струны,
Над лирою стальной пусть голос мой чугунный
Гремит немолчными раскатами, пока
Вершит над нами суд бессмертная рука,—
Таков твой истинный и безраздельный жребий:
Владычица богов, одна царишь ты в небе,
Вдали от наших бед и суеты мирской,
Что долгие века терзают род людской,
И нет счастливее твоей державной доли.

Когда сияешь ты на золотом престоле,
И солнцем озарен просторный твой чертог,
И шелка алого искрящийся поток
По царственным плечам струится величаво,—
Чьей славой хоть на миг твоя затмится слава!
Алмазным скипетром бестрепетной Судьбе
Путь указуешь ты, как преданной рабе,
Что у высокого склонилась пьедестала
И над небесными вратами начертала
Веленья дерзкие победного жезла
И девять сводчатых святилищ возвела,
Скрывая этот мир покорный, что недаром
Лежит у ног твоих вечнозеленым шаром.
Направо от тебя, беспечна и свежа,
Блещет Молодость, Природы госпожа,
И водопад волос огнем струится темным,
И грудь вздымается в пыланье неумном,
Когда веселая, румяная лицом,
Откинув стройный стан, охваченный кольцом
Витого пояса, она рукой проворной
Дает испить тебе напиток животворный
Из чаши золотой, дарующей навек
Избыток бодрости; меж тем, как человек
Устало хмурит лоб, чело твое не тронет
Дыханье Старости: седую ведьму гонит
Богиня юная с притихнувших небес,
Чтоб мир не одряхлел и вовсе не исчез.
Чуть в отдалении на страже неизменной
Стоит Могущество, и взор его надменный
Пылает над резьбой позолоченных лат,
И зорко стережет отточенный булат
Империю твоей незримые границы,
Дабы стремительных столетий колесницы
Бессмертью твоему не нанесли вреда,
И злейший недруг твой, завистная Вражда,
Не привела Раздор, что на погибель миру

Грозится захватить вселенскую порфиру,
В слепых Стихиях дух рождая бунтовской
И, Хаос возвратив, навек изгнать Покой.
Но поплатился враг за низкую измену,—
Меч Добродетели поверг его в Геенну,
В Геенну, где века томиться будет он,
К стенам пылающей темницы пригвожден.
Тебе вослед, скромней служанки бессловесной,
Природа шествует по синеве небесной,
На посох опершись, и весь Олимп святой
Колени преклонил пред этой простотой.
Достойнейший Сатурн, старик седобородый,
Ступает медленно за матушкой Природой,
Сжимая рукоять зубчатого серпа,
Светила древнего там пролегла тропа,
Равновеликими размерена шагами,
И годы движутся огромными кругами.
О неизменная, деяния твои
Питают этот мир, что в сладком забытии
Спит на груди твоей, и нет благословенья
Отрадней для него; веков бегущих звенья
Соединила ты и царственной рукой
На землю пролила напиток колдовской,
Дарящий молодость и жизненную силу,
И, чудом миновав бесславную могилу,
Цветет беспечный мир, все тот же, что вчера!—
К людскому роду ты, увы, не так щедра.
Совсем не о таком мечтали мы наследстве:
Для смертных даже смерть не худшее из бедствий!
Как видно, человек у неба не в чести,
Спасенье должен он в потомстве обрести,
В заботах ревностных о продолженье рода,
Ждать обновления велит ему Природа
По наущению Киприды, чей закон
Взаимной радостью влюбленных подкрепен.
Но нет нужды тебе в извечном обновленьи —

Всей сущностью своей ты отрицаешь тленье,
И Парки нить твою вовек не оборвут,
Нет Смерти в небесах, где божества живут,
И только здесь, внизу, страшна ее гримаса:
Всех прибирает Смерть, царя и волопаса,
Ее, безбожную, поди умилосерды!—
Сохи от скипетра не отличает Смерть.
Законы ты одна всему диктуешь свету,
Но волю царскую престольному Совету
С недостижимой надзвездной высоты
В словах обыденных не объявляешь ты,
Не скажешь никогда: «Так б ы л о или б у д е т»,—
О таинствах времен твой гордый ум не судит,
Подобно нам, и то, что минуло давно,
И то, чему еще случиться суждено,
Все представляется тебе единым мигом,
Ты неизвестности не тяготишься игом:
Ни дня вчерашнего, ни завтрашнего дня
Нет для тебя одной,— все в памяти храня,
Эпохи видишь ты невидимые нами,
Они нам кажутся пустыми именами,
И те, чей срок прошел, и те, которых нет,
Несовершенными родились мы на свет,
Из праха вышли мы и снова станем прахом,
Сиянье божества отвергли мы со страхом
С тех пор, как ослепил нас первородный грех,
Но памятью времен, таймой ото всех,
Былых и будущих, владеешь ты навечно,
И сколь земная персть убога и увечна,
Столь совершенна ты в зените бытия!
Тебя бежит распад, любая часть твоя
Единство целого исконно означала,
Предела нет тебе, как не было начала,
Неуязвимая, во всем завершена,
Как в бесконечности, в себе заключена,
Ты всюду и нигде, ты миг и вечность разом,

Безмерности твоей постичь не в силах разум.
Праматерь всех богов, взываю — обрати
Свой взор всевидящий на грешные пути
И в отблесках огня, с вершины гордой башни
По-царски одари нас милостью всегдашней,
Богиня светлого Олимпа, круг земной
Я завершить спешу и, в мир сходя иной,
Молю о встрече там с прекрасной Маргаритой,—
Да будет этот гимн ей верною защитой!

Гимн золоту

Жану Дора

Я гимну и себе нанес бы оскорбленье,
Когда б не ты, Дора, был назван в посвященье:
Ведь золото — в стихе и в имени твоём,
В Орансе, что течет в краю, тебе родном.
Припишут скупость мне, увидев эти строки,—
Не первый я поэт, в ком так нашли пороки,
Гомера пьяницей облыжно нарекли:
Он Вакха пел дары — плод солнца и земли.
Пусть, впрочем, сплетники стараются, судачат,
Пустые их слова ведь ничего не значат:
Был пьянству чужд Гомер, хоть славил Вакха мощь,
Нет скупости во мне, и кошелек мой тощ,
Хотя воспеть хочу я золота всесилье.
Когда бывало так, чтоб люди находили
Богатство в той суме, что оставлял Поэт?
Как жадность совместить — и Аполлона свет?
Нельзя у Муз найти подобного порока,
Ведь это значило б их оскорбить жестоко:
Приданого — и то не обрели себе,
И девственность хранят, покорствуя судьбе.
Сердито на скупца взирает Каллиопа:
Он плесенью пророс, его вседневно стопы
Влекут лишь к сундуку, что ржавеет в углу,

В отмершем сердце он таит одну золу,
И что б ни делал он, у Муз благоволенья
Ему не обрести,— влечет к обогащенью
Дух алчности его, как пса, что, даже сыт,
Все жадно ищет кость. Те ж, кто был знаменит
Поэзией своей, презрели оболщенье
Богатства, золота, но ведали терпенье
И доблесть нищеты; в том подавал пример
Любимый Музами учитель наш Гомер,
Мы все находим в нем источник Музы чистый.
И все же, друг, порой твержу себе: «Учись ты
Гомеру подражать лишь в том, как он творил,
Прекрасному стиху, который он сложил,—
Но не просить, как он, себе за песню хлеба,
Бездомным не бродить всю жизнь под сводом неба».
Да, золоту я стих сегодня посвятил:
Мы знаем, некогда Юпитер превратил
Свой облик в тот металл, в тот дождь блестящий, ясный,
Чтоб пылко пасть с небес к возлюбленной прекрасной.
Его же волею украсил сей металл
И храмы, статуи, что скульптор изваял:
Почтен металл лицом Юпитера-владыки,
Почтило золото Юпитеровы лики.
Пусть Бедность воспоем любой другой поэт,
Я зависти к нему не чувствую, о нет!
Его не осужу, злословьем не обижу,
И все же золота всю мощь так ясно вижу!
О счастья исток, прекраснейший металл,
Тот, кто тебя лишен, о жизни лишь мечтал,
Бродя среди живых всем чуждой, мертвой тенью,
Достойный жалости, подверженный презренью.
Ты — нервы, сила, кровь, ты — жизнь и смерть людей!
Менандр был множества философов смелей,
Когда перед толпой он, с Эпихармом споря,
Не звезды и огонь, не ветры и не море
Богами называл, а только лишь одну

Богиню признавал, чьей власти глубину
Измерить нам нельзя; ее зовут — Богатство,
Противников ее бессильно святотатство:
«К кому придет она, тот благ всех властелин —
Полей, лугов, лесов, садов и тонких вин,
Имеет слуг, друзей, к себе склоняет судей,
Свидетелей,— ему охотно служат люди».
Бесспорно: приведет Богатство к нам друзей,
Усадит нас за стол вблизи от королей,
Почетом окружив,— и замолчит мгновенно
Наш самый злобный враг, склонится ниц смиренно.
Когда мы почести вельможам воздаем,
В поклонах вежливых свиваемся кольцом,—
То не Богатство ли колени нам сгибает?
К наживе устремясь, солдаты погибают
За короля. Когда ж без золота король,—
Не больше стоит он, чем уличная голь.
Лишь сила золота царям дает короны,
Им подчиняет мир и укрепляет троны.
Людей они влекут приманкою наград,
И только потому служить им каждый рад.
Столпы учености, ораторы, поэты
Шлют книги королям,— трактаты и сонеты,
Ремесленник свои изделия несет,
И все они за то, конечно, ждут щедрот.
Любезный мой Дора, прошу тебя ответить:
Случалось полное нам бескорыстье встретить?
В Сицилию свой путь направил бы Платон,
К тирану, если б знал, что власти тот лишен?
Когда бы выгоды не ждал совсем философ,—
Он стал бы отвечать на множество вопросов
Тирана и служить желаниям его?
Нет, не видали мы философа того,
Который, при своих почтеннейших седилах,
Бровях нахмуренных, суровости, морщинах,
Тон не понизил бы и не повеселел,

Подарки получив,— кто б денег не хотел.
«Не видно,— Симонид говаривал когда-то,—
В дому философа тех, кто одет богато,
Но видим часто мы брадатых мудрецов,
Что ждут, как на часах, у мраморных дворцов».
Друг, против золота не ставь на добродетель,
Ты проиграешь спор, весь мир нам в том свидетель:
В минуту трудную кого она спасет
От голода, кому довольство принесет?
Чтобы ученым быть, книг очень много надо,
Но не получишь ты от Музы их в награду,—
Торговцу нам платить приходится за них.
Немало на коня потребно золотых,
Чтобы исполнить долг свой в нашем положении.
А без оружия — как мы пойдем в сраженье?
Возможна ли война без пушек и солдат?
Все это золота потребует стократ;
Кто платы не возьмет,— иного пожелает,
О славе, Ордене и пенсии мечтает,
Но призрак золотой, сверкающей казны
Стоит за этим всем, зовет к делам войны.
А стать художником,— пускай рожден с талантом,—
Иль зодчим сделаться ты мог бы, музыкантом,
Коль смолоду лишен орудий мастерства?
Рука художника без этих средств мертва.
Искусства — как они возможны без ученья?
Меж тем, потребует учитель награжденья.
Не только воздух нам необходим, чтоб жить,
Иль хлеб, вино, огонь,— вкус надо усладить
Мильоном радостей, что с золотом явились;
Без денег — в праздности унылой мы б томились,
Не ведали любви бесчисленных утех,
Блистания пиров, изящных танцев тех,
Чей шаг торжественный плывет под звук гобоя;
И путешествие б нам не свершить любое
В своей родной стране иль на чужой земле,

Охотой, скачками не тешиться в седле.
Без денег — щедрости закрыто проявленье
И невозможно дать убогим вспоможенье,
Томимым голодом,— нельзя творить добро,
Все в мире так, мой друг, устроено хитро.
Стремишься к подвигу — набей мешок деньгами;
Как Демосфен сказал,— оратора устами
Гласила истина,— не можем начинать
Без золота мы дел, тем паче — завершать;
Не кончился еще срок золотого века:
Невольно в наши дни в груди у человека
При виде золота захватывает дух.
Оно склоняет к нам Венеры чуткий слух,
Любая дверь в дому, пусть накрепко запретя,
Пред золотом тотчас, конечно, распадется;
Оно даст сотню лиц пустышке без лица,
Внезапно обратит невежду в мудреца,
Даст грацию тому, кто плелся мешковато,
Умом и честью наделит торовато
Глупца бесчестного, семьею и родней,
Урода одарит немедля красотой,
Болвана вознесет, как бога, в общем мненье,
В ущерб учености и чести, без сомненья:
Известно хорошо, что Доблесть далека
От блеска золота, от груза сундука.
Легко прославится ничтожнейший бездельник,
Которого нужней любой прилежный мельник,
И все — лишь с помощью тугого кошелька,—
Мадам Богатство так меняет дурака.
А скольких грандов мы назвали бы глупцами,
Не замыкай оно столь прочными ключами
У всех людей уста! Когда б не удушал
Замок тот голос наш и звук не заглушал!
Богатство — это рог волшебный Амальтеи,
Что изобилие дает нам, не жалея,
То — жемчуг без цены, то — счастья венец,

Ты обзавелся им — и бедам всем конец.
Нет избылья, друг, сегодня под луною,
И мед, и молоко уж не текут рекою,
Священный желудь нам не утоляет плоть:
Приходится пахать, и сеять, и полоть,
И землю обливать своим соленым потом,
Чтоб вырастить зерно,— всю жизнь отдать заботам.
Но служат для того в хозяйстве острый плуг,
И бык, и серп: без них мы слабы, как без рук.
Раз ты не получил в наследство все от деда,—
Иди просить кусок под дверью у соседа:
Когда желудок наш голодный говорит,—
К чему тогда латынь, и греческий претит.
Нагими в мир вещей нас бросила Природа,
В отличие от зверей — шерстистого народа:
Медведя, льва, быка, оленя и бобра,
Овечки, кабана, последнего одра.
Чтоб защитить от бурь нагую нашу кожу,
От ветра и жары, от злой морозной дрожи,
Одежда надобна и прочный, теплый дом;
Нет денег — корчишься под снегом иль дождем.
И вот — все гонятся за пламенным металлом:
Законник и поэт, ученый — в беге шалом,
Врач мечется, ища, с рассудком не в ладу,
Как пациент его, когда лежит в бреду.
Моряк за золотом летит, не зная страха,
В Харибды грозный зев, бросается с размаха
В кипящую волну на хрупкой скорлупе,
Нептуна не боясь на плещущей тропе.
Теолог, святостью своею знаменитый,
Что проповедь ведет, ученостью набитый,—
Желанного тельца в уме своем таит,
Мечтает лишь о нем, когда псалом твердит.
Философ, астроном, познаньем вознесенный,
Томится, золотом, как все мы, соблазненный.
Да, видно, не найти на свете удальца,

Чтоб одолел соблазн заветного тельца.
Все чествуют его, и Аристотель смело
Металл тот называл слугой благого дела:
Без золота кто б мог добро вокруг творить
И доблести свои на белый свет явить?
Что, как не золото, в любой нужде подмога,
Беду оно всегда отгонит от порога,
Способно отразить Фортуны злой удар,
Мгновенно погасить несчастья пожар.
Оно заботится о нашем брэнном теле:
Когда уложит нас лихая хворь в постели,
Оно полезней нам друзей, родных, детей,—
Доставит быстро все — лекарства, слуг, врачей;
В болезни брат, сестра таким не будут другом,
Готовым к помощи и всяческим услугам:
Иль струсят, иль вспылят. Здесь золото — нам брат,
Оно пошлет врача, что, жадностью объят,
За деньги лечит нас, заботится, лелеет,
Возможно, что болезнь он нашу одолеет,
И душу, что вот-вот из тела улетит,
Удержит все же: так нас золото хранит.
Оно и душу нам врачует вместе с телом,
Печали прочь гоня рассеяньем и делом:
Досада мучит нас, мысль горькая, тоска,
И меланхолия терзает, жестока,
Мечтания томят,— несет нам излеченье
К Музыке сладостной отрадное влеченье,
Звучит она, пленив гармонией наш слух,—
К спокойствию идет смятенный горем дух.
И книги новые, божественно прекрасны,—
Их золото нам даст,— покажут, что напрасны
Все горести земли пред этой красотой.
О золото, твой свет лучится над землей,
Он ярче света дня; полезно ты для дела
И мира, и войны, ты — сила без предела,
Законы ты хранишь и пышные дворцы

Возводишь в городах,— собираются дельцы,
Торговцы для тебя, и рынков многоцветье
Растет на площадях; возносишь на столетья
Ты храмы до небес. Крестьянин и рыбак,
Купец, ремесленник и воин, и моряк
Меняют на тебя плоды трудов и службы,—
Опорой можешь стать прочней, чем помощь дружбы,
Полезней быть, чем плод Цереры на полях:
Доставить для семьи все то, что в городах
И селах создано руками человека,
И замуж выдать дочь, в груди которой млеко
Уж зреет, требуя младенца пухлых уст,
Семейных радостей,— без них век девы пуст.
Но лишь поднимет Марс копьё в порыве боя,—
Ты форты мощные возводишь над водою,
Что льешь в глубокий ров, и строишь стены ты,
Валы гигантские, террасы и мосты,
Как Марс, ведешь полки вперед, на бой, к победе:
Что храбрость там, где нет доспехов, стали, меди!
У древних — золотым был отличен руном
Баран волшебный тот, что на пути морском
Мчал Геллу юную от козней ведьмы мрачных,
И золотом цвели плоды в долинах злачных —
Атланта яблоки; одно из них принес
Венере в дар Парис, ответив на вопрос
О первенстве богинь,— неся несчастья Трое.
Во храмах греческих убранство — золотое,
Сверкали золотом и статуи богов,—
Среди металлов всех почет ему таков.
Был на Олимпе спор когда-то меж богами
О первенстве, о том, богаче кто дарами.
Юпитер — молнию превозносил свою,
Копьем гордился Марс, что всех разит в бою,
Сатурн — косой своей, Нептун — волной морскою
И луком — Аполлон, веселый Вакх — лозою,
Амур — двойной стрелой, Церера же — зерном,

Благоухающим и радужным цветком
Хвалилась Флора там, а Пан — горой зеленой,
И палицей — Геракл, никем не побежденной.
Уж близилось тогда Нептуна торжество,
Звучали голоса за первенство его,—
Столь был величествен владыка влаги пенной,
Что нет соперников, казалось, во вселенной.
Но Мать-Земля была в тот час огорчена,
Что славой не она средь всех награждена,—
Свои сокровища открыть решила детям,
Чтоб зренье поразить великим блеском этим.
Немедленно Земля над всеми верх взяла,
Когда раскрыла грудь и взору предала
Неведомый металл в его свечение ярком:
Так солнце нам слепит глаза в июле жарком,
Венеры луч таков вечерний, золотой,—
То свет ее кудрей струится над землей,
Омыло море их пред солнечным закатом.
Тут каждый из богов наперебой с собратом
Праматерь стал молить, чтоб наделила их
Лучистым веществом богатых недр своих,
Победу Матери они провозгласили,
Для Неба ту красу все у нее просили,—
Назвать же не могли. Земля произнесла
То имя — «золото», и Небу часть дала:
Желтеет золотом Юпитера корона,
Великий трон и скиптр; немедля и Юнона
Свой трон украсила, а Солнце с этих дней
Увило золотом волну своих кудрей
И колесницу ту, что день приносит миру;
Позолотил и Феб подругу песен — лиру,
Лук Феба прежде был лишь деревом простым,
И вот оделся он сияньем золотым.
Амур вооружен стрелой златою, новой,
Паллада, что была к богатству столь суровой,
Пленилась золотом: горит Горгоны лик

У Девы на груди, и золотится блик
Палладиной брони средь самой темной ночи;
Блеск Марсова щита слепит отныне очи,
Сияет золотом убийственный топор,
Гермеса скромный жезл и Грации убор,
Венеру с той поры прозвали золотою;
Фемида строгая, с карающей рукою,
Весы из золота в день этот завела
И нитью золотой одежду убрала.
Коль в плен взяло богов металла оболъщенье,
Как можем золоту не возносить хваленья?
Ценить его, любить и почитать должны,—
Его достоинства для смертного ясны.
Что до меня, Дора, то я к нему взываю,
В словах смиренных так его я умоляю:
«О счастья творец, владыка всех людей,
Теки всегда в мой дом и блага щедро лей,
За то пою тебя: творишь повсюду чудо,
Недаром, золото, зовут тебя «прочь-худо»,—
«Даритель жизни» ты, «гонитель всех забот».
Пускай судьба тебя навстречу мне ведет;
Где ты звенишь, туда уж не проникнуть горю,
Я смело за тебя с хулителем поспорю
И докажу: творить без помощи твоей
Нельзя полезных дел, добра для всех людей,
И доблестью блистать; моих врагов жестоких,
Как плена, избегай, как пропастей глубоких,
И благосклонно мой наполни кошелек».
Уж слышу глупых слов обильнейший поток,
Толкуют знатоки, что я не вижу ясно
Достоинств Бедности,— браню ее напрасно,
Ведь это Бога дар,— не может быть дурным
Для жизни смертного то, что дается Им,
И Бедность я сужу, ее совсем не зная,
Не испытав того, что шлет она, благая.
Любому дам ответ: я с Бедностью знаком,

Всю истину о ней скажу своим стихом.
Тот, кто ее поет как славный дар небесный,
Пусть хвалит заодно и мрак могилы тесной,
И тление в гробу — ведь смерть шлют боги нам,—
Пусть голоду хвалы приносит также в храм,
Восславит пусть чуму,— они даны богами,
Но мы считаем их страшнейшими врагами.
Ты скажешь: обрастать не следует добром,
Оно бежит, как сон, как дым, оно — фантом
И улетит быстрее, чем ветра дуновенье,
Все знают: для того достаточно мгновенья.
Однако если мы играть осуждены
Фарс человечества,— одежды нам нужны;
Не лучше ли, мой друг, чтоб это было платье
Вельможи, короля,— не рубища проклятье,
Прикрывшего едва бродягу-бедняка,
Чья жизнь не ценится дороже медяка?
Богатства мощь ты зря считаешь преходящей:
Наследуя отцам, шагают к силе вящей
Владыки царств больших. Уж много сотен лет
Французов короли, не зная тяжких бед,
Все правят Францией, и власть их крепнет боле.
Вот Генрих, наш король, в своей державной доле —
Наследник верных благ, хранимых долгий срок,
Величием своим он всем дает урок,
Усилив мощь страны, и битвами стяжает
Все новые края, наследство умножает,
Короны с бою взял для сыновей своих,
Могушественней стал властителей иных.
Ты скажешь: не один премудрый философ
Известен бедностью в преданиях веков,
Сражались доблестно храбрейшие герои,
Не наделенные богатством и землею.
Ты был бы прав, когда на свете кроме них
Не знали б воинов достойнейших других,
Но ведь добились же в боях великой славы

И те, кто умерли владыками державы:
Был Александр среди них, Октавий, Цезарь, Пирр,—
Так следует признать, и это видел мир,
Что благородный дух, исток боев победных,
И доблесть гордая,— коль посещает бедных,—
Не только среди таких встречается людей,
Но прибегать должна к поддержке королей,
Нуждается она в величии державном,
Что вознесет ее в созвездье достославном.
«Да чем то золото важнее хоть песка?
Дорога же к нему трудна и далека,—
Иные люди мне с насмешкой скажут строго.—
К чему о золоте ты говоришь так много?
Не сыплется оно нам просто так с небес.
Увы, несчастные, полна пустых словес
Глава философа, что горд подобной речью,
Не может он в нужду проникнуть человечью.
Не знаешь разве ты той истины простой,
Что всех питает нас кружочек золотой?
Ты получил бы хлеб, плоды и мясо, вина,—
Все, чем мы жизнь свою поддерживать повинны,
Без золота? А ты твердишь: «Оно — ничто».
Но без него прожить не мог еще никто.
Ты скажешь также мне: «Довольствуюсь салатом,
То наслаждение узнав,— кто стать богатым
Захочет и копить всю жизнь сокровищ тьму,
И охранять свои владенья, как тюрьму,
Чтобы богатство дать наследнику пустому
И недостойному, что понесет из дому,
Твоей кончине рад, все деньги: на пиры
Истратит быстро он, или в пылу игры
Все то, что ты скопил, плоды садов и пашен».
Скажу, как Симонид: настолько в жизни страшен
Мне голод — мрачный враг, что буду очень рад
Обогатить врагов смертельных я стократ,
Наследством наделив посмертно, только мне бы

Живому не бродить дорогами без хлеба.
Бежать от Бедности — первейшего из зол —
Зовет нас Феогид, — спуститься ль в темный дол,
Пройти моря, огонь, вскарабкаться на скалы, —
Годится все, когда ее грозит нам жало.
Что до меня, Дора, то предпочел бы я
Скорей со львом сойтись голодным у ручья,
Чем с тощей Бедностью, свирепой, бледногубой,
Что в клещи нас берет безжалостно и грубо:
Ведь лев проглотит враз и плоть мою, и кровь,
Она же примется сосать нас вновь и вновь,
Всю жизнь терзать меня, жену, детей, всех близких,
Ты скажешь: золото — исток деяний низких,
Рождает жадность, рознь и зависть, и вражду,
Тревоги, кляузы и свары, страсть к суду,
Мученья, горести, заботы, подозренья,
И глупость обретет наследник от рожденья
С богатством заодно: не будет знать труда,
Желания его исполнятся всегда.
Богатство, скажешь ты, несет с собой кичливость,
Высокомерие, мятеж, несправедливость,
Тиранов создает, тщеславных гордецов,
Плодит распутников, лентяев и льстецов.
Итак, от золота — всех бед угрюмых стая,
А мать искусств и благ — то Бедность лишь простая?
Дивлюсь таким речам, и дерзким, и шальным:
Так папа иль король — он должен быть дурным,
Поскольку он богат? Но всем, конечно, ясно,
Что капля разума — и та порой прекрасно
Способна богачей в соблазне остеречь,
Коль хочется им честь нетронутой сберечь.
А бедный может стать легко убийцей, вором,
Разбойником, гоним нуждою и позором.
Терзаясь голодом, на все в беде готов, —
Отнять чужой кусок, чужой разрушить кров, —
Готов простить себе насилие любое,

Чтобы добычу взять и унести с собою:
Его желудок пуст, завистлив наглый взгляд,
Нет пищи для зубов, и чувства в нем бурлят,
Он недоволен всем, клянет людей счастливых,
Изобретает тьму проделок прихотливых.
Напрасно говорят: «Спокойно спит бедняк,
Забот не знает он; хоть ляжет натошак,
Без всякого белья и под открытым небом,
Зато пред вором страх совсем ему не введом.
Богаж же от тревог своих теряет сон:
Он — вместе с кошельком — и страхом наделен.
Вот так же точно бобр, тая в своем мешочке
Чудесную струю, в той самой оболочке
Несет и смерть свою: чтобы экстракт добыть,
Стремятся жадно все бобра догнать, убить».
Но короли тогда ведь были бы трусливы,
Однако знаем мы, что, с детства горделивы,
Владеть оружием приучены, ловки,
Воспитаны в боях, они ведут полки.
К тому же стерегут сеньора зорко слуги,
Вооруженные, одетые в кольчуги,
Готовы рьяно все владыку защищать,
Коль руку на него посмеет кто поднять.
Когда настанет ночь, он — в роскоши и неге,
Приют ему готов; заботы о ночлеге
Не знает никогда, покоясь в сладких снах.
А что бродяге даст его ночлег в стогах?
«Блаженство» заболеть, схватить катар, ангину,
Подагру иль прострел, другую чертовщину,
Которая его в больницу приведет,
Доставит множество несчастному забот.
Отчаяния мать, рождает заблужденья
В нас Бедность и плодит дурные побужденья.
Тот проклят, кто б ей стал провозглашать хвалу,
Не пригласят его, как близкого, к столу
Вельможи гордые, и не займет он стула

Вблизи от короля средь праздничного гула.
Цепями тяжкими стесняет Бедность дух,
И Феогнид ее клянет угрюмо вслух:
«О Бедность подлая, ты придавила плечи
И не даешь вздохнуть, меня лишаешь речи,
Всем на посмешище влачишь ты, как шута,
Боль унижения смыкает мне уста.
Ко злу меня ведешь, моей помимо воли,
Но что страшней еще для человеческой доли,—
Я становлюсь рабом и доблести лишен,
Мне подвиг не свершить, труслив я и смешон.
Когда бы Миноса имел я ум, познания,
Открыли боги мне все тайны мироздания,—
Презренья б не избег я все же средь людей
И чести не снискал под властиею твоей,
Пока гнетешь меня своим постыдным грузом.
Оставь меня, ведь честь твоим противна узам,
Лишь стыд приличен им, с несчастьем и сумой».
Я с Феогнидом в том согласен всей душой,
Не знаю гарпии противнее, чем эта,
Хоть сотнями льстецов она была воспета,—
И ныне ей они в смирении кадят.
О ней я все сказал. Теперь же бросим взгляд
С иной мы стороны,— на оборот медали.
Есть люди, что весь век свой деньги расточали,
Став бременем для всех, без пользы на земле:
Он нищим не подаст, живя подобно тле,
На дело доброе не тратит ни монеты
И в праздности ведет напрасной жизни лета.
В беде не станет он опорой никому,
Подачки щедрые бросает лишь тому,
Кто подло, низко льстит, да сводникам маститым,
Лжецам, распутникам и гнусным паразитам.
Подобен дереву в неведомых горах,
Чей плод, созревши, пал и превратился в прах,
Ужель не думаешь ты, мот, о часе страдном,

Когда, быть может, сам, в бумажнике нарядном
Не находя и тень монеты золотой,
Пойдешь просить в слезах, голодный, испитой,
Хоть грошик у того, кто, одарен тобою,
Гоняет бедолаг, обойденных судьбою?
Бог золото дарит не для того, чтоб мы
Снабжали им льстецов, продажных девок тьмы.
Студента, сироту и узника в темнице,
Беднягу, что, хоть нищ, на хлеб просить стыдится,—
Желанным благом всех ты можешь наделить,
Им счастье, радость дать, надежду подарить.
Сторицею к тебе вернутся блага эти,
Коли ты бос и гол окажешься на свете.
Сокровища земли — для жизни и добра,
Но не для тех, кому нужны лишь повара.
А ты, набив едой раздувшееся брюхо,
Не ведаешь: оно к даяньям слепо, глухо,
И требует всегда все новой пищи в дар,
Как вспыхнувший в лесу губительный пожар;
Тем менее он сыт, тем более ярится,
Чем больше в пламени деревьев разгорится.
Не лучше ль оделить деньгами бедняков
Или едой снабдить, спасая от оков
Нужды безжалостной, чтоб чувством благодарным
Ответили тебе,— но не льстецам бездарным
Богатство расточать, которые, в свой час,
Тебя пошлют просить, под окнами стучась.
А если для добра проявишь ты старанье,—
В миру иль на небе получишь воздаянье.
Но так же, мой Дора, как гадок мне гурман,
Ничтожен, на мой взгляд, скупец, что свой карман
Стремится золотом набить,— и терпит голод,
Царят в его дому пустынным тьма и холод,
А золото свое он прячет под замком,
Склоняется пред ним, как перед алтарем;
Скажи, скупец: ужель ты можешь быть счастливым,—

Бургунских лучших вин владельцем бережливым,
Зерна шампанского, бретонского руна,—
Когда вся жизнь твоя скудна и голодна,
Когда ты ежишься, на платье ткань жалея,
И жаждой мучишься, вино свое лелея?
Отнюдь не грудюю накопленных монет
Богатство можем мы измерить,— нет и нет!
Богат — кто может быть и средним достояньем
Доволен, не гоним все к большему желаньем.
Что даст тебе гора браслетов и цепей,
Наполнивших твой дом без пользы для людей?
Да то же, что камней и мусора скопленье.
Глупец, подобен ты Приаму, что в волненье,
Трон бросив золотой, на землю ниц упал,
Навозом голову и шею осыпал.
Так точно в нищете страдал, ютясь в деревне,
И чуть не голодал почтенный старец древний,—
Лаэрт, что славного Улисса породил,
А в доме у него пол ходуном ходил,
Там в танцах и пирах, в правленье Пенелопы,
На ветер все добро пускали остолопы;
Как раб, Лаэрт лежал в золе у очага,
А слуги ублажать должны были врага.
Такою мукой Зевс наказывал Тантала:
Его стопы струя живая омывала,
Над ним заманчиво склонялся зрелый плод,—
И пуст желудок был, и сух его был рот.
Но плод от губ твоих отторгнут не богами:
Его на рынок шлешь, прельщаяся деньгами,
Желая получить двойной, тройной доход,
Обильную казну собирая каждый год;
Ты будешь лить слюну потом пред сундуками,
Запятав яркий блеск сокровищ под замками.
Как тот несчастный, что, водянкою раздут,
Все тянется к ручью, хоть путь к нему и крут,—
Подвалы наполнять и ты не перестанешь,

Пока, пустые дни окончив, в Лету канешь.
Когда б то золото могло тебе служить,—
Харона подкупив, земную жизнь продлить,
То стоило б еще его копить, быть может.
Но там уже оно, к несчастью, не поможет.
Корысти чужд Харон, его купить нельзя,
Будь ты король иль жнец,— в Аид ведет стезя.
Вернуться в мир тогда не вырвешь разрешенья,
Останутся тебе лишь слезы, угрызенья,
Что ты без радости всю жизнь свою провел,
Храня сокровища кому-то, как осел.
Используй же добро, что дал Господь, при жизни,
Пока не помянут тебя в посмертной тризне,—
Пусть многоцветием окрасит краткий век,
Который на земле проводит человек.
Приветствую тебя, металл, дающий счастье:
Ты побеждаешь все невзгоды и несчастья.
Кто в честь твою пропеть сумеет звучный гимн,
Достоин стать за то хранителем твоим,
Быть казначеем впредь в совете королевском,—
Не школяром, что век с твоим не знался блеском.

Поэмы

Парадокс

Королю Карлу IX

Я бы хотел воспеть тебя, Паллада,
Но нет во мне таланта, сколько надо
На труд, твоих достойный грозных сил
И мозга, что тебя внутри носил
Пред тем, как ты, подъемля щит с Горгоной,
Вселила страх в небесный свод бездонный.
Сомненья нет, душе бессмертной дан
Дар творчества, что свыше осиян,
И дух небес достигнет, воспаряя.
Но нам к лицу ль заносчивость такая,
Коль ходят львы, чью мощь не обороть,
По пажитям, чтоб красть людскую плоть,
И всюду вред проносят нам немалый
И когти и клыки, от крови алы,—
Но человек себя владыкой мнит
Зверей, хоть суть его, и самый вид,
И немощность являют безусловно,
Что человеком быть почти греховно.
Что пользы в том, что мудрый Прометей
Из древней глины сотворил людей?
Ничто — огонь, титаново хищенье,
Противу льва, в ком нету разуменья;
Лишь Рук чета с перстами десятью,

Что, как хотим, меняют стать свою,
Царем зверей нас делает, нисколько
Не разум, в коем спесь одна, и только,
Хоть он горазд вести, пустой позер,
Бессмысленнейший философский спор,
Вотще веля взлететь к звездам лучистым,
Не мóгушим летать телам нечистым.
Не видите ль: кому с рожденья ум
Не дан, в ком пуст сосуд надежд и дум,
Глупцы, тупицы, рода срам людского,
Лишь парой рук орудуя толково,
И в льва и в тигра вмиг вселяют страх.
Вот что за сила дивная в руках!
Когда бы род тигриный иль кабаний
Имел, подобно нам, персты и длани,
То в тех краях, где ныне мы живем,
Мы были б управляемы зверьем;
Ведь дух высокий сдаться не прикажет
Врагу, когда рука бойцу откажет.
Вся мощь — в Руке. Могуча толщъ стены
Работой Рук, и копия прочны,
И плугом стал, в трудах рыхлящим пашни,
Нагретый докрасна чугу́н вчерашний.
Рука плетет веревку, холст и сеть,
Долбит челны, на мачте вверх взлететь
Торопит паруса на тросах звонких.
Рука, срастясь с пятеркой прутьев тонких,
Все, все до совершенства довела,
Монархиня любого ремесла,
Ума владычица, искусств царица,
Ее трудами сонм светил затмится.
Нас сделала владыкой естества
Рука — не ноги и не голова.
Твоей рукой посажена маслина
И масло в жоме выжато, Афина,
Шерсть прядена и крашена была,

Красот немало вышила игла,
Арахну златошелковым узором
Затмив, ты в паука ее с позором
Преобразила и, свершая месть,
В узор ковровый приказала вплесть.
У доблестей пять пальцев в услуженье.
Судите сами — выиграть сраженья
Под Прэ и Сен-Дени рука смогла.
Когда б уму она не помогла,
Все б сгнуло; ведя игру пустую,
Он строил бы все планы вхолостую.
Великий принц, в сих памятных строках
Сложил я гимн хвалебный о Руках.
Что проку, если бы не Рук подмога,
В уме людском и в провиденье Бога?
Вдруг оживив фантазию свою,
Я странную картину создаю:
Узрев, что лютый волк быка терзает
И в пастушка клыки свои вонзает,
Пастух задел, от ужаса дрожа,
К ремню притороченных два ножа,
И лязг ножей лишает волка силы,
И, видя, что злодея посрамила
Рука находчивая без труда,
Я просто весь сгораю со стыда:
Стыжусь, что не пропели мы доселе
Хвалы Рукам, что всюду преуспели.

Речь против Фортуны

*Одэ Колиньи,
кардиналу Шатильонскому*

Вам, дорогой Одэ, пожалуюсь я ныне,
Своей Фортуны лик явив, как на картине;
Вам, бывшему ко мне заботливей отца
В благодеяниях, которым нет конца.
Столь мудрой доброте горячность не пристала,
Не станет отличать она кого попало,
А если отличит, едва ли оттолкнет
На следующий день! — чужд ветренности тот,
В ком сочетаются по склонности природной
Ум попечительный с душою благородной.

Вам, вам я жалуюсь, любезный Меценат,
Как много прихоти Фортуны мне вредят, —
Фортуны лживой, злой, враждебно исступленной,
Тупой, бессовестной, безбожной, беззаконной,
Что бродит по Земле, прельщая и маня,
Но от достойных душ бежит, как от огня,
Дабы, найдя Порок, упасть ему в объятья, —
Недаром в женское она одета платье.

Случится ли кому под власть ее попасть,
Слепая bestия натешится им всласть:
Раздразнит выгодой, разгорячит успехом —
А за спиной предаст его с глумливым смехом,
Возвысить посулит и вознести до звезд,
И точно, вознесет — на площадной помост!

Не столько даже тем Фортуна докучает,
Кто в хрупком корабле удары бурь встречает
И, жаждой золота заморского объят,
Рискует в поисках заветных Эльдорад;
Ни тем, бесчисленным, кто обречен нуждою
Влачиться целый век унылой бороздою
И, не жалея сил для черствого куска,
Стрекалом погонять ленивого быка;
Нет, ополчается она на сильных мира,
Злодейку не смутят ни скипетр, ни порфира,
Она свергает в прах монархов и владык,
Ей любо унижать того, кто был велик,
Прав, почестей, богатств лишать в мгновенье ока.
Как эта фурия коварна и жестока,
Изведал до конца ваш благородный дом,
Лишь добродетели и стойкости щитом
Оборонявшийся от всех ударов лютых,
Но духом не склонясь в гонениях и смутах.

А мне, несчастному, с ней справиться невмочь,
Фортуна злобная не только день и ночь
Глумится надо мной, но как бретонец дюжий,
Тяжелой лапою, большой и неуклюжей
Подмявший карлика,— меня свалила с ног,
Притиснула к земле и гнет в бараний рог.
Как в дымной кузнице, у раскаленной печи,
Вулкана-кузнеца чудовищные клещи
Хватаются за край гвоздя или скобы,
Так горло сжала мне тупая длань Судьбы.
Не в силах вырваться, я в муках изнываю
И к вам, бесценный друг, о помощи взываю.

С тех пор как жребий мой, к несчастью иль
к добру
(По совести сказать, и сам не разберу)
Меня представил вам,— в раздумье
беспристрастном
Я жребий свой зову счастливым и несчастным.

Счастливым, ибо мне он друга подарил,
Который на меня поток щедрот пролил,
Являя тысячи мне знаков доброхотства,
Расположения, любви и благородства,
Наставника, чей ум и утонченный вкус
Влекут к нему толпой жрецов наук и муз,—
Несчастливым, ибо сей поток благоденний
Разбередил во мне тьму суетных желаний.

Дотоле, чужд пустым волнениям и страстям,
Питодец аонид, я мог по целым дням
Гулять в лесах, в полях иль у речной излуки
Бродить, не ведая ни устали, ни скуки.
Замечу ли родник — из пригоршни напьюсь,
Увижу ли утес — на самый верх взберусь,
Пещеру ли найду — облазить не премину,
Соскучусь по цветам — спущусь на луговину.
Золотокудрый Феб мне лиру передал,
Пан, козлоногий бог, под мой напев скакал,
И вслед за ним плясать сбегались на поляны
Насельники лесов — дриады и сильваны.
В те дни мои стихи твердил любой француз;
Ведь те, кого мы чтим за просвещенный вкус —
Парнасские жрецы — должны признать без спора
(Понеже ревность им не застилает взора),
Что никому, как мне, досталась эта честь —
Муз греческой земли во Францию привезть,
Чтоб по-французски петь они учились ныне
Взамен эллинского наречья и латыни.
Скажу без скромности, что я впервые смог
Придать своим стихам античный строй и слог.
Тропой нехоженой, не убоявшись терний,
Под вопли ярые невежественной черни
Я шел; и чем сильнее был шум ее и глум,
Тем мужественней мой воспламенялся ум
Желанием скорей проникнуть к тайным грудам
Сокровищ древних книг, скрывавшимся под спудом.

Я верил истине, я знал свои права:
Искал, изобретал и обновлял слова —
Назло завистникам с их непременной данью:
Злоречьем, тупостью, насмешками и бранью.
Так, дорогой Одэ, и жил я без тревог,
Не чая лучшего, вдали придворных склок
И честолюбия, что мучит мукой вечной,—
В покое, в здравии — веселый и беспечный.

Но с той поры, как вам случилось, монсеньор,
На мне остановить свой благосклонный взор,
И ваша доброта (которой равных нету)
Уверенность питать позволила поэту,
С тех пор я возмечтал о высших степенях,
Уж мне мерещились в честолюбивых снах
Чины, епархии, аббатства и приорства.
Я изумлял Камен, смотревших на проворство,
С каким из честного поэта-школяра
Я превратился вдруг в просителя Двора,
В прониру нового. Вот честолюбья плата!
Уже я при Дворе привычный стал ходатай.
И вскоре выучил, насилуя свой нрав,
Заядлого льстеца обычай и устав.
Встает ли мой патрон или ко сну отходит,
Я возле — тут как тут; из дома он выходит,
Я по пятам за ним. Короче говоря,
Преобразился я, как Главк из рыбака —
В морское чудище, или Астольф былинный —
В дуб, заколдованный волшебницей Альсиной.
Угромо на меня косился Аполлон;
Мой ум, интригами всечасно развлечен,
К занятиям не лежал — и, брошено без дела,
Досужее перо тихонько плесневело.
Я, прежде жаждавший творить и познавать,
Отныне лишь мечтал копить и обладать;
Я навык приобрел ловчить и притворяться,
Шнырять, следить, внимать, вакансий дожидаться

По смерти чьей-нибудь... Великий срам и грех
На смерти ближнего свой возводить успех!

И вот, уязвлены моим пренебреженьем
И праведным в душе пылая возмущеньем,
Явились девять Муз к Фортуне и рекли:
«О ты, владычица и моря, и земли!
Ты возжигаешь свет созвездий путеводных,
Ты правишь судьбами созданий земнородных,
Богиня мощная! под этою Луной
Все сущее тебе покорствует одной;
Велишь ты — и цари сражаются с царями,
И корабли плывут, одевшись парусами,
И пахарь дотемна на пашне спину гнет,
Купец торгуется, солдат на смерть идет;
По прихоти твоей ведутся в мире войны,
Мягутся и кипят народы беспокойны;
О ты, во всех краях у всех земных племен
Издrevле чтимая под тысячью имен
То щедрой, то скупой, то праведной богини,—
Внемли, заступница, и помоги нам ныне.

Когда-то нами был на воспитанье взят,
Взлелеян меж сестер, возвращен, как младший брат,
Безвестный юноша Ронсар, вандомец родом;
Он доступ получил к священным нашим водам,
Он упражняться мог на арфе золотой;
Счастливец! он не раз уверенной стопой
Взбирался на Парнас. Веселий наших зритель,
Он лавровый венок носил, как победитель,
И влагой чистых струй кастальских упоен,
На травах при луне пускался в пляску он.
И этот наш Ронсар, певец неблагодарный,
Наивно соблазнясь приманкою коварной
Придворных милостей (несчастный дуралей!),
Стал домогаться вдруг чинов и должностей.
А наших ласк бежит, пренебрегает нами,
Ничуть не дорожит парнасскими дарами,

Отрекся от Камен, страшится, как чумы,
Священных тех высот, где обитаем мы.
Кастальского ключа забыл он вкус блаженный
И арфу разломал рукою дерзновенной.
Внемли, Богиня, нам, и пусть твой грозный бич
Сумеет дерзкого отступника настичь;
Иль безнаказанной останется обида,
Что смертный учинил нам, дочерям Кронида,
Богиням девственным, кому со всех концов
Возносятся хвалы бесчисленных жрецов?!
Припомни, что и ты своею славой громкой
Обязана лишь нам,— иначе для потомка
Не сохранился бы, запечатленный в стих,
Правдивый перечень превратностей твоих;
Никто не верил бы в самодержавный Случай,
Не почитал тебя богинею могучей.
Пообещай же нам, что все его мечты,
Как дым, развеются, бесплодны и пусты,
Что жизнь его пройдет в одних надеждах тщетных,
В тенетах неудач, в заботах беспросветных,
Что просьбами его наскучит Меценат
И в гневе от него отворотит свой взгляд.
Богиня, сделай так; в твоей же это власти —
На грешника навлечь все беды и напасти».

Умолкнул Музы глас; Фортуна внемлет ей
И к просьбе снизойти стремится поскорей.
Уже вокруг нее разнузданно и дико
Теснится и шумит чудовищная клика
Лихих приспешников, готовых — лишь скажи!—
Сорваться и лететь по знаку Госпожи
Без колебания, куда б ни повелела,
На дело доброе иль на худое дело.
Меж ними — страсть, дуэль и ненадежный друг,
И немощ бледная, и гложащий недуг,
И буря грозная, и кораблекрушение,
И беспощадный бой, сулящий поражение,

Досада жгучая, что не дает уснуть,
Отчаянье, клинок направившее в грудь,
Измена суженой, имения утрата,
Проклятие отца, потеря друга, брата,
Обида лютая, опала без причин —
И тысячи других напастей и кручин.
Короче говоря, все лихо и все горе,
Что стережет людей на суше и на море,
Толпою окружив своей царицы трон,
Как стража грозная, стоит со всех сторон.
А между этих зол — утечи и забавы,
Приманки роскоши, богатства, власти, славы —
Тех выгод, что всегда на ниточках висят
Под сводом царственных сверкающих палат,
На ниточках простых, двойных или крученых,
Порою шелковых, порою золоченых,
Которые Судьба, слепая госпожа,
Срезает наугад в единый взмах ножа,
И вот, кто был в парче, бредет в лохмотьях
грязных...

Так много жребиев вокруг разнообразных
Стопилось, как весной былинки на лугу,
Как желтого песка на Нильском берегу.

И вот, из всей своей неисчислимой дворни
Фортуна выбрала того, что попроворней,
Лакея верного, что промаха не даст
И службу сослужить для Госпожи горазд.
Призвав его, велит: «Злосчастье, собирайся;
Незримо обернись и мигом отправляйся
В Париж; там силою своих коварных чар
Проникни в малого по имени Ронсар.
Явись к нему с утра, когда он спит в постели,
И поселись тайком в его душе и теле,
В глазах, в ушах, в устах, чтоб он нигде не знал
Удачи, чтоб, о чем бедняга не мечтал,
Чего б не затевал, все было зря. Лети же

С попутным облаком, чтоб завтра быть в Париже!»
Так молвила Судьба, давая свой наказ
Злосчастью ловкому, пролазе из пролаз.

В тот ранний час, когда встает заря младая,
Пифона старого на ложе покидая,
И утренний певец, под небосвод взлетев,
Над крышею Дора заводит свой напев,
Злосчастье гнусное ко мне в окно влетело,
Легло со мной в постель, в мое проникло тело,
Быстрее молнии пронзив меня насквозь,—
И, словно черный яд, по жилам растеклось.

Я пробудился вдруг, неясную истому
На сердце чувствуя, и, выходя из дому,
Споткнулся о порог — первейший знак, что зло
В то утро по пятам уже за мною шло.
Вдруг, невесть отчего, мороз прошел по коже,
Я книгу выронил от зябкой в пальцах дрожи,
На солнце яркое с надеждою взглянул,
Хотел было чихнуть,— но так и не чихнул.

С того дурного дня я весь погряз в заботах,
В корыстных хлопотах, в завистливых расчетах;
Злосчастье, что ни день, мытарило меня,
Кормя посулами, надеждами дразня.
Вас, дорогой Одэ, я утомил собою,
Наскучил королю вседневною мольбою —
И милостью его давно бы стал богат,
Когда б не спутник мой, незримый супостат.
Но на мою беду, Злосчастье не дремало
И случай ухватить никак мне не давало.
Возникни при Дворе какой-то ложный слух —
Я первый узнаю, чтоб мчаться во весь дух
За мнимой выгодой; а верное известье
Меня, конечно же, не застает на месте.
Иль участи иной мне сроду не дано;
Иль небесами так, должно быть, суждено,
Чтоб выгода всегда Поэзии бежала,

Чтоб лира, в роскоши дряхлея, не лежала,
Но, бросив шумный Двор, звенела средь полей,
Вдали от почестей, вдали от королей.

Но не одно меня Злосчастье притесняет —
Надежда ложная мне муки причиняет —
Злодейка, что всегда морочит род людской
И за нос водит нас предательской рукой.
Кто произвел на свет обманщицу надежду,
Посеял семя зла, ужаснейшего между
Неисчислимых зол, напастей, мук и бед,
От коих нам, увы, нигде спасенья нет.
Пандора, для чего с запретного сосуда
Ты крышку не сняла подальше отсюда,
Надежду лживую оставя про запас
На небе, в Тартаре — но только не у нас?
Под вечер, перед сном она ко мне заходит,
Лукавая лиса, и разговор заводит;
Опять меня влечет приманкою пустой,
Воспламеняет ум несбыточной мечтой,
Ревнует за меня, жалеет, как о друге,
Толкует про мои достоинства, заслуги
И шепчет вкрадчиво, смущая мой покой:
«Неужто ты забыл, Ронсар, кто ты такой?»
И отвечаю я назойливой Надежде:
«При славном короле, что нами правил прежде,
Надеяться я мог: французский государь
Был милостив и щедр, и Музе на алтарь
Он приносил дары с великою охотой,
И тех, кто ей служил, не оставлял заботой.
А ныне — самому выпрашивать даров?
Но я ж не стремленной, ни псарь, в конце концов,
Не прыткий каменщик, стяжавший три
аббатства,—
Столь низким способом искать себе богатства!
Ступай же от меня и зря не обольщай:
Ты надоела мне, пришелица. Прощай!»

Порою, монсеньор, мне хочется подальше
Сбежать от злой судьбы, ее вражды и фальши —
В Тоскану или в Рим, за грань альпийских скал,
Где гнусный взор ее меня б не отыскал.
Глупец, что вздумал я? Злосчастье сбить со следу!
Оно всегда со мной. Границу перееду,
Помчусь во весь опор... Глядь, позади меня
Оно пристроилось на крупе у коня.
Порою тянет вдаль, по океанским водам
Уплыть в Антарктику, к далеким антиподам —
Туда, где замышлял Виллеганьон свой рай
(И вашим именем почтил безвестный край).
Но если бы достать и сил, и прыти юной,
Чтоб бороздить моря,— с моею злой фортуной
И там не разойтись; она помчит за мной,
Волной гремящею вскипая за кормой.

Ты заблуждаешься, Виллеганьон ученый,
Мечтая изменить и сделать просвещенной
Жизнь простодушную бразильских дикарей,
Что бродят по лесам Америки своей
Нагие, дикие, не зная, есть на свете ль
Подобные слова: «порок и добродетель»,
Сенат и государь, налоги и закон»,
Лишь воле собственной покорны испокон,
Лишь гласу естества послушные душою;
Не отягченные ни страхом, ни виною,
Как мы, живущие под гнетом чуждых воль;
Там каждый сам себе — сенатор и король.
Они из-за земли не ссорятся друг с другом,
Не докучают ей остролемешным плугом,
Мир на «мое-твое» не делят никогда,
Все общее у них, как воздух и вода.
Так предоставь же их той первобытной жизни,
Которую они ведут в своей отчизне;
Молю, не искушай счастливых простаков,
Не нарушай покой их мирных берегов.

Чему научишь ты, каких подаришь истин?
Дикарь усвоит счет — и станет он корыстен,
Обучится письму — и станет он хитер;
Начнутся тяжбы, ложь, недружество, раздор,
И войн безумие, и власти притязанья —
Все беды, что идут от приизбытка знания.

Оставь же их, прошу, в их веке золотом;
Иначе, изощрясь податливым умом
И злобе выучась,— оравую мятежной
Они придут с огнем и лагерь твой прибрежный
Разрушат и спалят, не пощадив людей,
И проклянут тебя с наукою твоей
И самый день, когда негаданно-нежданно
Узрели парус твой в лазури океана.
Страшишь же невзначай содеять это зло,—
Чтоб рабское ярмо их шею облегло,
Чтоб их сдавил уздой бессмысленно суровой
Закон неслыханный или властитель новый.

Живи, счастливый род, без горя и тревог,
Живи и радуйся! О, если б я так мог!..
О, если б я так мог, я позабыл бы вскоре
Все происки судьбы, все Илиады горя,
Я бы очистил ум от шелухи пустой
И наслаждался бы свободой золотой!

Увы, меня гнетет и мучит неотвязно
Сознание, монсеньор, того, как безобразно
Я докучаю вам. Но, благородный муж,
Вам ведом этот зуд незаурядных душ
Признание обрести, снискать успех и славу
И над тупой толпой возвыситься по праву;
Да, над толпой невежд, в которых чувство спит,
Толпой бессмысленной и хладной, как гранит,
Чья мысль убогая лишь по земле влачится,
Не смея никогда дерзнуть и отличиться,
Толпою, низменной по духу своему,
Враждебной искони отважному уму.

Но чтобы обрести признание в наше время,
Потребно честь и стыд отбросить, словно бремя.
Бесстыдство — вот кумир, кому подчинены
Все, сверху донизу, сословья и чины.
Бесстыдство — вот талант, питающий придворных,
Вояк заносчивых, горластых судей вздорных;
Бесстыдство — вот таран, без коего никак
Нельзя продвинуться нам в свете ни на шаг;
И от прямых заслуг — ни прока, ни почета,
Пока бесстыдство им не распахнет ворота.

Но всех бесстыднее, наверняка, поэт:
Нет жалче существа и неотвязней нет;
Как мушка к меду льнет, внезапно ставши смелой,—
И как ей ни грози, и что ты с ней ни делай,
Кружит над мискою, пытаясь каждый раз
Отведать хоть чуток, юлит у самых глаз
И лезет под руку, жужжа бесцеремонно,
Покуда не набьет брюшко свое, сластена!—
Так в точности поэт, когда его влечет
Такое лакомство, как слава и почет,
Упорно, страстно льнет к приманке аппетитной,
Присасываясь к ней пиявкой ненасытной.

И вашей добротой вот так же до сих пор
Я злоупотреблял. Простите, монсеньор;
Сейчас я вам пишу в сердцах — как бы в припадке
Безумья иль в бреду палящей лихорадки:
Порою человек, несчастьем сокрушен,
Не сознает речей, что изрыгает он.
Гнев, честолюбье, стыд и горькие пилюли
Раскаянья — во мне все так перевернули,
Такой сумятицей отозвались в письме,
Что не могу постичь, в своем ли я уме.
Однако, монсеньор, мне кажется, отчасти
Досаду я избыл, кляня свое несчастье.
И оттого, что смог печаль в стихи облечь,
Немного горести свалил с усталых плеч.

*Кристофлю де Шуазелю,
моему старинному другу*

Не жаль мне, Шуазель, что пишущая братья
У нас кишмя-кишит, но жаль, что без понятия
Бумаги и чернил изводят люди тьму,
Их в жертву принося тщеславию своему.
Толкает перья пыл у алчущих успеха,
Но кто не просвещен — воюет без доспеха.
При Генрихе Втором поэта два иль три
Бывали на виду и, что ни говори,
Отчетливо звучал в ту пору голос тихий
Избранника богов среди показной шумихи.
То лютня слышалась, то лиры гордый звон.
Торжественная медь им задавала тон.
Они брались играть и на трубе Палланта, —
Так много дерзости в них было и таланта!
А вслед за ними шли кощунственной толпой
Поэты новые и, в ярости слепой,
Все то, что первые столь превосходно пели,
Вторые портили — и в этом преуспели.
Безмозглые! Для них поэзия — товар,
Что в лавках продают, а не господний дар!
Слетит она с высот, как легкокрылый гений,
Но выпросить нельзя у бога вдохновений!
Посланицу небес купить, отнять, украсть

Не пробуйте: над ней бессильна ваша власть.
Земля родит нам хлеб, но целый год недаром
Крестьянин отдыхать позволит ей под паром:
Она истощена. С нее худая дань.
Колочки да былье торчат, куда ни глянь.
Французская земля, готовая к зачатыю,
Была осенена Цереры благодатью.
Как почва щедрая, Мать Франция тогда
Нам родила детей, не пожалев труда.
Всем взяли сыновья: умом, происхождением,
Ученостью, красой, но милых чад рождением
Измученная мать, дабы не стать скупей
И не плодить кругом терновник и репей,
Решила отдохнуть. А доброго посева
Дождавшись, у нее опять набухло чрево.
К тому же видеть ей казалось невтерпеж,
Что поле праздное встопорщилось, как еж.
Нельзя не испустить нам горестного вздоха,
Когда кругом торчат кусты чертополоха!
Поплакала она — и зачала Белло.
И тут, могу сказать, нам сильно повезло.
Собрата своего мы приняли в Бригаду,
И, став седьмой звездой, дополнил он Плеяду.
Собранию Муз, Белло, твой простодушный пыл
Пришелся по нутру, и ты похищен был.
Наивные,— они тебя забрали в руки,
Когда ты изучал их дивные науки.
Твердили девять Муз тебе наперебой:
— Имей свой путь и вкус, и будь самим собой!
Чужому подражать не торопись открытию,
Будь верен своему высокому наитью,
Что постиженья страсть в уме твоём разжечь
Сумело и твою свободной сделать речь.
Кто по чужим следам взойдет, лишен отваги,
На Геликон, стремясь испить священной влаги,
Таким не дорожи! Свою тропу ищи

Туда, где пенятся поэзии ключи!
Но прежде, чем пришлось тебе открыться миру,
Для греков ты сумел настроить нашу лиру.
По милости твоей узнал и твой патрон,
Каким смычком играл старик Анакреон.
Какие находил, в искусстве наторелый,
Слова, чтоб описать нам Афродиты стрелы.
Как мы должны, свою оплакивая страсть,
Надеяться, вздыхать, отчаиваться, клясть.
Как звонкий тетрахорд настроить в одночасье,
И Вакха привести с Кипридою в согласие.
И как любви часы нам надобно ценить,
Покуда Атропа не перережет нить.
Да только не пиши стихом надутым, чванным.
Читателю такой покажется туманным
И отпугнет его обильем небылиц,
Невнятных вымыслов и действующих лиц.
Нет! Восхитительный, ласкающий, певучий
Потребуется слог тебе на этот случай.
Запутанный сюжет не для таких натур,
Как Афродита-мать и сын ее, Амур.
Хоть он и божество, а норовит украдкой
В тебя всадить стрелу, дружа с дурной повадкой.
Хвалу воздай тому, кто прояснить бы мог
Нам Пиндара хаос, брюзгливый, жесткий слог,
Докучный стиль письма, густой поток словесный,
Назойливую суть и смысл тяжеловесный.
Народ их не поймет. Мне мил Анакреон!
А дивная Сафо? Лесбосской лиры звон
Хочу я, чтоб у нас слышали французы,
И разом с ним — живой напев Теосской Музы.
Чем полубогом стать и музыкою сфер
Мне наслаждаться, я готов на свой манер
Счастливым быть: один, в сквозной тени древесной,
Упитья жажду я поэзией чудесной,
Что, грации полна, вздохнуть спешит, как мы,

Из-за интриг и бед любовной кутерьмы,
И горести свои с наигранною грустью
Уносит, как река, стремящаяся к устью.
Живи, античный стих, прекрасною тоской,
Что в сердце мне вложил Амур своей рукой.
Еще бы воскресить Алкмана, Вакхилида,
И к ним Кеосского добавить Симонида,
Дабы не плакал он, а несравненный хор
Дополнили б Алкей и славный Стесихор.
Белло! Читая стих божественный и чудный,
Оставь учителям — торжественный и нудный.
Да гроыхает он, воинственно суров,
Затем, чтоб устрашать наивных школяров.
По воле божества, песков сыпучих бремя
На уходящий род обрушивает Время.
Забыты славные деянья, а герой,
Как безымянный гость, лежит в земле сырой.
Жестокостью небес науки и таланты
Загублены, гниют в могилах фолианты.
Но древних строк, до нас дошедших, дивный хмель
Тебе поднес Белло, дружище Шуазель!
Он Греции певцов святыя откровенья,
Минувшим вдохновясь, исторг из тьмы забвенья.
Богатство утечет, как полая вода:
Бег времени его уносит навсегда.
А стих переживет и несколько династий.
Над волшебством его у Хроноса нет власти!
Останется в веках, как славы цитадель,
Сей дар, что посвящен тебе, о Шуазель!
Как в памяти людской блистал во время оно,
Так блещет и сейчас в ней стих Анакреона.

Послание

П.-Л. Леско, сеньору де Кланьи

Не сотворил Господь меня для славы бранной,
И мне не суждено с кровоточащей раной
Победно умереть в пороховом дыму:
Геройских прадедов мне лавры ни к чему.
Нет, память о себе оставляю я иную,
Вот что я истинным величьем именую:
Пусть правнуки мои и через сотни лет
Прочтут, как на Парнас поднялся я — поэт!
Как добывал свой хлеб, любимец Аполлона:
Чтоб музы на меня смотрели благосклонно,
В неполных тридцать лет я был совсем седой,
С лицом болезненным, нескладный и худой,
Годами запертый в безрадостной темнице, —
Над книгами корпел — до боли в пояснице,
И, истязая плоть, убив ее почти,
Мечтал познаниями признание обрести.
Отец корил меня за то, что я не в меру
Питаю нежное пристрастие к Гомеру
И к чарам двух его прекрасных дочерей,
К потомкам каждого, кто, становясь мудрей,
Всю душу поверял чернилам и бумаге.
Он говорил: «Глупец, подумал бы о благе
Земном! Что даст тебе бездумный кифаред?

Смычок, струну, напев?— от них один лишь вред.
Как прах развеются прельстительные трели,
Как дым рассеются — мелькнули и сгорели.
Чего ты ждешь, мой сын, от нищих аонид?
Или венок тебя убогий соблазнит
Из мирта и плюща, а, может, лавром пышным
Чело ты обовьешь и шепотом чуть слышным
У тихого ручья, в пещерной полутьме,
Как будто сызмальства ты поврежден в уме,
Начнешь слагать стихи и прослывешь, бесспорно,
Отпетым дураком. Зачем же так упорно
За столь бесславное цепляться ремесло?
Оно к хорошему пока не привело
Из смертных никого: ученость всю растратив,
Не мало ли твоих возвышенных собратьев
Погибло с голоду? Не лучший ли пример
Твой упоительный божественный Гомер,
Которого до дыр ты считаешь скоро,—
Для вашей Музы нет ужаснее укора,
Чем этот немощный старик,— из дома в дом,
Гонимый нищетой, отчаянем, стыдом,
Бродил он со своей троянской дребезжалкой.
Зачем искать судьбы погибельной и жалкой?—
Бартолла возлюби, законников толпу
Пополни, призови к ответу гольтепу,
Витийствуй, защищай и честного, и вора,
И нужного тебе добейся приговора.
Поклоны принимай, не думай ни о чем:
И года не пройдет, как станешь богачом.
Или врачом пойдешь — достойней нет занятия,
В нем древний Гиппократ (его могу понять я)
Немало преуспел на острове своем,—
Как верная сестра с Поэзией вдвоем
Жила премудрая Наука Врачеванья,
Все дал ей Аполлон, и почести, и званья,
А что другой сестре оставил скопидом?—

Кифару ржавую!— усердьем и трудом
Постигнуть должен ты причину всякой хвори,
Узнать доподлинно, что нам приносит горе,
А что живительно,— так, пользуя других,
Со временем даров добьешься дорогих.
По зову первому явись к одру больного —
Не дай тебе господь уйти без отступного.
Или, быть может, кровь геройскую твою
Желанье горячит прославиться в бою?
Тогда к оружию! На стены крепостные
Ты двинешься, презрев опасности земные,
Тебе в живот ядром чугунным попадут,
В дыму и пламени ты обагришь редут.
Легко разбогатеть, шагая через трупы:
К наемникам своим владыки редко скупы.
Так укорял меня отец, а над рекой
Державный Гелиос могучею рукой
С востока выводил коней своих горячих
Или на западной гряде спешил распрячь их,
И то ущербная, то полная луна
Всплывала в сумраке с полуночного дна,—
Блажен, кто выбрал цель, Природе не переча:
С незримым демоном негаданная встреча
Или всевластных звезд мучительный укор
Нам не дадут пойти Судьбе наперекор.
Какие мне отец ни предлагал науки,
С Поэзией не мог я вынести разлуки.
Чем более он ей приписывал грехов,
Тем более я был охотник до стихов.
Двенадцать было мне, когда в полях привольных,
Дубравах дремлющих и рощах тонкоствольных,
В пещерах, где ручьи о чем-то шепчут мхам,
Младенческий досуг я отдавал стихам.
Мне эхо вторило и вслед за древним Паном,
С венками, бубнами, цевницей и тимпаном,
Сильваны шумные, у края мирных вод,

С нагими нимфами водили хоровод,
Обвив игривый плющ вокруг рогов козлиных,
И отзвук празднества не умолкал в долинах.
Вначале звучная влекла меня латынь,
Но слишком далеко от вековых святынь
Родился я на свет, и я поклялся Музам,
Что и в Поэзии останусь я французом,
Что третьим, и вторым, и первым наконец
Я стану,— певческий манил меня венец,
Я в языке родном мечтал прославить имя,
Хотел быть первым здесь, а не последним в Риме.
С тех пор, как перестал перечить я Судьбе,
Я славу Франции умножил, а себе
Оставил только честь служения отчизне.
Леско, одним путем мы шли по этой жизни!
Еще учеником за партой ты сидел,
Никто не волен был твой изменить удел.
К художничеству страсть одна тебя манила,
И дерзко ты перо обмакивал в чернила
И чудеса творил,— совсем еще дитя,
Ты геометром был, уверенно чертя
Фигуры, и углы, и линии на плане,
А в двадцать ты уже не знал иных желаний,
Чем строить и ваять,— громаден гений твой:
Он зодчество связал с наукой цифровой.
Искусства древнего легко затмил ты славу
И лавры первенства завоевал по праву.
Я знаю, ты богат, Леско, и родовит,
И пышный блеск дворцов тебя не удивит,
Но в этой роскоши, знакомой с колыбели,
Влеченья творческой души не ослабели.
Бесплоден был слепых наставников упрек:
Ты дарованием своим не пренебрег.
Что пользы подпирать шестью ветви клена?—
Все ниже тяжкая клониться будет крона.
Природа не простит насилья над собой,

Напрасно спорим мы с владычицей Судьбой.
Еще король Франциск, словесности ревнитель
И тонкой красоты возвышенный ценитель,
Благоволил к тебе, а в наш надменный век
Большая честь, когда подобный человек,
Провидящий добро и зло в любом обличье,
К нам милосерд в своем монаршеском величье.
И Генрих царственный, что вслед за ним владел
Французским скипетром, немало важных дел
Успешно разрешил по твоему совету:
Беседы мудрые предпочитая свету,
Он не скрывал к тебе любви и доброты,
И в благодарность Лувр ему отстроил ты,
«Дворец,— ты говорил,— потомкам мы подарим
Во славу наших встреч с блестящим государем».
Я помню, как монарх однажды за столом
Поведал нам, что столь достойным ремеслом
«Наш друг (так он сказал), художник, скульптор,
зодчий,

Не в школе овладел и не по воле отчей
И в этом близок он Ронсару моему,
Что стихотворцем стал наперекор всему».
И потому велел ты высечь на фронтоне
Богиню юную в пурпуровом хитоне,
Золотокрылую, с победною трубой,
И молвил королю: «Смотри, перед тобой
Поэзия сама — Ронсара стих нетленный
Так славу Франции разносит по вселенной!»
Нет больше Генриха и времена не те,
Но в память о его державной доброте
Прими послание мое — оно свидетель,
Что нас высокая роднила Добродетель.

Кот

Реми Белло, поэту

Бог вездесущ, и все в руках Творца:
Любая жизнь с начала до конца.
А дух Его — ограда и опора
Всему, что есть, что требует призора.
Он душу влил в скудели наших тел,
Чей каждый член давно бы омертвел,
Когда б сия божественная сила
Недвижный механизм не оживила,
В движение его не привела.
Она — всему начало; все тела —
Из элементов, сущих во вселенной;
Дырявят стрелы дней покров наш бранный,
Душе не страшен времени закон,
Она — от Бога, вечная, как Он,
Бессмертна так же, так же совершенна,
Часть существа, не знающего тлена,
Не может ни возникнуть, ни пропасть,
Поскольку вечны целое и часть.
А дух преблагий, растворенный бездной,
Вращает звезды, движет свод небесный
И волны моря, а земле дает
Листву, плоды и злаки в свой черед;
Я — о земле, счастливой в звездном храме,

О матери с набухшими сосцами,
С широким лоном, породившим встарь
Зверей, пернатых, водяную тварь,
Все, друг Белло, зачаты в этом чреве,
И те, кто на скале или на древе
Свивает гнезда: даже груды руд,
Алмаз, индийский яхонт, изумруд,
Сапфир и жемчуг — все они оттуда,
А дух им дарит мощь, являя чудо,
Тем дарит малость, этим — в самый раз.
А сколько, люди, этой силы в нас?
Ты помнишь, как святую Иудею
Господь возвысил пред землю всею,
И боговдохновенная страна
Явила нам пророков имена?
Здесь местность, воздух, климат преуспели,
И дух здоровый жил в здоровом теле,
Здоровье плоти выше прочих благ,
А сила духа озаряет мрак.
Так среди тысяч смертных единицы
Рождаются — авгуры и провидцы —,
Являя поколениям иным
Свою причастность к сферам неземным,
Так среди нас рождаются Сивиллы
От жалких жен, чей ум ничтожной силы,
Так от скотов рождаются на свет
Предвестники грядущих наших бед,
Кто, прозревая знаменье Господне,
Желает смертных просветить сегодня.
Так наш Отец Небесный захотел,
Бессонный попечитель наших дел.
Он окружил заботой благотворной
Животных разных на земле просторной,
Чтоб мог прозреть и не блуждать во мгле
Тот, кто толкует о добре и зле.
Отсюда и авгуры, взор которых

За птичьей стаей следовал в просторах,
Им знаки тайные чертил полет
По воле божьей, а ведь Бог не лжет.
Дома людей он одарил сторицей
Гусями, петухами, всякой птицей,
В чьем пенье и повадках много раз
Нам Провиденье свой являло глас.
Цветы в садах, кусты, деревья, травы
В пророчествах своих нередко правы,
Пример подобный был в моей судьбе,
Послушай, что поведаю тебе.
В моем саду произрастало древо,
Дочь фессалийских рощ, младая дева,
Которая, чтоб избежать любви,
Преобразила волосы свои
В листву, шумящую порой весенней,
И я ее сильнее других растений
Любил, лелеял, поливал с утра
И вечером, все ждал: придет пора,
И юный лавр раскинется широко.
Мы вправе полагать, а воля Рока
Располагает. Скоро грозный Рок,
Свалив мой лавр, мне преподал урок.
Я на рассвете видел: древо было,
А часом позже дьявольская сила
Его повергла. Смертный человек
Столь быстро не свалил бы ствол вовек.
Я видел: чахло древо, так похоже
На хворого, простертого на ложе,
Вот так и я потом страдал больной.
Оно мне говорило: «Демон мой
Меня сразил, и скоро лихорадкой
Тебе болеть». Пролив слезу украдкой,
Бежал я прочь. Какой-то срок прошел,
Я вышел в сад, но где сраженный ствол?
Исчез, как на заре туман летучий,

Как под лучами исчезают тучи.
С тех пор прошло два месяца, и вдруг
Убила лошадь одного из слуг,
Так сильно голова была пробита,
Что брызнул липкий мозг из-под копыта,
В агонии ко мне воззвал бедняк.
О, этот взгляд! Какой недобрый знак!
Я сразу понял, что придется вскоре
Каких-то неприятных ждать историй,
И вот прошел уже почти что год,
Как я в жару, и лихорадка бьет.
Но к ворожке способней твари прочей
Печальный кот с его душой пророчьей,
Не зря Египет почитал котов
В ряду псоглавых лающих богов,
К своим святыням причислял их смело.
Душа святая, движущая тело,
Дает нам зреньё, чтобы не упасть
И прозревать грозящую напасть.
Я кошек не терплю. Кому на свете
Вот так же ненавистны твари эти?
Когда я вижу этот лоб и взгляд,
То поскорее прочь убраться рад.
Я содрогаюсь весь, узрев такое,
И до сих пор коты в мои покои
Нос не совали, чуя наперед,
Что здесь не терпят даже слово к о т.
Один из этого отродья все же,
Облюбовав себе помягче ложе,
Лег на подушку, где я спал без ног,
Привычно завалясь на левый бок,
Как сплю я всякий раз, покуда в уши
На зорьке не ударит крик петуший.
Но гость незванный замяукал вдруг,
Я вне себя вскочил и кликнул слуг;
Один зажег огонь, другой при этом

Сказал, что добрый знак по всем приметам —
Приход и ласка белого кота,
А третий мне сказал, что нищета
Придет к концу и прочие напасти,
Что одинокий кот приносит счастье.
Насупив брови, я ответил так:
Мяукающий кот — недобрый знак,
Ведь это значит, что придется вскоре
Принять мне муки от жестокой хвори,
Безвылазно сидеть в своем скиту,
Подобно домовитому коту,
Поскольку тот не покидает стены
Ни летом, ни зимой; как страж бессменный,
Блуждает непрестанно день и ночь
В пределах дома и — ни шагу прочь,
Так и несет он свой дозор по дому
Под стать рачительному часовому,
Как пес и гуси, чей скрипучий глас
От галльских полчищ Рим когда-то спас.
Еще есть черепаха и улитка,
Которые ползут не больно прытко
И тащут на спине свой дом родной,
Где отдых обретают и покой
И думают, что кров их невесомый —
Огромные и пышные хоромы.
Тот, кто улиток или черепах
Узрел во сне, пускай отбросит страх;
Но если аист иль журавль приснятся,
Вот верный знак, что предстоит скитаться,
Поскольку путь у этих птиц далек,
Они бегут посредством быстрых ног
И вдаль стремятся на крылах парящих.
А вот, к примеру, волк: он бродит в чашах
Вдали от дома; знайте, будет толк,
Когда болящему приснится волк.
Пророчит сон, что хворый понемногу

Излечится и скоро — в путь-дорогу.
Животных научил всеильный Бог
Вещать нам правду. Тот рассудком плох,
Кто все приметы почитает ложью:
Везде, во всем мы видим руку Божью.
Белло! Я в море воду лью, а в лес
Ташу побегии свежие древес,
Хваля тебя, столь славного собрата,
Переложившего стихи Арата
О тайных знаках всякого живья,
Которые Создатель бытия
Дал смертным людям, темным, неученым,
В небесные дела не посвященным.
Так Он судил, любя своих детей,
Не обошел их милостью своей,
К ногам людей поверг Господь великий
Животный мир огромный, многоликий,
Ведь человек в ряду существ живых —
Творенье совершенней всех других.

*Послание к Одэ де Колиньи,
кардиналу Шатильонскому*

Господний мир — театр. В него бесплатный вход,
И куполом навис сверху небесный свод.
На сцене, как всегда, теснятся персонажи.
Иной переодет, иной — без маски даже!
Костюмы госпожа Фортуна им раздать
Заранее спешит — кому какой под стать.
И Добродетели, чтоб не остаться втуне,
Пытаются помочь навязчивой Фортуне.
Из кожи лезет всяк, свою играя роль.
Судьбу смешит, как фарс, печальная юдоль.
Ты зришь монарха блеск, его великолепье,
Но крючник рядом с ним является в отрепье.
А кто — Эдип, Креонт иль Агамемнон днесь,
Телеф или Аякс — тот завтра станет здесь
Разбойником в лесу прибрежном иль корсаром,
Ограбившим купца заморского с товаром?
Поставил паруса отважный мореход,
Но стряпчим быть ему на суше через год.
В роскошных париках играют лицедеи
Господ, а между тем их не берут в лакеи.
Вступает человек с природой часто в спор,
И может изменить Фортуна приговор.
Пажом во цвете лет, исполненным отвагой,
В Шотландии владеть я научился шпагой
Не зная, что судьба, мою умерив прыть,

Прикажет мне домой с попутным ветром плыть
И, шпагу заменив оружием бескровным,
Не меченосцем стать, но пастырем духовным.
Все это говорил мне Феб, но,— дерзкий паж,—
Я отвечал:— И ты, и твой треножник — блажь!
Я грезил битвами, и Марсу, а не Фебу,
Хотелось мне служить воинственную потребу.
Я вязывался в спор и попадал впросак,
Не склонен к мировой, зато охоч до драк.
Но озорство пришлось не по нутру Фортуне.
Как только я приплыл во Францию на шхуне,
Судьба веселый мой и простодушный нрав
Перекроила вмиг, меня к рукам прибрав.
Я помыслы свои отверг и, твердой воле
Фортуны покорясь, явился в новой роли.
Шальному ремеслу поэзии мой дар
Меня обрек, и я прилежный стал школяр.
Трудиться был готов я и во сне, и въяве,
Дабы мои стихи служили Вашей славе.
Я мыслил, что перо мое не только честь,
Но разом с ней добро сулит Вам приобрести.
Ты без богатства век протопчешься на месте,
Но хуже, если есть оно — и нету чести!
Как всякий пастырь душ, теперь надев скуфью,
С покрытой головой закончу речь свою.
Я Вас прошу явить Ронсару снисхожденье,
Когда услышите завистника сужденье,
Что, дескать, видел он Ронсарову игру.
Тот на подмостках был совсем не ко двору:
Без денег, без еды, отягощен долгами
И нездоров, едва перебирал ногами.
Притом ценитель мой добавит — вот в чем соль!—
Что, Вам служа, Ронсар играл прескверно роль.

На окончание комедии

Вот вам комедия — образчик преотличный
Земного бытия. На наш уклад привычный
С вниманьем пристальным как поглядишь порой:
Весь мир — театр, мы все — актеры поневоле,
Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашею игрой.

На разных языках, в шелках или в обносках,
Выходят представлять на мировых подмостках
Вельможа и пастух, разбойник и король;
Но ни один из всех, какого б ни был роду,
Не властен сам свою переменить природу,
Прожить чужую жизнь, сыграть чужую роль.

Один пасет овец, другой народом правит,
Тот ищет почестей открыто, тот лукавит,
Тот занимается торговлей, тот — войной;
Но вечно точит всех тупой напильник страха,
И дерзких замыслов не уберечь от краха,
И призрачен, как сон, недолгий путь земной.

Дух человеческий не ведает покоя:
То радостью влеком, то одержим тоскою,
Досадой уязвлен, тщеславьем подогрет,
Он понукает жизнь, как пожилую клячу,
А коли молод он, да влюбится впридачу —
Так прочь и здравый смысл, и дружеский совет!

Честь, кротость и добро — увы, где ваше царство?
На небесах! А здесь всё — злоба, всё — коварство,
Как на большом торгу: скупают, продают,
Меняют и крадут, хулят и хвалят разом
Одну и ту же вещь, и не моргнувши глазом,
За добродетели пороки выдают.

Напрасно наш Творец привил к рассудку завязь
Воображения: так появилась зависть,
И ревность, и любовь, что разума сильней;
Как плотью, жилами, и кровью, и костями,
Так от рожденья мы наделены страстями,
И то же будет впредь — и до скончанья дней.

Так стоит ли мечтать о жизни беспорочной
На свете, где, как дым, все зыбко и непрочное,
Все переменчиво, как ветер и волна!
Блажен, стократ блажен, кто соблюдает меру,
Кто мудро следует лишь доброму примеру
И верен сам себе в любые времена.

Мир

Королю Генриху II

Мой государь, пройдут века, и не однажды
Потомки помянут дела твои, но каждый,
Кто поведет рассказ о царствии твоём,
Которому хвалу мы ныне воздаем,
Любой, кто в хроники столетий углубится,
Заметит без труда: пока твоя десница
Владела скипетром французским, ни на час
Беллона гневная не покидала нас.
Душой возвышенной ты полюбил сраженья,
Немало знал побед, но знал и пораженья.
Франциска вотчина была тебе тесна,—
Империю твою расширила война.
И если иногда наперекор Фортуне
Идти решался ты и оставались втуне
Тщеславные мечты, мы видели, как смел
Любой твой замысел,— ты многое сумел:
Булонь признала власть твою благоговейно,
Коней поили мы в священных водах Рейна,
Шотландцы до сих пор под скипетром твоим,—
Ты руку помощи по-царски подал им,
И наконец пришлось надменным англичанам
Склониться пред твоим величием венчаным;
То вдруг на островах, от Франции вдали,

Для боя снаряжать ты начал корабли;
Прельстясь добычею и славою военной,
Назло Флоренции ты овладел Сиеной,—
Три года был в руках твоих тосканский град;
У генуэзца ты внезапно, как пират,
Отторгнул Корсику, испанцам бросил вызов,
Послав к Неаполю потомка славных Гизов;
Легко отвоевал наследный порт Кале,
Скажи мне, при каком французском короле
Посмели бы мечтать мы о таком успехе,
И все ж, мой государь, отнюдь не для потехи,—
А ведь ты был смелей, удачливей, чем все!—
Пришлось тебе порой плясать на колесе
Фортуны: то внизу, то наверху, то снова
Внизу — игрушкой паяца площадного,
Слепого Случая, ты был на боевом
Кровавом поприще,— со злым торжеством
Он понукал тобой, дабы открылось миру,
Что горе не щадит и царскую порфиру.—
Передохнув, опять ты битву начинал,
Но вот Монморанси и некий кардинал
Из лотарингского прославленного рода
Нам предлагают мир, отрадный для народа.
Навек сберечь его должны мы,— лишь злодей,
Чью душу алчную прельщает кровь людей,
Дерзнул бы не признать, что этот дар сегодня
Благословение и благодать господня.
К советам дружеским державный слух склони,
До сердца твоего пускай дойдут они.
Все было смешано когда-то во вселенной,
Тогда не отделил еще глагол священный
Ни неба от земли, ни влаги от огня,
Ни ночи сумрачной от солнечного дня,—
Величья красоты не ведая веки,
Во тьме, что Хаосом потом прозвали греки,
Висела грузная, бесформенная смесь,

Все враждовало, все соперничало здесь:
Со светом спорил мрак, мороз перечил зною,
Сжигающая сушь на влагу шла войною,
Но злоба низкая Создателю чужда,
Не по душе ему раздоры и вражда,—
Он вестника послал к безрадостной юдоли,
Дабы разбойных войн земля не знала боле,
И юный Мир приплыл на пурпурном челне
По розовеющей, напеченной волне.
Из Хаоса извлек он воздух легковесный,
Планеты и луну, и туч покров завесный,
Затем материки и звездный небосвод,
Что вечно движется вокруг соленых вод,—
Как зодчий выверил он зданье мировое:
В счастливом дружестве отныне все живое
Пребудет на земле, а злобную Вражду
Под стражу заключил в пылающем аду
И, в цепи заковав, смиренно сел к подножью
Престола горнего, чтоб ведать волю божью.
Но если согрешат земные племена,
И беззаконием охвачена страна,
И пролитая кровь заговорит о мести,
Тогда все ангелы небес сойдутся вместе
И вызволят Вражду из пламенных оков,
Чтоб вытравить позор из памяти веков.
Сверкнет господень меч, карая род греховный,
Но прежде знаменье подаст судья верховный:
В безбурной синеве безоблачного дня
То гром прокатится, то ярый сноп огня
Полнеба озарит, страша сердца людские,
И устремится вниз на башни городские.
А то кровавая комета над страной
Прочертит мглу, грозя разором и войной.
Луара вздуется, как в паводок весенний,
И, хлынув по лугам навстречу мутной Сене,
Зальет Бургундию; свирепых спустят псов

Небесные псари,— из топей и лесов
Полезут гнусные чудовищные твари,
Проведав с радостью о неминуемой сваре.
Кто искру высечет из адского кремня?—
Злорадствует Вражда, дымится головня
В нескованной руке — отброшено огниво —
И вот уже пожар ползет неторопливо.
Ни справедливости, ни дружбы, ни стыда,
Ни целомудрия, ни жалости тогда
Не станет на земле: к господнему престолу
Вернется мудрая Гармония и долу
Пугливый склонит взор, а там и дым и тьма,
Железа злобный лягз и голосов грома.
Убийство и разбой там царствуют годами,
Жестоко города дерутся с городами,
Войною короли идут на королей,
Там молодость цветет для марсовых полей,
Там варварская сталь закалена в горниле,
Дабы друг друга мы пытали и казнили,
Там наковальни звон разносится в ночи,
Там не куют серпов, зато куют мечи.
Давно не сходимся мы в поединке честном,
Мы рыцарский турнир считаем неуместным,
Наградам и призам никто уже не рад,
Смерть слабого для нас желанней всех наград!
Но кто мне право дал такими мелочами
Его Величество тревожить?— не речами
Я должен убеждать,— мой государь, взгляни
На этот небосвод, на звездные огни,
На обитателей полей, на стаи птички,—
Пойми!— подводный змей в чешуйчатом обличье
И тот живет одной любовью,— посуды:
Когда вселенная почувствует в груди
Жестокость и вражду, и в беспощадном споре
Сойдутся грозные стихии нам на горе,
Мы видим: землю ждет неотвратимый крах,

И самый воздух нам уже внушает страх,
В его отравленных глубинах созревая,
И порча, и чума, и язва моровая,
И прочая напасть грядет на закрома,
На виноградники, посевы и дома.
Покуда жидкости, что бродят в нашем теле,
В единомыслии покорном жить хотели,
Мы были счастливы, но если враждовать
Задумают они,— больничную кровать
Нам уготовит Рок, а, может, и могилу,
И только лекарю ученому под силу
К первоначальному единству привести
Жизнеподательные соки и спасти
Расслабленную плоть: так дружба и согласие
От распрей тягостных нас лечат в одночасье.
Мой государь, поверь, мечтая о чужом
Богатстве, думая разжиться грабежом
Соседних королевств, рискуешь ты порою
Своей империей — ты странную игрую
Увлекся и, увы, не видишь, как смешон,—
Опомнись! жребий твой Фортуной предрешен.
Чего еще желать? — французский край приволен,—
О смертный, отчего ты вечно недоволен?
Всем жаждешь завладеть ты из последних сил,
Стань богом ты, и то о большем бы просил.
Ты вздумал Фландрию поставить на колени,
Как будто нет в бою добычи вожделенной,—
Ты христианского монарха покоришь,
Какой триумф! рабом войдет он в твой Париж.
Не лучше ли изгнать из Греции османа?—
Измучилась страна под игом басурмана.
В сраженьях вечных ты устал и поседел,
А дома ждет тебя немало спешных дел.
Чем истязать народ, крещенный в той же вере,
Благоденствиям открыл бы лучше двери!
Не время ли тебе подумать о стране,

О юных сыновьях и преданной жене?
Не время ли нам жить, как подобает,— в мире?
Охотиться, читать, а драться — на турнире!
Сражаясь столько лет, каких искал ты благ?
Один лишь светлый мир всемилостив и благ.
Впусти его, и Лувр мы наконец отстроим.
Чего еще желать? бестрепетным героем
Ты показал себя,— изменчива Судьба,
Да замолчит навек походная труба!
Пусть Распря и Вражда оставят нас в покое!
Не богом ли себя ты мыслишь?— все мирское
Прейдет, и ты преидешь, а как положат в гроб,
Что император ты, что нищий землекоп,—
Все пища для червей,— не для того короной
Увенчан ты, монарх, чтоб саван похоронный
В сраженьях добывать: Господь нам дарит мир!
Скорей впусти его! такого счастья, сир,
Никто из прадедов твоих не знал дотеле.
Что славы, если ты воссядешь на престоле
Британских королей или войдешь в Мадрид?—
Тебя Монморанси с испанцем примирит!
Для пользы Франции трудился он немало,
С волнением страна словам его внимала.—
О Мир, живительный, как вешняя заря,
Что в тонком сумраке восходит, серебря
И розу, и тростник, и зелень луговую,
Сухую в жаркий день, а поутру — живую!
Так после яростной, губительной войны
Благословенный мир нисходит с вышины.
Не слушай, государь, воителей строптивых,
Гони Вражду и Смерть к владеньям нечестивых,
Пусть грозный сарацин, парфянин и осман,
И гневный мамелюк, защитник мусульман,
Друг друга перебьют в междоусобной бойне,
Без распри и войны нам дышится спокойней.
Пусть на стене висит оружие твое,

Подальше спрячь кинжал, в чулан поставь копьё,
А знаменитый меч, что угрожал державам,
Мечтаю видеть я затупленным и ржавым,
Пусть паутиной он затянется скорей!—
Да будет свят союз владетельных царей!
А тот, чья жизнь сама окажется орудьем
Раздора и Вражды, пусть, ненавистный людям,
Погибнет от руки братьев и сгниет
Непохороненный, пусть воронье склюет
Полуистлевший мозг, пусть милостыню просят
Потомки алчного злодея, но не бросит
Им щедрый наш народ и черствого куска,—
Мы Миру говорим: «Продлись, продлись века!»
Любой, кто мыслит так, достоин воздаянья,
Награда ждет его за добрые деянья,
Не будет никогда казна его пуста!
Создатель, сделай так, чтоб ум и доброта
Водили Генрихом, чтоб снова взял он в руки
Бразды правления и полюбил науки,
Да будут подвигов воинственных прочней
Завоевания грядущих мирных дней!

Кардиналу де Колиньи

Блажен, кому дано быть скромным земледелом,
Трудиться над своим наследственным наделом,
Дожив до старости, иметь свой дом и кров.
Не быть нахлебником у собственных сынов,
Не сменой королей, но жизнь природы,
Теченьем лет и зим спокойно числить годы.
Блажен, кто Бахусу дары свои несет,
Цереру, солнце чтит, вращающее год,
Кто Ларам молится, домашним властелинам,
Кто спит под звон ручьев, бегущих по долинам,
Кому их музыка милее, чем труба,
Кровавой битвы гул, и с бурями борьба.
Блажен, кто по полю идет своей дорогой,
Не зрит сенаторов, одетых красной тогой,
Не зрит ни королей, ни принцев, ни вельмож,
Ни пышного двора, где только блеск и ложь.

Ступай же, кто не горд! Как нищий, как бродяга,
Пади пред королем, вымаливая блага!
А мне, свободному, стократно мне милей,
Невыпрошенный хлеб, простор моих полей.
Милей, к ручью склонясь, внимать струе певучей,

Следить за прихотью рифмованных созвучий,
Таинственных Камен подслушивать игру,—
Мычащие стада встречая ввечеру.
Глядеть, как шествуют быки, бегут телята,
Милее мне пахать с восхода до заката,
Чем сердце суетой бесплодной волновать
И, королю служа, свободу продавать.

Речи о несчастьях нашего времени

*Наставление
юному христианнейшему королю
Карлу IX*

Сир, недостаточно принять престол в наследство!
Вы доблестью должны украсить ваше детство.
Без доблести никак на царство сесть нельзя,
На голову, как груз, корону водрузя.
Фетида родила младенца от Пелея
И, обгоревшее дитя свое жалея,
Его бессмертием вознаградить смогла —
Ахилла в час ночной к Хирону отнесла,
Чтобы, наставленный во всем кентавром славным,
Достоинствам сумел он обучиться главным,
Искусству цену знал и суть наук постиг.
Все должен знать король, когда король велик!
Но мало овладеть лишь ремеслом военным,
Идти от стен своих победно к вражьи́м стенам,
Пришпоривать коня, на скакуне своем
Явиться на турнир, принять удар копьем,
Ошеломить врага мудреною засадой,
Ночною вылазкой, атакой, канонадой,
Шеренги сохранить, ряды сомкнуть в бою,
Сплотить вокруг знамен всю армию свою.
И дикие цари науку эту знают:
Они для славы в кровь короны окунают,

Как львы, которые среди других зверей
Заносчиво себя считают за царей,
Лишь если их клыки впиваются в оленя
И все вокруг полно резни и истребления.
Не может королю достоинство сберечь,
Коль благороден он, ни кровь, ни острый меч,
Ни латы, что на грудь тяжелым давят грузом,
Но знание искусств, принадлежащих Музам.
Порою короли не избегают уз
Юпитеровых дев, высокородных Муз —
Им Музы придают почтенное обличье
И от невежества спасают их величье,
И милосердьем им небесное несут
Так, чтобы короли вершили правый суд.
В науках сведущи такие государи
И в красноречии, не говоря о даре
Физиогномики, который нужен им,
Чтоб цену узнавать всем подданным своим.
Имелся этот дар у юного Ахилла,
Который одолел столь доблестно Троила
Во Фригии; затем бестрепетный Ахилл
Явился к Трое — там он Гектора сразил.
Пентесилею он убил и Сарпедона,
Свой подвиг увенчав пожаром Илиона.
Тезей, Геракл, Язон ему во всем равны,
Как все воители бесстрашной старины.
Таким вы станете, коль Парками жестоко
Не будет ваша нить пресечена до срока.
Вам дали имя Карл. Так короля у нас
Во Франции зовут уже в девятый раз.
Но девять — все равно, что три триады рядом,
И совершенствами подобно трем триадам,
А значит, слава вам такая суждена,
Какая восемь раз тем королям дана.
Но дабы стать таким, свое искусство нужно,
Чтоб в юности порок не встретить безоружно.

Во-первых, Господа бояться должно вам,
Чтоб имени его, его святым словам
Открылось сердце. Вы — во всем подобье Божье,
Его поддержкой вам пренебрегать негоже.
Затем, чтоб на земле всегда преуспевать,
Смиренно вы должны чтить королеву-мать,
Ей ревностно служить — ведь вас она хранила,
Как мать, и на земле отца вам заменила.
Затем, вам образец те предки-короли,
Которые в раю убежище нашли.
Беречься надобно, чтоб новомодной скверне
Никак не удалось стать достояньем черни.
Затем, вы мысль должны всегда в основу класть,
Чтоб разумом одним руководилась власть:
Ведь властолюбие, обманывая разум,
На человека зло обрушивает разом.
Как тело крепнет, лень убив в самом себе,
Так разум свой должны вы укреплять в борьбе
С воображением, чудовищным дурманом,
Чтоб не смогло оно ваш дух увлечь обманом.
Но добродетели познав, учитесь впрок
Повсюду узнавать разряженный порок —
Он рядится добром, себя являет чинно,
Но зло таит его почтенная личина.
Так самого себя вы сможете познать,
А значит, злом себя не станете пятнать.
Самопознание — вот лучшее начало,
Оно людей к добру и правде приучало.
Кто знает сам себя, нас учит Аполлон,
Тот — истинный король, хоть не воссел на трон.
Вот как начнете вы. Потом, окрепнув телом,
Став храбрым воином и человеком зрелым,
Должны вы будете учиться управлять,
Внимая подданным, им волю изъявлять,
Их знать по именам, суд не вершить жестокий,
И почитать добро, и исправлять пороки.

Несчастливы короли, которым говорит
О том, чем жив народ, советник-фаворит,
Которым льстивый лжец, ища монаршей ласки,
Об этом на ухо нашептывает сказки.
Такому королю корона не нужна:
Он властвует, боясь, что оскорбит лгуна.
Но с вашим, Государь, все милостивым нравом
Вы место короля займете с полным правом:
Не будет обделен, наш кроткий господин,
Из ваших подданных покорных ни один.
Когда вы явитесь в дворцовые покои,
Не ведая обид, пребудут все в покое.
Но если капитан сбивается с пути,
То в гавань кораблю обратно не прийти,
А если королю на шаг с дороги сбиться,
Народ пойдет за ним, и царство раздробится.
Не смеет государь, на троне воцарясь,
Вассалов оскорблять, считая их за грязь,
Поскольку ваша плоть и наша плоть — из грязи.
Фортуна не щадит ни бедняка, ни князя.
Все царства на земле не властны над собой,
Рождаются они и рушатся судьбой,
И царство, как огонь: едва оно окрепло,
Как все пришло к концу, осталась горстка пепла.
О Боге помните. Своей рукой Творец
Вас тронем одарил, воздел на вас венец.
Пусть милосердие найдет у вас просящий,
Карайте тех, кто к вам придет в гордыне вящей.
Любимцам раздавать не следует чины,
Зато достойные их получить должны.
За деньги званий вы отнюдь не продавайте
И бенефиций всем подряд не раздавайте,
Гоните от себя назойливых льстецов,
Не верьте болтовне чарующей лжецов
Так, чтобы никогда пред вами не посмели
Владык соседних стран злословить пустомели!

Гоните от себя язвительность и спесь.
Вы в мире человек — всегда им будьте здесь.
Не грабьте подданных, не жмите их налогом,
Не объявляйте войн под мелочным предлогом.
Храня свое добро, запомните: оно
Не роскошь, а покой вам принести должно.
Коль скоро тяготит вас лучников охрана,
Полюбит вас народ, не видя в вас тирана,
И позабудет страх. Другие короли,
Не прячась за броней, короны сберегли.
Душе у короля быть следует такую,
Чтоб одарять народ нескаредной рукою.
Прижимистый король — какое это зло,
И сколько бед оно народу принесло!
Пусть окружают вас значительные лица,
И не препятствуйте вы их беседам литься,
А сами слушайте, как поступал ваш дед,
Король, которому поныне равных нет.
Вы, как Великий Карл, властитель величавый,
Историю свою вновь озарите славой,
И доблесть ратную по-царски возлюбя,
Тем сохраните вы бессмертье для себя.
Не должно, чтоб народ не слушался вельможи —
Вельможе обижать простой народ негоже.
Следите за казней с расчетом и умом:
Ведь если государь вести не может дом,
Не слушают его жена и домочадцы,
Как можно за судьбу отечества ручаться!
Законы новые пуская в оборот,
Подумайте сперва, чтобы потом народ
Не вздумал действовать наперекор декретам.
Ребячество нельзя позволить в деле этом.
Одежда ваша быть роскошной не должна.
Одежда королей всегда была скромна.
И ваших доблестей бесценное сиянье
Прекрасней жемчугов на пышном одеянье.

Не денег, а друзей ищите вы всегда.
Коль рядом друга нет, то королю беда.
Любя достоинство, присущее вельможам,
На праведных людей стремитесь быть похожим.
Карайте хитреца, пройдоху, бунтаря,
Ни яростью, ни злом, ни гневом не горя,
Останьтесь веселы. Лицо с душою вместе
Да будет зеркалом любезности и чести.
Но знайте, Государь: нет прав ни у кого
Ошибки короля исправить за него,
А потому себя наказывайте сами,
Иль будет найдена вам кара небесами.
Для власти Господа нигде предела нет,
С престола своего он видит целый свет,
Оттуда суд верша, всем платит равной платой,
Не глядя, кто пред ним — король или оратай.
Пусть он любовью вас своей благословит!
Прильнете вы к нему, как древле царь Давид,
Чтобы, как этот царь, вы свой венец носили.
Без Божьей милости нет проку в вашей силе.

К Луи Де Мазюру

Как тот, кто из окна вниз устремляет око
И видит пред собой открывшийся широко
В разнообразии природной пестроты
Окрестный дол: здесь холм, тропа, ручей, кусты
Являются ему, а там, овраг, дубрава,
Поляна, пасека, дорога, мост, канава,
Сад, виноградник, луг, пруд, пастбище, загон,
Чертополох, бурьян — куда ни смотрит он,
В пространстве медленно блуждая взором праздным,
Везде красивое смешалось с безобразным,
Хорошее с дурным,— так, Де Мазюр, и тот,
Кто не спеша читать мои стихи начнет,
Увидит, сколь они между собой не сходны:
Где хороши, где нет, где чудны, где негодны.
Что делать? Бог один непогрешим во всем.
Пестры мои стихи, как на пиру большом,
Где потчует гостей король иль князь богатый,
Различны кушанья, приправы, ароматы:
Здесь то, что хвалят все, не нравится иным,
Что сладко одному, то горько остальным,
Тот любит огурцы, а этот заливное,
Тот старое вино, а этот молодое,
Тот жареную дичь, а этот свежий крем,
И не бывает так, что пир приятен всем.
Сам государь меж тем пирует с наслаждением,
И не смущен ничуть: ведь он не принуждён
Гостей взыскательных на торжество собрал —
Коль правду говорить, не всякого и звал.

Я тоже не грожу судом и казнь лютой
Тому, кто книг моих не знает почему-то;
Кто хочет — их прочтет, кто хочет — купит их.
Бывает, нравится кому-нибудь мой стих,—
Я радуюсь тогда; нет — остаюсь бесстрастен:
Здесь ничего, Мазюр, я изменить не властен.
Лишь те, кто верует по-новому средь нас,
Своим брюзжанием дивят меня подчас:
«Ронсар,— твердят они,— в земле талант скрывает,
То битвы, то любовь с усердьем воспевают;
Он мог великим стать, когда бы все презрел
И одного Христа в хвалебных гимнах пел,
Но отвратил его от дум благочестивых
Коварный Сатана, отец мечтаний лживых».
Несчастные слепцы, которых с толку сбил
Расстриженный монах! Не размеряя сил,
Вы в судьбы лезете: нет нужды в вашем вздоре;
Я есмь то, что я есмь, и с совестью не в ссоре,
И ведает Господь, читающий в сердцах,
Все помыслы мои и мой пред небом страх.
О Лотарингский край, ты счастлив, не доверясь
Кальвину хитрому — и от соседей ересь
Не допустив к себе! Ужель ни в чем не лгал,
Когда Писание Святое прелагал,
Потeya у печи, германец дерзновенный,
Рейнвейном, духотой и злобой распаленный?
Как с места не сойдет твой дивный Амфион,
Так не признаю я, что вдохновен был он.
Недавно мне во сне летучей, смутной тенью,
То исчезающей, то вновь доступной зренью,
Явился Дю Белле — не прежний чародей,
Который вскармливал млеком стиха князей
И мощно увлекал своей волшебной лирой
Всю Францию, теперь оставшуюся сирой,—
Но жалкий, немощный, расслабленный скелет,
Чьи кости длинные, суставы и хребет

Белели в темноте, иссушены и голы;
Сладчайшие уста, где пребывали пчелы,
Пейто и Грации, увяли, охладев;
Сияние очей, где пляска мудрых Дев
Живым и пламенным восторгом отражалась,
Померкло навсегда; угрюмо возвышалась
Безносая глава, пугая наготой,—
Казалось, опустел сам Геликон святой;
Утроба лопнула, источена червями,
И гной наружу тек обильными струями.
Я трижды простирал объятия ему,
И трижды от меня он ускользал во тьму,
Как мчится жаворонок, над пашнею взлетая,
Когда бегущая вослед собака злая,
Приблизясь, прыгает с рычаньем на него
И, кроме воздуха, не ловит ничего.
Вдруг омертвелый рот с усилием разжался,
И еле слышный хрип из бледных уст раздался,
Напоминавший треск цикады иль сверчка,
Иль писк отставшего от матери щенка:
«О друг мой и собрат! Как жизнь свою, не зная
И тени зависти, тебя любил всегда я;
Ты ободрил меня, наставил и подвиг
Восславить не страшась французский наш язык;
Ты голос мой развил; тобою вдохновенный,
В Пермессе я уста омыл волной священной,—
Теперь, коль вновь судьба меня свела с тобой,
Хочу и я тебе подать совет благой:
Храни Господень страх, да Эпикур лукавый
Тебя не соблазнит своей стезей неправой,
И телом, и душой всечасно уповай
Лишь на Спасителя, ведущего нас в рай,
Покорствуй не ропща монарху и законам,
К друзьям будь ласковым, радушным, благосклонным,
Удел свой полюби, не вознося мечты
Чрезмерно высоко,— и счастлив будешь ты.

Мир призрачен и лжив: как мать, манит он лаской,
Но злобу мачехи таит под кроткой маской;
Он движется молвой и случаем слепым,
И что в нем человек? не более, чем дым
Над малым пламенем, на краткий миг зажженным.
Один Господь вовек пребудет неизменным.
Блажен, кто не живет здесь долго, или тот,
Кто жизнь свою в глуши проводит без забот,
Уединение предпочитая славе,—
Не он ли средь людей мудрейшим зваться вправе?
И ты, коль с верою ко мне склоняешь слух,
А дух умершего не может лгать, мой друг,—
Отвергни жизнь двора, коварную Цирцею,
И удались в свой дом, простясь навеки с нею.
В полях, куда от вас ушел я в цвете дней,
Мы все равны: султан, торговец, лицедей,
Смиранный селянин и властелин природный,
Не ведая тревог, там движутся свободно,
По прихоти своей летят из сада в сад,
Дабы равно вкусить божественных усад,
Как пчелы легкие порхают утром мая,
На молодых цветах душистый мед собирая.
Со мной беседуют Гомер, Эсхил, Марон,
И облик мой таков, каким описан он
В стихах Мазюра был. Там Генриха порою
Среди полубогов я вижу пред собою:
Наш добрый государь, лик раненый закрыв,
Скитается в тоске, угрюм и молчалив,
С тех пор как век его, блистательный и яркий,
Внезапно прерван был безжалостною Паркой.
И я среди теней брожу, как он, скорбя,
С тех пор как, не простясь, оставил я тебя
И тесный круг друзей — им всем при встрече снова
Свидетельствуй любовь сподвижника былого».
Так кончил призрак речь — и, поглощенный тьмой,
Как молния, пропал, сон покидая мой.

К Гийому Дезотелю

О Дезотель, кого Риторика и Право
И Муза сыном мнят единственным по праву,
Я в ужасе гляжу, как медлит наша знать,
Когда Европу всю грозит лавина смять,
Сплотить в союз людей, державе на защиту,
Как ты, готовых встать, и ей служить открыто,
И делом, до небес вновь поднятым тобой,
Возвысить Скиптр, что чернь смогла попрасть пятой.
Способны в наши дни и короли и принцы,
Оружие забыв, хранить покой провинций —
Не нужно им солдат, чтоб чернь держать в узде;
Но книга и закон князьям нужны везде —
Орудья, коими легко толпе строптивой
Умерить пыл и нрав привить миролюбивый;
Надежно впредь дома свои мы защитим
Не сталью острою — лишь разумом живым;
И будет бить врага любой, кто братьям верен,
Той палкой, коей враг побить нас вознамерен.
Наш недруг книгами искусно совратил
Народ, и тот, пленясь, на ложный путь вступил —
Что ж, книгами и мы с врагом затеем драку,
Мы — книгами в ответ и книгами в атаку,
Скрывая, что у нас слабеет сил напор:
Атака тем сильней, чем яростней отпор.
Но нет, не вижу я, чтоб кто-нибудь вступился

За дело правое и от врага отбился,
Наш стан теснящего, чтоб кто-то, взяв перо,
Наш защищал закон как высшее добро;
Народы зрят оплот лишь в милости господней
Лишь воля неба, мнят, спасет от преисподней;
Растерянность поднять нам не дает руки —
Победным шествием идут бунтовщики.
В Троянскую войну, когда гнала Эллада
Троянских юношей к стенам родного града,
Когда герой Ахилл, закрыв ручьям пути,
К Фетиде им мешал дань водную нести,
И те, кто в граде жил, ступить вовне не смея,
И те, кто жил вовне, за стенами Сигея, —
Провинны были все; мой Дезотель, вот так
Оплошны ныне мы и наш провинен враг.
Провинны те, дерзнув державу опрокинуть
И Принцев силою с дороги отодвинуть,
И возомнив, что нет для наглости препон,
И новой сказкою топча седой закон,
Провинны те, сойдя с дорог, отцами данных,
Чтоб следовать путем учений чужестранных,
Провинны, наплотив ту пасквильную дрянь,
Где сплошь глумления и площадная брань,
Угрозы грязные сановнейшим придворным,
Чтоб только пищу дать скандалам самым черным,
Провинны, мня, что здесь ослепли все подряд,
Что зрячи лишь они и лишь у них есть лад,
Что будто мы идем, заблудшие, стезею
Не богом данною, но ложною, земною,
Провинны, мня, что Бог лишь Лютеру не зря
Явился во плоти и, шире говоря,
Что Церковь, впавши в блуд, век, верно, уж десятый
Вино притворства пьет и праздного разврата,
А все, что Кухорн смог вложить в слова свои,
Иль Цвингли, иль Кальвин, мятежники сии,
Важней, чем Церкви всей согласие иль законы,

Что учредил Собор, где был весь мир ученый.
Зачем же нам и впредь на Бога уповать,
Коль, зная обо всем, дозволил он блуждать
Столь долго Церкви всей? Он промах сам замыслил?
В чем выгоду себе Всеведущий расчислил?
Кой прок, какая честь так прятаться во тьму,
Чтоб Лютеру являть свой облик одному?
Но мы провинны тож: наместника земного
С времен Григория не знали мы такого,
Чье слово жгло б сердца; провинен в том наш брат,
Что Церковь благ своих лишает бедных чад:
Неудивительно, что в пору грозных схваток
Благого пастыря Петра челнок столь шаток,
Ведь неуч, коему пятнадцать лет навряд,
Бог знает что за хлыщ, бог знает что за фат,
У Церкви блага все берет и бенефиций
За деньги продавать нимало не боится.
А Павел что б сказал, коль появился б тут,
О клириках младых, что в мысли не берут
Опеку бедных чад, хоть шерсть стригут охотно,
Не прочь и кожу драть; порхают беззаботно,
Молитву позабыв и проповедь, они,
Надушены, в шелках, средь нег и болтовни,
В охоте и пирах, средь ветрениц распутных
Бегут от божьих благ ради забав минутных.
Что б он сказал, узрев, как церковь днесь живет,
Основанная им как скромности оплот,
Оплот терпения, щедрот, любвеобилья,
Вне торга, вне угроз, вне выгод, вне насилья,
Нагою, нищею, изгнанницей, в рубцах
От палок и хлыстов, в тревогах и слезах,
Узрев, что днесь она пышна, жирна и чванна,
К поместьям и деньгам любовью обуянна,
Что чванны пастыри, а папы свысока
Глядят, одетые в парчу, в меха, в шелка?
Он, верно б, пожалел, что вынес все впустую —

И бичевания, и казнь свою страстную,
И все скитания; такой распад узрев,
Себе на голову призвал бы божий гнев.
Исправить ныне след сто тысяч нарушений,
Что клир успел свершить, ища обогащений;
Ведь страшно, как бы гнев верховного творца
За прегрешенья нас не стер земли с лица.
Какой же страх еще таится за спиною?
Хоть дело лютеран неправое, дурное,
Но за него стоят, а мы — к чему скрывать?—
За дело правое не можем постоять.
О, сколь счастливы те, кому всегда могила
В теченье девяти веков покой дарила!
Счастливы старики благих былых веков,
Кто в вере отческой земной покинул кров,—
Пока на Церковь груз не лег тяжелой хвори,
Не смел бы Хаусшейн явиться нам на горе,
Ни Цвингли, ни Кухорн, ни Лютер, ни Кальвин,
И предки мудрые, доживши до седин
Без обновления церковного обряда,
Сходили в гроб, где их ждала небес отрада.
Бедняжка Франция! Как непомерный груз,
Раздор во мненьях лег на первый твой союз.
Твои сыны тебя не холят, но терзают,
За шерсть козлиную друг друга истязают,
И, будто прокляты злой волею, в бою
Металл заостренный вонзают в грудь твою.
Мы не довольны ли платили в виде дани
Пьемонту, Фландрии, Неаполю, Испании
Кровь наших жил, чтоб днесь свои ножи воткнуть
В тебя, о наша мать, в твою родную грудь?
Мы повод подаем шальным турецким ордам
Взирать на наш раздор с насмешничеством гордым —
Для войн с неверными тяжелы на подъем,
Мы друг на друга здесь свирепо в бой идем;
Судьба иль божий гнев хотят, чтобы от сына

К тебе, о Франция, пришла твоя кончина.
Ужель Судьба велит, чтоб наш французский трон,
Пред коим немец, англ, испанец был склонен,
Повергся вдруг во прах по манию вассала,
Чья спесь покорности от братьев возжелала?
Трон, пред которым встарь весь божий мир дрожал,
Который подданных за море посылал,
Чтоб Палестину взять, Сидон, Антиохию,
Всю Идумею, Тир и те места святые,
Где Иисус на крест взошел за смертных всех,
Бесценной кровью смыл нас отягчавший грех.
Трон, пред которым встарь восток лежал во прахе —
Перс, турок, мамелюк, татарин — в лютом страхе.
Короче, миром всем столь утрашен и чтим,
Он жертвой должен стать ужель сынам своим?
Ты, Франция, в беде сама виновна частью,
Я тыщу раз в стихах взывал к тебе со страстью:
Своим ты мачеха, а чужестранцам мать,
Хоть в трудный час от них подмоги не видать;
И без хлопот берет всяк иноземец бравый
Те блага, что лишь нам принадлежат по праву.
Хотя б один пример — вот Дезотель, мудрец,
Кто книгами хвалу сыскал благих сердец,
Кто долго при дворе на должности невзрачной
Служил, бедняк, пока в день, для него удачный,
Медлительности враг добрейший кардинал
Вновь по миру его, потешась, не послал.
Ты ценишь слуг своих столь непомерно мало,
Что, право, от стыда тебе краснеть пристало.
И столь же ты глуха к Пророкам, что Господь
Избрал меж чад своих и коим кровь и плоть
Дал в сем краю, чтоб здесь твою беду пророчить
Грядущую, но ты спешишь их опорочить.
Да, может быть, смогла миров господних высь
Чрез Нострадамуса с пророчеством срастись,
Иль мужем Демон злой иль добрый дух владеет,

Иль от природы он душой взмывать умеет,
Засим среди небес сей смертный муж парит,
Пророчества свои нам сверху говорит,
Иль мрачный ум его, томясь глухой тоскою,
От жидкостей густых стал сочинять такое;
Но он таков, как есть: что ни тверди мы, все ж
Неясные слова, что в нас вселяют дрожь,
Как встарь у эллинов оракул, многократно
Предсказывали нам весь ход судьбы превратной.
И я б не верил им, коль Неба, что дает
Нам зло или добро, я в них не видел плод.
Да, Небеса скорбят, что ныне обесславлен
Могущественный трон, и знак недобрый явлен:
Не прекращался дождь год целый ни на час,
Комета яркая над головой у нас
Горела, сея страх, и вот, к боязни вящей,
С небес разверзнутых обрушен столп горящий.
Наш Принц скончался вдруг среди благих услад,
А сын его молодой заботой был объят
О подданных своих, и вот покой дворцовый
Надежность потерял для принца молодого.
Ни предков праведных и славных чудеса,
Ни храмов множество, взнесенных в небеса,
Ни беспорочный трон, ни край благой и сильный,
К войне приверженный и книгами обильный,
Ни доброта души, ни мыслей простота,
Ни явная во всем величия черта,
Ни веры глубина, ни пыл благочестивый
Смиренной матери или жены стыдливой
О малой милости не упросили Рок,
Чтоб обошла беда его благой порог,
Чтобы заразный дух отравленной Саксоньи
Сюда, во Францию, не нес свое зловонье.
Коль Гизов доблестных неукротимый пыл
В беде б согражданам защитой не служил,
Коль в час опасности б их дух утратил смелость

И пламя страха в нем и лени разгорелось,
То пошатнулся б трон, и лютеранский яд
В религию отцов сумел внести распад.
Но Франсуа один оружие в бой направил,
Бесстрашно грудь свою под дуло бед подставил,
А Карл молитвою и проповедью смог
От духа отвести злой ереси клинок.
Ученье строгое, предвиденье последствий
Народу помогли спастись от тяжких бедствий.
Да, Гизы зависти и Року вопреки
И вере, что несут с собой бунтовщики,
Кошунственную рать громили очередно,
Вернув религии ее оплот исходный.
О Господи, молю, в награду за труды,
Что взяли на себя два Принца в час беды,
А также в знак того, что зов мой и тревога
Доверия в тебе рождают хоть немного,
Пускай два Гиза, что, собрав из черепков,
К нам веру древнюю хотят вернуть под кров,
Блистают, взысканы щедротой властелина,
И пусть от черни их убережет судьбина.
Даруй, чтоб дети их и дети их детей
Таковыми ж честными прослыли меж людей,
Чтоб славу обрели, чтоб в мире, без разбоя
Смогли прожить весь век в отеческом покое;
Иль если бедствие, иль случай роковой
Обоим им грозит из зависти глухой,
Ты на бунтовщиков направи жала терний
Или на неуча, главу глумливой черни,—
Сей недостоин червь к светилу взором льнуть
И воздух тот вдыхать, что нам наполнил грудь.

Стихотворения разных лет

Гимн Франции

Извечно Грецию венчает грек хвалой,
Испанец храбрый горд испанскою землей,
Влюблен в Италию феррарец сладкогласный,
Но я, француз, пою о Франции прекрасной.

Для изобилия природой создана,
Все вожаденное сынам дает она.
В ее таилицах разнообразны руды,
Там золота найдешь нетронутые груды,
Металлов залежи, железо, серебро,—
Не счесть земли моей сокрытое добро.
Один металл идет на памятник герою,
Другой становится изогнутой трубою
Иль, обращенный в меч, когда настанет срок,
Надменному врагу преподает урок.

Пройди по городам: лучом светил небесных
Сияют нам глаза французенок прелестных,
В них слава Франции моей воплощена!
Там — царственной руки сверкнет нам белизна,
Там — гордый мрамор плеч, кудрями обрамленных,
Там грудь мелькнет — кумир поэтов и влюбленных.

А красота ручьев, источников, озер,
Дубы, шумящие на склонах темных гор,
Два моря, что хранят, как два могучих брата,

Родную Францию с полудня и с заката!
И вы, ушедшие в зеленые леса,
Сатиры, фавны, Пан — пугливых нимф гроза,
И вы, рожденные для неги и прохлады,
Подруги светлых вод, причудницы наяды,—
Поэт, я отдаю вам сердца нежный пыл.
О, трижды счастлив тот, кто с вами дружен был,
Кто жадной скупости душой не предавался,
Но, книги полюбив, как лучший дар богов,
Мечтал, когда умрет, воскреснуть для веков.

А наши города, в которых мощь искусства
Воспитывает ум и восхищает чувства,
И где безделие, ленивой скуки друг,
Не может усыпить ревнителя наук!
То мраморный дворец твои пленяет взоры,
То уходящие в лазурный свод соборы,
Где мудрый каменщик свой претворил устав,
В бесформенной скале их зорко угадав.
Все подчиняется руке искусства властной!
Я мог бы долго петь о Франции прекрасной.
Двумя Палладами любимая страна,
Средь них ученые, художники, поэты,
Чьи кудри лаврами нетленными одеты,
Вожди, чьей доблести бессмертье суждено:
Роланд и Шарлемань, Лотрек, Байард, Рено.

И ныне первый бард, чьей рифмою свободной
Прославлен жребий твой на лире благородной,
Слагаю новый гимн я в честь родной земли.
Где равно счастливы народ и короли.

Соловей

Мой друг залетный, соловей!
Ты вновь на родине своей,
На той же яблоневои ветке
Близ темнолиственной беседки,
И, громкой трелью ночь и день
Родную наполняя сень,
Спор воскрешаешь устарелый —
Борьбу Теря с Филомелой.

Молю (хоть всю весну потом
Люби и пой, храня свой дом!),
Скажи обидчице прелестной,
Когда померкнет свод небесный
И выйдет в сад гулять она,
Что юность лишь на миг дана,
Скажи, что стыдно ей, надменной,
Гордиться красотой мгновенной,
Что в январе, в урочный срок,
Умрет прекраснейший цветок,
Что май опять нам улыбнется
И красота цветку вернется,
Но что девичья красота
Однажды вянет навсегда,
Едва подходит срок жестокий,
Что перережут лоб высокий,

Когда-то гордый белизной,
Морщины в палец глубиной,
И станет высохшая кожа
На скошенный цветок похожа,
Серпом задетый. А когда
Избороздят лицо года,
Увянут краски молодые,
Поблекнут кудри золотые,
Скажи, чтоб слезы не лила
О том, что молодость прошла,
Не взяв от жизни и природы
Того, что в старческие годы,
Когда любовь нам не в любовь,
У жизни мы не просим вновь.

О соловей, ужель со мною
Она не встретится весною
В леске густом иль средь полей,
Чтоб у возлюбленной моей,
Пока ты славишь радость мая,
Ушко зарделось, мне внимая.

Амадису Жамену

Три времени, Жамен, даны нам от рожденья:
Мы в прошлом, в нынешнем и в будущем живем.
День будущий — увы! — что знаешь ты о нем?
В догадках не блуждай, оставь пред рассужденья.

Дней прошлых не зови — ушли, как сновиденья,
И мы умчавшихся вовеки не вернем.
Ты можешь обладать лишь настоящим днем,
Ты слабый властелин лишь одного мгновенья.

Итак, Жамен, лови, лови наставший день!
Он быстро промелькнет, неуловим, как тень,
Зови друзей на пир, чтоб кубки зазвучали!

Один лишь раз, мой друг, сегодня нам дано,
Так будем петь любовь, веселье и вино,
Чтоб отогнать войну, и время, и печали.

*Принцу Франциску,
входящему в дом поэта*

Убранством золотым мои не блещут стены,
Ни в мрамор, ни в порфир мой дом не облачен,
Богатой росписью не восхищает он,
Не привлекают взор картины, гобелены,

Но зодчий Амфион в нем дар явил отменный,
Не умолкает здесь певучей лиры звон,
Здесь бог единственный, как в Дельфах, Аполлон,
И царствуют одни прекрасные Камены.

Любите, милый принц, простых сердец язык,
Лишь преданность друзей — сокровище владык,
Оно прекраснее, чем все богатства мира.

Величие души, закон и правый суд —
Все добродетели — в глуши лесов живут,
Но редко им сродни роскошная порфира!

Реке Луар

Ответь мне, злой Луар (ты должен отплатить
Признанием вины за все мои хваленья!),
Решив перевернуть мой челн среди теченья,
Ты попросту меня задумал погубить!

Когда бы невзначай пришлось мне посвятить
Любой из лучших рек строфу стихотворенья,
Ну разве Нил и Ганг — какие в том сомненья —
Дунай иль Рейн меня хотели б утопить?

Но я любил тебя, я пел тебя, коварный,
Не знал я, что вода — сосед неблагодарный,
Что так славолубив негодный, злой Луар.

Признайся, на меня взъярился ты недаром:
Хотел ты перестать отныне быть Луаром,
Чтоб зваться впредь рекой, где утонул Ронсар.

Шалость

В дни, пока златой наш век
Царь бессмертных не пресек,
Под надежным Зодиаком
Люди верили собакам,
Псу достойному герою
Жизнь, и ты вверял порой,
Ну а ты, дворняга злая,
Ты, скребясь о дверь и лая,
Что наделал мне и ей,
Нежной пленнице моей
В час, когда любви утечи
Мы вкушали без помехи,
Превратив каморку в рай,
Ну зачем ты поднял лай?
Отвечай по крайней мере,
Что ты делал возле двери,
Что за черт тебя принес,
Распроклятый, подлый пес?
Прибежали все на свете:
Братья, сестры, тети, дети,—
Кто сказал им, как не ты,
Чем мы были заняты,
Что творили на кушетке!
Раскудахтались соседки,
А ведь есть у милой мать,

Стала милую хлестать —
Мол, таких вещей не делай!
Я видал бедняжку белой,
Но от розги вся красна
Стала белая спина.
Кто, скажи, наделал это?
Недостойн ты сонета.
Я уж думал: воспою
Шерстку пышную твою.
Я хвалился: что за песик!
Эти лапки, этот носик,
Эти ушки, этот хвост!
Я б вознес тебя до звезд,
Чтоб сиял ты с небосклона
Псом, достойным Ориона.
Но теперь скажу я так:
Ты не друг, ты просто враг,
Ты паршивый пес, фальшивый,
Гадкий, грязный и плешивый,—
Учинить такой подвох!
Ты — плодильня вшей и блох,
От тебя одна морока,
Ты блудилище порока,
Заскорузлой шерсти клок.
Пусть тебя свирепый дог
Съест на той навозной куче,
Ты не стоишь места лучше,
Если ты, презренный пес,
На хозяина донес.

* * *

Я так спешил к тебе (отчаянье берет!),
А ты и поцелуй едва мне подарила,
Невкусный поцелуй, холодный как могила,—
Диана Феба так целует дважды в год.

Невеста — жениха, когда кругом народ,
И внучка — бабушку. Ужель ты разлюбила?
Где влажность томная, где жар, и страсть, и сила,
И нежность губ твоих? Иль горек стал мой рот?

Учись у голубей: они весь день украдкой,
Целуясь, клювом в клюв, воркуют в неге сладкой,
И для забав любви им даже мало дня.

Так я прошу тебя, как это мне ни грустно:
Ты лучше никогда уж не целуй меня,
А хочешь целовать — так уж целуйся вкусно.

* * *

Чтоб ваш любовник был в служенье терпелив,
Вам нужно лишь любить,— не притворяться в этом.
Одним огнем пылать, одним светиться светом.
Учить язык любви, который так правдив.

Веселой, нежной быть, строптивость усмирив,
На письма отвечать и на привет приветом,
А там, где и слова и письма под запретом,
Уметь высказывать глазами свой порыв;

Хранить его портрет; сто раз на дню украдкой
Брать в руки, целовать его в надежде сладкой,
Стремиться две души, два тела слить в одно,

Делить с ним каждое сердечное движенье,—
И дружбы истинной в нем прорастет зерно.
Нельзя лишь так, как вы — любить в воображенье!

* * *

Как вьется виноград, деревья обнимая
Всей силой гибких рук,
Прижмись ко мне, прильни теснее, дорогая,
Сто раз обвей вокруг.

Прелестное лицо, как бы впадая в дрему,
Склони к щеке моей,
Свой пламень в грудь мою, своей любви истому
Лобзаньем перелей.

Не отнимая губ, не проронив ни слова,
Дай в мир иной уйти,
Сожми еще сильнее и поцелуем снова
К земному возврати.

Дай это счастье мне, и я клянусь твоею
Бессмертной красотой —
Другую полюбить вовеки не сумею,
Не воспую другой.

Мне рабство дивное терпеть не будет трудно,
Каков бы не был гнет,
И нас в Элизиум таинственное судно
Обоих унесет.

То будет смерть в любви,— от нас уйдет земное
Там, в миртовой сени,

Где с героинями поэты и герои
Проводят в счастье дни;
Под звуки лютни там мы пляской насладимся
У тихоструйных вод,
Наскучив плясками, под лавры удалимся,
В темно-зеленый грот.
Пойдем бродить в луга, в весенние долины,
Где ласкова лазурь,
Где мирты зыблются, где зреют апельсины,
Не знающие бурь,
Где, не сменяемый влекущим лето маем,
Царит апрель всегда,
Где радуется земля обильным урожаем,
Не требуя труда.
И тени светлые любивших в дольном мире
Стекутся к нам толпой,
И будут счастливы, что на загробном пире
Нас видят меж собой.
И сядем среди них мы на траве цветущей,
И радуясь гостям,
Любая в их кругу, под сладостною кушей,
Уступит место нам:
И та, что, лавром став, спаслась от Аполлона,
Стыдлива и горда,
И с Артемидою грустящая Дидона,
Печальная всегда.
И на спине быка уплывшая беглянка,
Царица красоты,
И первообраз твой, бессмертная гречанка,
Чье имя носишь ты.

* * *

Я посылаю вам букет. В букете —
Цветы, чей лучший полдень миновал:
Когда бы я их нынче не сорвал,
Они б увяли завтра на рассвете.

Пушкой напомним вам судьба соцветий,
Что красота — непрочный матерьял,
И как бы ярко день нам ни сиял,
Он минет, как минует все на свете.

Проходит жизнь, проходит жизнь, мадам,
Увы, не дни проходят — мы проходим —
И нежность обреченную уводим

Навстречу сокрушающим годам.
Все наши ночи — забытья кануны.
Давайте же любить, пока мы юны.

*Кардиналу
Шарлю Лотарингскому*

Во мне, о монсиньор, уж нет былого пыла.
Я не пою любви, скудеет кровь моя,
Душою не влекусь к утехам бытия,
И старость близится, бесплодна и уныла.

Я к Фебу охладел, Венера мне постыла,
И страсти эллинской — таить не стану я —
Иссякла радостно кипевшая струя,—
Так пеной шумною вина уходит сила.

Я точно старый конь: предчувствуя конец,
Он силится стяжать хозяину венец,
На бодрый зов трубы стремится в гущу боя,

Мгновенья первые летят во весь опор,
А там слабеет вдруг, догнать не может строя
И всаднику дарит не лавры, но позор.

Подражание Марциалу

Природа! Ты в меня вложила зряшный труд:
На что мне здравый ум и тело без изъяна?
Зачем я не дикарь, не полуобезьяна,
Не олух, не фигляр, не юркий лилипут?

Родись я карликом, будь я дворцовый шут,
Я в день полсотни су имел бы постоянно,
И милость короля, и ласки знати чванной,
И лакомый кусок, и роскошь, и уют.

Отец! На что мне знать латынь? Тебе бы надо,
Заранее свое обезобразив чадо,
Сдать в школу дураков, чтоб вырастить глупца.

О песни! о тщета! несчастные Камены!
Прочь арфу, прочь свирель — да смолкнет лад
священный,
Коль ныне жалкий шут счастливее певца!

*Достоправному господину де Невиллю,
сеньору Виллерау,
государственному секретарю
Его Величества*

Уж будущей зимы предвижу вихрь унылый,
Уж пятьдесят шесть лет мне голову снежило,
Пора оставить все — любовь и звонкий стих,—
Проститься с лучшими из дней земных моих.
Я жил, Виллерау, столь полно, что желанье
Утратил к радостям живым существованья;
Испробовав, их все себе я разрешил,
И с ними разум мой легко меня сдружил,
На сцене бытия явив мой вид обличный
В одежде, возрасту и времени приличной.
Я видел утро дня, я видел дня закат,
Я видел суховей, дождь, молнию и град,
Я видел королей и страны, и недавно
Я видел Францию пред гибелью бесславной,
Я видел дни войны, неистовство сторон,
И мир, что прерван вдруг и снова заключен,
Вновь прерван, принят вновь. Я видел, что в подлунной
Все в воле случая, все движимо фортуной.
Благоразумье нам вотще твердит урок:
Сковать его спешит непобедимый рок
И заключить в тюрьму; всему, что ни предложит,

По прихоти своей фортуна быть положит.
Один из мира прочь иду, как гость иной
Уходит прочь один, покинув пир чужой,
Иль с празднеств при дворе, тая печаль сурово,
Ведь место на пиру готовят для другого.
Я завершил свой бег, не огорчась ничуть,
Вручил огонь тому, кто дальше держит путь;
Не след роптать — на все у естества законы,
Им смладу обречен всяк на земле рожденный.
Но прежде чем уйду, пусть изменю свой вид:
Чтоб мнимый облик мой был перьями покрыт,
Под всеми перьями — по глазу, в рот вместилось
Сто языков; и там, где Солнце спать пустилось,
Где Дивнорукую Аврора век родит,
Мой образ, став Молвой, всем людям возвестит,
Что век наш славою достал до звезд гигантской:
При нем сподобился корабль земли испанской
Открыть Америку, при нем живет тот люд,
Чьи смелые сердца дерзать не устают,—
Им ведом стал Нептун, чужой французским баркам,
Четверка мощных звезд на небосводе ярком;
Пройдя сквозь тьму племен, чрез тысячи преград,
Стал каждый там богат, найдя безмерный клад.
Но всех превыше ты, муж благостный и скромный,
Что дал в груди приют той доблести бездомной —
Душевной щедрости,— что холишь ты один
И более никто в чреду лихих годин —
В наш век, постылый век греховного разгула,
Когда лавина зла живущих захлестнула
Волной безудержной, когда явилось зло,
Что нашим праотцам примститься б не могло.
Комета в наши дни нависла над странюю,
Светило в наши дни отважилось двойное
Два раза в тот же год затмиться в небесах,
Два короля легли цветущими во прах,
И грозная чума, в наш край явившись скрытно,

Народ косила всласть рукою ненасытной.
Что хуже, колдуны, глядящие на ход
Светил и зрящие их власть и оборот,
Вещают, будто бы (Сатурн в зените ныне)
В четыре года мы узрим наш край пустыней,
А кровожадный люд всю изничтожит знать
И нынешних князей осмелится прогнать,
Как будто, нас Господь карая во спасенье,
Устроит Хаос вновь и сокрушит творенье
Железом и чумой и вдруг воспламенит
Сам воздух, чтоб навек был род людской избыт.
И все же в этот век, в ужасную годину,
Что добродетели не ценит ни единой,
Фортуна мудрая заботится о нас:
Тебе, Виллерау, велит прийти в сей час
Сюда, в приют тщеты, разврата, словоблудья
И наглых мятежей, язвящих правосудье,
Средь болтовни пустой, средь баловней двора,
Что лгать и подличать большие мастера,
Средь ропота толпы, мольбы ее унылой,
Чтоб твой небесный блеск рассеял мрак постылый,
Чтоб дух твой доблестный обжег нас всех огнем,
Как Солнце ясное погожим летним днем.
Собравшейся толпе сказать сочту я долгом:
Ты пору юности провел в служенье долгом
Владыкам, что тебя избрали, дав в удел
Отраду быть слугой на благо славных дел —
Иль усмирять народ, иль принцев умной речью
С монархом примирять, мягча противоречья,
Тем имя славою венчать и отчий дом.
Так в стане греческом Улисс ходил послом
От Агамемнона великого по праву,
И Принцу своему и грекам всем во славу,
Себе во славу, чернь пленяя и вельмож,
Всех мудростью затмив и красноречьем тож.
Он, как и ты, любил свой груз нечеловечий

(Король его тебе переложил на плечи),
Ведь у тебя в душе страстней желанья нет,
Чем ревностно служить и ведать власть побед,
Себя во цвете лет губя под ношей этой,
Столь пылкость доблестью усердной разогрета.
Без лести я скажу: хоть люди жизнь твою
По чести вознесли высоко в сем краю,
Ты не пятнал себя ни вскинутой главою,
Ни бровью, вздернутой пред скорбною мольбою,
Фортуны мудро чтя, что может утлых нас
Крушить и возвышать в какой захочет час.
Свой труд и милости раздать, богоугоден,
Всем поровну стремясь, с источником ты сходен,
Что жаждущий богач в сухой и знойный год
По емким желобам в свой град родной ведет,
И без различий там поит и моет влага
Владык и малых сих, всей общине на благо.
Еще мне хочется сойти под землю, в ад,
Где властвует Плутон, где Ночь и Смерть царят,
И, миртовую сень проведать не преминув,
Там Морвилье найти, обоих Обепинов,
Из коих до седин двум довелось дожить,
А третьему Судьба пресекла рано нить;
Державы нашей честь все трое составляли.
Сим праведным мужам в обители печали
Воздав хвалу (чело героям лавр увил),
Я им скажу, как ты их славу укрепил
И как по смерти их твоя душа не в силах
Была терпеть, чтоб прах покоился в могилах
Без почестей, и стал увенчан блеск былой
Латинской, греческой, французскою хвалою —
Ты в надписи вместил почтение такое,
Чтоб не забылись тут героев этих трое,
Чтоб время, как оно стремительно б ни шло,
Сплошной чредой веков стереть их не могло.
Достойные мужи, услышав весть такую,

Втроем спюют пеан, под миртами танцуя,
В ладоши хлопая,— столь сладки им слова
О том, что их путем идет Виллерау.
Однако как должник, который должен скоро
Лихву иль весь заем представить кредитору,
Но, денег не найдя иль ценностей в заклад,
Желаньем горестным окончить жизнь объят,
Так я, грустя, что мне никак не расплатиться
За все, что ты мне дал, решил на жизнь озлиться:
Я нехотя живу и нехотя смотрю
На яркий луч ввысѣ, дарящий нам зарю.
Засим печали груз на сердце должен несть я,
И к старости мой шаг ведет меня в предместья,
Я вижу (это взять могу пока что в толк):
Пускаться надо в путь, не отплативши долг,
Коль не захочешь ты ларец открыть дареный
И как расписку взять сей листик испещренный
И взять мое перо, что, истину любя,
Потомкам пропоет осанну в честь тебя.
Прими мой дар, сия хранится пусть расписка
В Конфлане, в доме том, от коего столь близко
Париж, гнездо владык, и дивный облик чей
Является очам красой вселенной всей.
Надеюсь, Аполлон словам прибавит мощи,
Чтоб петь твои сады, угодия и рощи,
Весь воздух и ручей, окрестные поля,
Где круглый год тепла от ласк лучей земля,
Рощ апельсиновых парик всегда зеленый,
Чьи волосы блестят, вовек не иссеченны,
И ветви плод златой горазды век качать,
Как на руках дитя — заботливая мать.
Сей том приняв в залог, откроешь ты, я верю,
Пред ним почтительно Библиотеки двери,
Где гости многие в молчании стоят,
Ведь нежен, как в садах, сей книги аромат.

Элегия

Жаку Гревену

Гревен, в любом из дел мы до вершин дойдем:
Достигнет человек ученьем и трудом
Великой тонкости в искусстве адвоката
Иль в славном ремесле потомков Гиппократы.
И ритор пламенный, и важный философ,
И мудрый геометр — средь медленных трудов
Восходят к высшему по скале постепенной.
— Но Муза на земле не будет совершенной,
И не была, Гревен. Пристало ль Божеству
Воочью смертному являться существу? —
Не вынесет оно, убогое, простое,
Восторг возвышенный, неистовство святое.

Поэзия сродни таинственным огням,
Что вдруг пронесется по зимним небесам —
Над лугом, над ключом, в полях или над чащей,
Над рощею святой и над деревней спящей —
Горят и движутся, летят они, в ночи
Раскинув пламени свободные лучи:
Собирается народ и, трепеща в смущенье,
Читает в сих огнях святое возвещенье.
Но свет их, наконец, слабеет и дрожит,

И вот уже наш взор его не уследит:
Нет места, на каком навек он утвердится,
А там, где он угас, уж он не возгорится.
Он странник, он спешит, незрим, неуследим,
И ни одна земля не овладеет им.
Уйдя из наших глаз, найдет его сиянье
(Как мы надеемся) другое обитанье.

Итак, ни Римлянин, ни Грек, ни Иудей,
Вкусив Поэзии, не завладели ей
Вполне и всей. Она сияет благосклонно
С небес Германии, Тосканы, Альбиона
И нашей Франции. Одно любезно ей:
В неведомых краях искать себе друзей,
Лучами дивными округу одаряя,
Но в темной высоте мгновенно догорая.
Так не гордись никто, что-де ее постиг:
Повсюду странница, у каждого на миг,
Ни рода, ни богатств не видит и не взыщет,
Благоволит тому, кого сама отыщет.

Что до меня, Гревен,— коль не безвестен я,
Недешево далась мне эта честь моя:
Не знаю, как иной, кого молва лобзает,—
Но вот что знаю я: меня мой дар терзает.
И если я, живой, той славой одарен,
Какая мертвецу украсит вечный сон,—
Испив пермесских струй, как бы во искупленье
Я одурманен сном, мечтательством и ленью,
Неловок, неумел — печальнее всего:
Я не уйду, Гревен, от нрава моего.
Нескромнен, говорлив, несдержан, неумерен,
Беспечен; ни в скорбях, ни в счастье не уверен;
Как дикий сумасброд, учтивость оскорблю...
Но Господа я чту и верен Королю.
Мне сердце мягкое даровано судьбою:

Ни для кого вовек не замышлял я злое.
Таков мой нрав, Гревен. Быть может, таково
И всякого из нас, поэтов, естество.

О, если бы взамен, святая Каллиопа,
Ты выбрала меня из жреческого скопа
И новым чудом стал моих созвучий звон! —
В страданиях моих я был бы ублажен.
Но, чувствуя себя полупоэтом — право,
Боюсь: не для меня твоя святая слава.

Два разных ремесла, подобные на вид,
Взрастают на горах прекрасных Пиерид.
И первое — для тех, кто числит, составляет,
Кто стопы мерные размеренно слагает.
Стихослагатели — так назовем мы их:
На место божества они возводят стих.
Их разум ледяной, чураясь вдохновенья,
Рождает бедное, бездушное творенье —
Несчастный выкидыш! Итак, закончен труд? —
И в новые стихи корицу завернут.

Быть может, их молва не вовсе сторонится,
Но безымянный рой в чужой тени теснится.
Их не хотят читать: ведь этот мертвый сон
Стрекалом огненным не тронул Аполлон.
Так вечный ученик, не выведав секрета
Волшебного стиха и верного портрета,
Чернила изведет и краски истощит,
А намалюет то, что нас не обольстит.

Но есть другие — те, чей разум вдохновенный
Охвачен пламенем Поэзии священной,
Кто не по имени, но истинно Поэт,
Кто чистым Божеством исполнен и согрет.

Немного их, Гревен, досель явилось миру —
Четыре или пять. Они Эллады лиру
Венчали с тайною, накинули покров
Узорных вымыслов на истину стихов —
Чтоб чернь жестокая, подруга заблуждений,
Не разгадала их заветных вдохновений,
Святого таинства: толпе оно темно
И ненавистно ей, когда обнажено.

Вот те, кто первыми начала Богознанья
И Астрологии, прозревшей мирозданье,
Тончайшим вымыслом и сказкой облекли
И от невежественных глаз уберегли.
Бог горячил их дух. Он гнал, не отпуская,
Каленым острием их сердце подстрекая.
Стопою на земле и духом в небесах,
Бессмысленной толпе внушая смех и страх,
По дебрям и лугам они одни блуждали,
Но ласки Нимф и Фей их тайно награждали.

Меж этих двух искусств мы третье углядим,
Что ближе к лучшему — и сочтено благим.
Его внушает Бог для славы человека
В глазах у простецов и суетного века.
Немало на земле высоких, звучных лир,
Чье красноречие весьма возносит мир.
Гекзаметром они украсили преданья,
Героев и Царей победы и деянья,
Беллоне сумрачной достойно послужив
И новым мужеством бойцов вооружив.
Они людскую жизнь из недр ее привычных
На сцену вывели в двух обликах различных,
Изображая нам то скорбный рок Царей,
То пестрые дела посредственных людей.
О горестях Владык Трагедия расскажет,
Обыденную вещь Комедия покажет.

Предмет Комедии — повсюду и во всем,
Но для Трагедии мы мало что возьмем:
Афины и Трезен, и Фивы, и Микены —
Вот славные места для благородной сцены.
Ты множишь этот ряд, избрав мятежный Рим —
Боюсь, о Франция, мы следуем за ним.

Здесь первым был Жодель: он приступил — и смело
На наш французский лад Трагедия запела.
Он тон переменил — и перед Королем
Комедия звучит на языке родном.
Так ярк слог его, разнообразны лица —
Менандр или Софокл нашли б чему учиться.
И следом ты, Гревен, мой друг Гревен, ты смог,
Едва переступив ребячества порог,
Свой двадцать третий год еще не начиная
И юношеский пух со щек не удаляя,—
Ты нас опередил! К трудам и сединám
Не так пристрастен Феб, как это мнилось нам.

Когда свою стрелу Амур в тебя направил,
Стрелу чудесных глаз,— ты нам ее прославил:
В стихах бесчисленных, прекрасных, без конца
Ты убеждал, что страсть не ведает конца.
Но вот уж новое влечет тебя призванье:
Природу трав познать и тайны врачеванья.
Усердые пыльное, огонь ума двойной
Два дела Фебовых открыли пред тобой.
Единственный у нас, ты преуспел и в этом:
В тебе ученый Врач соединен с Поэтом.

Эпитафия Реми Белло

Чтоб прах Белло укрыть, рукам
Над камнем нет нужды трудиться:
Себе построил он гробницу
Из *Кáмней Драгоценных* сам.

Ода

Коридон, без перебоя
Лей в бокал вино хмельное,
Чтоб забылся сном разлад,
Что во мне яриться рад,
Душу бедную терзая,
Словно кролика борзая.

Пусть разлад уйдет с порога —
Впредь ни горесть, ни тревога
Не преступят мой порог.
Близок срок или далек,
Не желая долголетия,
Знаю: должен умереть я.

Скука — в книге слишком длинной.
Жалок тот, кого в руины
Старость превратить смогла.
Как почую, что прошла
Юность, вмиг хотел бы кануть
В вечность, чтоб с тоски не вянуть.

Потому без перебоя
Лей в бокал вино хмельное,
Чтоб забылся сном разлад,
Что во мне яриться рад,
Душу бедную терзая,
Словно кролика борзая.

* * *

Ты думаешь, Обер, что галльская держава
Милее небесам монархии мидян,
Державы эллинов, империи римлян,
Лишь прах оставивших от мощи величавой?

И нашу мощь сотрет смерть по земному праву,
Как все живущее; забьет веков бурьян
Латинский ли стишок, французский ли роман;
Трудам людей терпеть от смерти век расправу.

О, быть бы зодчим я иль каменщиком рад,
Я наверху тогда украсил бы фасад
Клюкой почтенною, а не лопаткой скромной.

Всю жизнь строчить стихи — зачем мне этот дар,
Ведь сгинут вмиг, когда от Парки вероломной,
Что в грош не ставит Муз, постигнет нас удар?

Посмертные публикации

Стансы

Я жизнь свою провел, распутывая нить,
Связавшую в одно здоровье и недуги:
Здоровье нынче к нам заглянет на досуге,
А завтра ни за что его не заманить.

К подагре я почти привык за долгий век:
Все жилы вытянув, она дробит мне кости,
Пытаясь доказать в своей неправой злости,
Что лишь страдания достоин человек.

Тот — молод, этот — стар, конец для всех един,
Но, бог мой, сколько он рождает опасений! —
Нам юность дорога, как свежий цвет весенний,
И веет холодом от старческих седин.

Цветенье юности подольше сохрани:
Соблазны и вино у мудрых не в почете,
Напрасно не терзай ни разума, ни плоти,
И под конец тебя вознаградят они.

Что смертный человек? — тускнеющая тень,
Не вечны мы, пойми ты истину простую,
И если молодость растрочена впустую,
Увянет жизнь твоя, как роза в жаркий день.

* * *

Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада
Я приближаюсь глух, изглодан, черен, слаб,
И смерть уже меня не выпустит из лап.
Я страшен сам себе, как выходец из ада.

Поэзия лгала! Душа бы верить рада,
Но не спасут меня ни Феб, ни Эскулап.
Прощай, светило дня! Болящей плоти раб,
Иду в ужасный мир всеобщего распада.

Когда заходит друг, сквозь слезы смотрит он,
Как уничтожен я, во что я превращен.
Он что-то шепчет мне, лицо мое целуя,

Стараясь тихо снять слезу с моей щеки.
Друзья, любимые, прощайте, старики!
Я буду первый там, и место вам займу я.

* * *

Пора оставить все: дома, поля, сады,
Сосуд, расписанный тобой до середины,—
Так некогда напев прощальный, лебединый
Звучал над берегом Меандра, у воды.

Окончен долгий век, завершены труды,
Пером давно свои прославил я седины,
Пусть ввысь оно летит, как знак, для всех единый,
Прочь от людей, что так бессмысленно горды.

Блажен, кто не рожден, но во сто крат блаженней
Кто снова стал ничем в кругу преображений,
Но всех блаженнее возлюбленный Христом:

Оставив тлеть внизу наскучившее тело,—
А прежде им Судьба играла как хотела!—
Он новым ангелом парит в раю святом.

* * *

А что такое смерть? Такое ль это зло,
Как всем нам кажется? Быть может, умирая,
В последний, горький час, дошедшему до края,
Как в первый час пути — совсем не тяжело?

Но ты пойми — не быть! Утратить свет, тепло,
Когда порвется нить, и бледность гробовая
По членам побежит, все чувства обрывая,—
Когда желания уйдут, как все ушло.

И ни питий, ни яств! Ну да, и что ж такого?
Лишь тело просит есть, еда — его основа,
Она ему нужна для поддержанья сил.

А дух не ест, не пьет. Но смех, любовь и ласки?
Венеры сладкий зов? Не трать слова и краски,
На что любовь тому, кто умер и остыл?

Элегия

Филиппу Депорту

Все к Смерти перейдет: творцы и их творенья.
Мы первые умрем, и наши озаренья
Поглотит навсегда времен бескрайний ток.
Таков закон Судьбы, неумолимый Рок.

Бессмертен только Бог. К могильному отверстию
Нисходит человек, чтоб искрошиться перстью,
А кто при этом он, мечтатель или тать,—
Могиле все равно, кому приютом стать.

Но суеверья нет глупее и капризней,
Чем полагать, что Смерть — причина новых жизней:
От века супротив стояли Жизнь и Смерть,
Как запад и восток, как небеса и твердь.

Одна — не движется, другая — движет нами,
Энергия ее бушует в нас, как пламя,
Нас обязуя всех трудиться и страдать,
О сущем говорить, о будущем гадать.

Несчастливы мертвецы. Душа их, что с рожденья
Движением жива, мертвеет без движенья;
Ведь счастье идет от благотворных дел,
А Смерть деяньям всем кладет один предел.

Хоть счастлива душа узреть сиянье Божье,
Взлететь на самый пик, не видимый с подножья,

Но человек не зря — живое существо,
Быть зрителем простым не радует его.

Отрада — лишь в труде, неразличимом в пепле
Тех, кто для жизни сей от вечной тьмы ослепли,
Затем и царство их, юдоль теней Аид —
Вдали от городов, где эта жизнь кипит.

Творец и труд его — все делается тленом,
Всех пожирает Смерть. Афины с Карфагеном,
И даже гордый Рим, вершины из вершин,
Точь-в-точь как их творцы, теперь лишь прах один.

Но греки говорят, что для унятья глада
Заглатывал Сатурн очередное чадо.
Божественное все ж прочнее, чем века,
А прочее за век умрет наверняка.

Нам вряд ли по трудам воздастся очень скоро,
И что теперь дают — берите без зазора,
На вечность уповать — надежд глупее нет,
Они суть пар один и суета сует.

Гомер, пред кем была отверста преисподня,
Когда б Ахилла в ней смог лицезреть сегодня,
Его бы не узнал, как и мудрец Марон
Энея своего. Могилы хладный сон
Навеки истощит земные ощущения,
Их сделав под землей простой добычей тленья.

Мы вроде тех волов, затиснутых в хомут,
Что за собою плуг уныло волокут,
Равнину под засев взрыхляя бороздами,
А кой им прок с того — не понимают сами;
Что сеют, все равно не попадает в рот,
А в ясли сыпят им лишь сорный обмолот.

Барашек молодой, чья шерстка знаменита,
С тебя ее сдерут весной, во время мыта,
Чтоб кто-нибудь другой носил твое руно.
А где он, твой барыш? — и поминать грешно...
Такая же судьба и наших сочинений:
Нам с них — что шерсти клоч. Грядущих поколений

Они прихода ждут, чтоб те в урочный час
И пользу в них нашли, и усладили глаз,
Уважив похвалой наш скромный труд по праву.

Но лучше в тридцать лет свою увидеть славу
В ряду дневных светил, чем через тыщу лет,
Когда в подземной мгле истлеет твой скелет,
И форма естества заменится другою.
Умерших ублажать нет смысла похвалою.

Ведь правду говорят, что средь земных утех
Признание, может быть, сладчайшая из всех
Доступных нам, живым. Что мертвым делать с нею?
Но дело на земле — не лишняя затея,
Затем что тешит нас и радует сынов.

Они на похвалы немало тратят слов,
Деяния отцов превознося без меры;
Коль благостны дела и хороши примеры,
Они не обойдут молчаньем нас и впредь.

Ведь лучшее, что нам дозволено иметь,
Суть добродетели, любовь к ним в каждом шаге,
И благостно прожить, и умереть во благе.

Филипп, корпящий дни и ночи напролет
Над Аристотелем и с облачных высот
Глядящий на простор угодий неоглядный,
Тебе — мои стихи, чтоб твой рассудок жадный
От гроба убережь, и тщание твое
Добыть себе почет, презрев небытие.
У настоящего всецело я во власти,
И Принца, о Любовь, благодарю за счастье
Творить и завтрашним не омрачаться днем.
Грядущее — темно, а мы лишь раз живем.

Каприз

Сеньору Симону Никола

Империи французской нет в помине:
Одно названье нам осталось ныне.
Порок царит, а добродетель прочь
Бежит: обиды ей сносить не в мочь.
К вельможам липнут новые любимцы:
Шуты, комедианты, проходимцы.
Стал предпочтенье отдавать француз
Льстецам и краснобаям вместо Муз.
В почете богохульники и воры,
И драчуны, что затевают ссоры.
Врали и подлипалы, игроки,
Гадальщики, проныры, дураки.
Светило дня узрев порой заката,
Укрыла ризой ночь багрец и золото!
Мне жаль смуглянку Музу: ей у нас
Был создан при Дворе второй Парнас!
Безмерно почитали там Камену,
Придав ей несказанный блеск и цену.
А что до слабоумных и невежд —
Тогда им вовсе сладостных надежд
Не подавали Мнемозины дочери.
Теперь для них открыты настезь двери.
Проклянутся птенцы, носы задрав,

И выказать спешат свой наглый нрав.
Тьма-тьмущая ублюдков и уродов,
Разбухших от почета и доходов,
От пенсий, митр и посохов, пиров,
И титулов, и лести, и даров.
А позади, с разинутыми ртами,
Увенчанные лавром и цветами,
Став жертвой небывалых перемен,
Торчат питомцы девяти Камен,
Дружившие и с Талией, и с Фебом,
И с королями под французским небом.
Но варварства эпоха не нова:
Мы от него избавились едва!
Ужель опять, французы, как врагами,
Невзгодье нам ниспослано богами?
Да, Николая, тут виден божий перст.
Рукой творца небесный свод отверзт!
Ведь наши козни, злоба, лицемерье,
Беспутство, ложь — несчетных бед преддверье!
Тот — записной мошенник, этот — плут.
Поверишь? Турки праведней живут!
Что за корысть была тащить мне Феба,
С его Девяткой в этот мрак Эреба?
Мне жаль, что первые шаги помог
Им сделать в нашем крае, видит бог,
Когда, юнцом, по берегу Луара,
В предощущенье крепнущего дара,
Бродил я, и Кассандры красота
Мне озаряла здешние места.
Ее очам прелестным, полным света,
Я был обязан выбором сюжета,
И тем, что полюбил высокий стиль —
Для знатоков, а не для простофиль!
Чем больше было славы, тем упорней
Пускала зависть повсеместно корни.
Я защитил девятерых сестер,

Вульгарным рифмачам наперекор.
Привел я, несмотря на их нападки,
Святую паству Фебовой Девятки,
Чтоб вознеслись под наши небеса
Чарующие греков голоса.
Лежала на плечах моих обуза —
Своим трудом прославить речь француза.
В те времена поэзии язык
У нас необработан был и дик.
Ты помнишь, Николая, по старой дружбе,
Меня пажом у короля на службе,
Что мог бы имя гордое свое
Метнуть, как златоострое копьё,
От края, где зеницы заблестели
У Феба — до его морской постели!
Невеждам я стремился дать отпор.
Воды немало утекло с тех пор.
А толку что? Почетного эскорта
Хватает у писак такого сорта!
Вельмож всех ли долго увлечь?
В пустых прикрасах выпретенная речь
Им по нутру. Ее не терпит Муза
За то, что длинен стих, а мысль кургуза.
Рифмованную прозой назову
Я этот стих во сне и наяву!
Да попадись им сам Вергилий в руки,
Они, того и жди, помрут со скуки!
Теперь я стар, чтоб голову сломя
Кидаться в бой, чудовище грома.
Вдобавок принца Шарля жизни яркой
Был прерван ход неумолимой Паркой.
Давно ли безмятежно и светло
Он лаврами увитое чело
Склонял к моим стихам, но жизнетворный
Иссяк родник, руке судьбы покорный.
Вселенной правит Время, не спеша.

И, может быть, родится в ней душа,
Что станет в преизбытке силы юной
Обман и косность истреблять в Подлунной.
Грядущее провидит глаз творца.
Не даст он ранить чистые сердца.
В борьбе с коварством, тупостью и ложью
Мы станем уповать на милость божью.
Когда стихает волн соленых дурь,
Живут морские берега без бурь.
Осенним днем гудят от ветра долы,
Но не у всех дубов макушки голы,
И не всегда огонь, упав с небес,
На горных склонах зажигает лес.
Кто б ни был ты, о Пиерид избранник,
Мой стих возьми с собой в дорогу, странник.
Бродя в траве аттических полян,
Ты новых слов обилье, как бурьян,
Отбрось: придаст поэзии напевность
Не повседневность, а седая древность.
Поэзия — богов бессмертных дар.
Он для тебя, как для пчелы нектар.
Запомни: золотым искусства веком
Обязаны мы римлянам и грекам.
Подстать пчеле, опустошай и ты
Харит благоуханные цветы.
Но, упиваясь их сладчайшей данью,
Пренебрегай недоброхотов бранью.
И уподобится твой стих, певец,
Наитью Мельпомены для сердец!
Поскольку мне чужда была вульгарность,
Я для себя избрал непопулярность.
Как раздражал меня собачий лай,
Когда я появлялся невзначай
У той скалы, где плещет ключ Кастальский,
Дабы язык французов мало-мальски
Улучшить и придать ему красы!

И если б не завистливые псы,
Негибкую, хромающую речь я
Избавил бы от горького увечья.
Добейся славы той, чей звучный глас
К потомкам дальним долетит от нас.
В поэзии прельщайся не главенством,
Не властью, но высоким совершенством.
На всякий лад сюжетов нынче тьма.
Легко найдешь ты пищу для ума.
Поэмы, пасторали, гимны, оды
Пиши, но избегай вульгарной моды.
Ты песнями ее не дорожи:
Кто их поет? Служанки да пажи!
Как стрел в колчане грозное сиянье,
Династий блеск — поэтов достоянье.
На том пути, что выбрал славный род,
Не вздумает болтаться всякий сброд.
Взмахнув крылами, обречен бессмертью,
В оливковом венке, небесной твердью
Летел бы ты, когда б у наших врат
Когорты Марса не стояли, брат!
Создать певца, однако, для примера,
Господь бы мог, по образцу Гомера,—
И просветить французов: «Бед запас
Для вас таит Беллона в этот час!»
Кому сидеть придется на престоле?
Как знать? Король отцом не будет боле.
Наследный принц — воитель записной,
И с малолетства бредит он войной.
Проворен и умен,— двуручной шпагой,
Мечом, копьем владеет он с отвагой.
Как молния блистает в битве он,
Но не дадут воссесть ему на трон!
Надменна стать мужей вооруженных,
Но жалок вид оруьем их сраженных!
Огни пожаров, груды мертвых тел,

Сиротство, кровь,— безмужних жен удел.
И торжества во вражеских когортах,
И корабли чужие — в наших портах!
Мы гибнем! Франции пришел конец.
О если б разум свой вложил творец
В такого короля, чтоб умудренный,
Он край заставил, кровью обогранный,
Свой век золотой вернуть и вновь обрести
Былую славу и былую честь.
Пороки отомрут. Без боя льготы
От короля получают гугеноты.
Закончится раскол, и Божий дом
Величие свое усмотрит в том,
Что, в римской церкви правоте уверясь,
Без прекословья отступила ересь.
Под благодатным ветром перемен
Как обойтись без девяти Камен,
Когда, предотвратив кровопролитье,
Произошло счастливое событие?
Пускай по всем провинциям, хваля
Величье и сердечность короля,
Девяткой сладкопевною Камены
Пройдут, воды испив из Иппокрены.
Я принца знал, когда он был дитя.
Но, под его эгидой обрета
Отчизну, где кровавые расправы
Исчезли вовсе и смягчились нравы,
Дай нам, господь, свидетелями стать
Того, как суждено ему блистать!
Но если Валуа расстаться с тронном
Судил творец, отдав его Бурбонам —
Нет вечного на свете ничего,—
Притом объединяет их родство!—
Пошли всевышний миролюбья, веры
И благодати двум домам сверх меры!
Пусть наши города в ближайший срок

Искоренят беспутство и порок.
Да не гнездится больше в них злосчастье,
Азартная игра и любово­стра­стье.
Да не скрывает еженощно мрак
Предательства, убийства, пьяных драк.
Пускай свои дурацкие затеи
Придворные шу­ты и лицедеи
Забудут навсегда, а мы, взамен,
Упьемся пен­ьем де­вя­ти Камен.
Звучать ему, до­ко­ле с небосклона
Сгоняет мглу светильник Аполлона,
И зали­ва­ет, но­вый день да­ря,
Восток багрянцем алая заря.
Пусть Феба жизнетворное сиянье
Развеет черной нечисти влиянье,
Чтоб не страшились ран и тайных чар
Ни ты, мой Нико­ля, ни я, Ронсар!

* * *

Я к старости клонюсь, вы постарели тоже.
А если бы нам слить две старости в одну,
И зиму превратить — как сможем — в ту весну,
Которая спасет от холода и дрожи?

Ведь старый человек на много лет моложе,
Когда не хочет быть у старости в плену,
Он этим придает всем чувствам новизну,
Он бодр, он как змея в блестящей новой коже.

К чему вам этот грим — вас только портит он,
Вы не обманете бегущих дней закон.
Уже не округлить вам ног, сухих, как палки,

Не сделать крепкой грудь и сладостной, как плод.
Но время — дайте срок! — личину с вас сорвет,
И лебедь белая взлетит из черной галки.

К читателю

В элегии должно быть тридцать — сорок строк,
Не более, чтоб ты читателя не мог,
Увлечшись болтовней, топить в словесном море,
Поэтому держи язык свой на запоре.
Читатель знающий презирает вмиг.
Ты с первой же строки вводи нас прямо в дело
И в мысли точен будь, а если подоспело
Сравненье редкое иль образ, ну, тогда
Украсить ими стих — невелика беда.
Но строчки две — и все! Сюжет веди построже,—
Пусть не торопится, но и не медлит тоже.
Будь прост, и зазвучит, отточенно-легка,
Как острый афоризм, последняя строка...

* * *

Вон из книг моих, Гревен!
Ты подался в Кальвинисты
Ты отныне мной презрен,
(А точнее — в Атеисты),
И чернит твоё враньё
Имя доброе мое,
То, которое когда-то
Славил ты витиевато,—
Я отступникам не брат!
Да и ты, кто невпопад
Назван был Христианином,
Но уставам чужд старинным,—
Прекрати свой злобный лай,
Мне напастей не желай,
Не беснуйся ты впустую,
Церковь не хули святую,
Не порочь изо всех сил
Тех, кто так тебя любил.
О безмозглые поэты,
Бросьте гнусные наветы,
Иль мой кухонный мужик
Вам ответит напрямик,
Без учтивости и лести,
Да и в том вам много чести!

Эпитафия

Здесь погребен Ронсар. Камен заставил он
Прийти во Францию, покинув Геликон.
За Фебом шествовал он с лирой дерзновенной.
Но одержала смерть победу над Каменной.
Жестокой участи он избежать не мог.
Земля покоит прах, а душу принял бог.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 28. Первая книга любви (Кассандра).— Хотя каждый цикл любовных стихотворений Ронсара посвящен конкретной даме, деление весьма условно. Не сказал ли сам поэт, что, подобно Тибуллу, способен любить одновременно и Мари, и Жанну, не требуя ни от одной слишком многого? Это отразилось на образной системе: каждая ронсаровская героиня — не столько живая женщина, сколько абстракция, «предмет страсти» и как таковой описывается условными красками. Нетрудно заметить, что, принимаясь за новый портрет, Ронсар иногда не счищает с палитры краски, оставшиеся после работы над предыдущим. Знаменитое стихотворение, где рассказывается, как поэт будит возлюбленную, формально относится к «циклу Мари». Но в одном варианте она действительно названа по имени, в другом обозначена словом *Mig-poppe*, а следовательно, можно без ущерба отдать стихотворение под покровительство Елене или Астрее... Существует даже сонет, в котором воспеты сразу две Мари, бургейская и парижская («От прекрасной Марии к Марии другой...»). Если же вспомнить, что многие ронсаровские стихи навеяны античными поэтами, Иоанном Секундом, Петраркой и др., а некоторые были даже специально заказаны королями, принцами, разными друзьями для их возлюбленных,— зыбкость границ между «циклами» покажется особенно очевидной.

Стр. 30. О Денизо, сумел явить твой гений...— Никола Денизо (1515—1559), несмотря на похвалу Ронсара и Реми Белло, не был талантливым художником и поэтом. Тем не менее он пользовался известностью как сторонник новых форм стихосложения, дружил с поэтами «Плеяды», публиковал стихи

под псевдонимом «граф д'Альсинуа» (анаграмма его имени); ему приписывается авторство портретов Ронсара и Кассандры, помещенных в первом издании «Книги любви» (1552).

Стр. 33. ...я золотым дождем ей лился в лоно...— Царь Акрисий, которому оракул предсказал смерть от руки внука, заключил свою дочь Данаю в медную башню. Юпитер проник туда, превратившись в золотой дождь. *Ее, как Бык, сошедший с небосклона, умчал...*— У Европы, дочери финикийского царя Агенора, кожа стала ослепительно белой, благодаря тому, что дочь Юноны подарила ей краску, похищенную у матери. Юпитер заметил Европу, когда та вместе с подругами гуляла на морском берегу. Превратившись в белого быка, он завлек Европу к себе на спину и уплыл на остров Крит.

Стр. 35. ...чем назову я рыжую богиней, иль к синеокой преклоню мой взор.— В оригинале «опровергается» красота зеленоглазой блондинки и превозносятся не столько карие, сколько просто темные глаза. Это очень важная деталь, позволяющая судить не о красоте реальной Кассандры, а о том, какие были тогда в моде глаза и волосы, ибо Ронсар мгновенно откликнулся на молниеносные изменения моды и не думал оправдываться, если прославляемый сейчас оттенок порицался им в предыдущей книге.

Стр. 37. Всю боль, что я терплю в недуге поэта енно м...— Сюжет этого, как, впрочем, и многих сонетов, посвященных Кассандре, навеян Петраркой; только Петрарка сравнивает себя с Аполлоном, влюбленным в Дафну, а Ронсар — с Аполлоном, томящимся по троянской принцессе Кассандре. Из «Мемуаров» Брантома явствует, что современники тонко чувствовали связь Петрарки и Ронсара: «Однажды в Венеции я спросил у книгопродавца комментированный том Петрарки. Услышав это, великолепный дворянин, забавлявшийся чтением какой-то книги, сказал мне на полуитальянском, полуфранцузском языке (он раньше был послом во Франции): «Сударь мой, меня поражает ваше желание найти Петрарку у нас, в то время, как он есть в вашей Франции, да еще в два раза лучше нашего — господин де Ронсар!» После чего начал расхваливать его, поставив выше всех ему известных поэтов, и проговорил со мною весьма долго...»

Стр. 59. *Тиар Понтюс де (1521—1605)* — поэт, участник «Плеяды».

Стр. 60. *Дю Белле Жоашен (1522—1560)* — известный поэт, участник «Плеяды», находившийся в то время на дипломатической службе в Риме вместе с поэтом Оливье де Маньи.

Стр. 62. *Мари-ленивица!* Пора вставать с постели... — Не исключена возможность, что этим знаменитым сонетом Ронсара навеяны пушкинские строки: «Мороз и солнце! День чудесный...»

Стр. 73. *Амуретта.* — Рассуждая о различии слов *Amour* и *amourette*, аббат Жирар (1677—1748), составитель первого во Франции словаря синонимов (1718), вспоминает о Ронсаре: «Гениальные люди, — говорит Жирар, — редко отдают себя Любви, так как, царя тиранично, она привязывает к одной женщине и настолько заполняет, что делает безразличным к достоинствам других; зато они охотно посвящают досуг *амуреттам*...» Внимательное чтение Ронсара убеждает, что большинство его стихотворений могут иметь подзаголовок *амуретта*. Даже сама форма стиха, его игривость, легкость, эфирность настраивает на шутивно-легкомысленный лад, побуждая усомниться в серьезности чувств Ронсара.

Стр. 81. *Песня («Коснись, молю богами...»)* — Стихотворение заказано принцем де Конде, без памяти влюбленным в Изабель де Лимей, фрейлину королевы-матери. В ту эпоху не находили странным, если любящие обменивались стихами, сочиненными для них профессиональными поэтами. Но за подобными нежностями нередко таилась политическая подоплека. По приказу Екатерины Медичи героиня ронсаровского стихотворения вдохновляла принца де Конде на антипротестантские подвиги (он отнял у англичан Гавр, подписывал договоры, невыгодные гугенотам, и т. д.).

Стр. 85. «*Проведа в, что с другим...*» — Красота этого сонета — в неожиданном контрасте первой строки, которая в оригинале звучит резко и определеннее: *Pourtant si ta maitresse est un petit putain...* (отметим попутно искусные аллитерации *rou-re-pu*) и последующего спокойного, насмешливо-дидактического тона. *Но Цинтия — пример, тебе не безызвестный...* Цинтия — героиня

лирических стихов римского поэта Проперция (ок. 47 — ок. 15 г. до н. э.) *Так усмири свой гнев...*— Совет Ронсара кажется излишним: в ту эпоху ревность была не в моде; негласный кодекс предписывал благовоспитанным людям закрывать глаза на шалости любимых.

Стр. 87. С м е р т ь М а р и и.— Здесь оплакивается не столько возлюбленная Ронсара, сколько Мари де Клев, принцесса де Конде (1553—1574), боготворимая Генрихом III. Но почему-то Ронсар, как и все придворные, хорошо осведомленный в тайнах Лувра, не воскресил истинно поэтический момент первой встречи, самое прекрасное воспоминание Генриха III: во время праздника по случаю бракосочетания короля Наваррского и принцессы Маргариты разгоряченный танцем Генрих окунул лицо в полотене, не думая, что это сорочка, сброшенная Мари де Клев минутой раньше...

Стр. 92. С о н е т ы к Е л е н е.— *Элен де Сюржер*, воспетую и Ронсаром, и Депортом, современники именовали «придворной ученой» и «Минервой». Это была не единственная дама при дворе последних Валуа, заслуживающая подобных титулов. В XVI веке ученость придворных дам являлась нормой, а не исключением. Они хорошо знали античную и современную литературу; им понятен был каждый намек Монтеня и Ронсара. Как и м-ль де Лимей, Элен де Сюржер состояла на службе королевы-матери, то есть была девицей из «Летучего Эскадрона», призванного соблазнять врагов королевы, ссорить их между собой, выведывать государственные тайны, предупреждать заговоры. Брантом превосходно охарактеризовал этих «богинь», сказав: «Все эти фрейлины созданы, чтобы поджечь целый мир. Они и сожгли добрую часть как наших придворных, так и других, приблизившихся к их пламени».

Стр. 100. Глава, ты — малый мир, часть горнего чертога, и звений мировых тебе известен круг!— Эти строки показывают, что Ронсар был хорошо знаком с учением древних мудрецов, согласно которому человек — не жалкий червь, а микрокосм, квинт-эссенция всего мира, Вселенная в миниатюре, с которой он связан тысячью нитей. Эта истина была ведома всем гениям Возрождения и позволила им создавать сказочные дворцы, гигантские фрески, величественные статуи, то есть бесконечный гимн во славу человека и мироздания. Человека воспринимали как Титана. Кроме того,

что кости сравнивали с горами, плоть — с землей, вены — с большими и малыми реками, вливающимися друг в друга, а потом — в море; волосы — с травами; рот — с арктическим полюсом, живот — с антарктическим, а кровь — с огнем, — каждая часть человеческого тела соответствовала определенному космическому: например, сердце, или средоточие центрального огня, знаменовало солнце; голова символизировала небо. Таким образом, разум находился в теснейшем соприкосновении с космосом, черпая из него «духовную пищу». Поэтому Ронсар имел все основания для того, чтобы назвать голову *училищем искусств и всех наук*.

Стр. 105. Лимон и апельсин — два символа любовных х... — Еще у древних греков дар яблока или апельсина означал приглашение к любви. По словам Реми Белло, «апельсин особенно символизирует Сладострастие, Грацию и Любовь». ...*тех яблок ...которыми прельстил бегунью Гиппомен*. — Согласно греческому мифу, царская дочь Аталанта обещала отдать руку тому, кто сумеет обогнать ее в беге. Гиппомен обронил одно за другим три яблока, которые Венера сорвала для него в саду Гесперид, и, пока Аталанта собирала их, сумел уйти далеко. Но Гиппомен совершил непоправимую ошибку: забыл поблагодарить Венеру. Уязвленная богиня разожгла в нем страсть; Гиппомен и Аталанта осквернили храм Кибелы, за что были превращены во львов.

Стр. 106. Ты помнишь, милая, как ты в окне глядела... — Аналогичная пронзительная нота звучит в стихотворении Бодлера «Исповедь», с той лишь разницей, что его героиня жалуется на непостоянство, на человеческий эгоизм, на «тягостное ремесло быть красавицей». Это не единственный случай, когда, читая Ронсара, вспоминаешь о Бодлере. Автору «Цветов Зла» пригодился ритм стихотворения «Ручью Беллери»; ему понравилось, и он вставил в собственный стих ронсаровское словечко *gondelet*; не остановился Бодлер даже перед заимствованием целой картины для «Путешествия на Цитеру»: звери, терзающие мертвецов, списаны с ронсаровских псов, бродящих под монфоконской виселицей. Здесь нет ничего странного: в пору юности Бодлер искал собственный путь с помощью Вийона и поэтов «Плеяды»; особенно дорог ему был Ронсар, чьи книги, как вспоминают друзья, составляли

маленькую библиотеку дома на набережной Бетюн. Бодлер с восхищением говорит о Ронсаре в статьях «Эжезипп Моро» и «Теодор де Банвиль».

Стр. 120. Превозносить любовь — занятие для глупца... — Этот и особенно LIII сонет значительно отличаются от большинства ронсаровских воздыханий, являясь резким скачком от мифологии и петраркизма к реальной жизни. Назвать в любовном стихотворении свою эпоху «веком безверия», родную страну — «символом смерти», начать сонет с реалистической картины: «Увидев, что мой дом разграблен солдатней...» (действительно, одно из приорств Ронсара было сожжено гугенотами) — представляло определенную смелость и новизну.

Стр. 125. *Ужель не видишь ты, как лицемерен двор?..* — Мысль о том, что королевский двор — школа лжи, выражена и в сонете XLVIII, но особенно резко в посвященной Карлу IX «Оде против Двора», которая из-за откровенно критического тона была опубликована только в девятнадцатом веке.

Стр. 131. *...Сложила ты на холм Лукреции могильный...* — Лукреция де Баквиль — рано умершая подруга Элен де Сюржер.

Стр. 138. *О да Мишелю де Лопиталю.* — Если каждый персонаж XVI века был оригинальным, то Мишель де Лопиталь (1505—1573) был неповторимым: единственный, кто осмелился воспротивиться общему потоку, попытался воздвигнуть своего рода плотину. Ставший президентом парижского парламента и канцлером Франции, Мишель де Лопиталь всю жизнь боролся со всякого рода коррупцией, пресекал взяточничество, казнокрадство и самое главное — всеми силами стремился предотвратить братоубийственную войну. Это он не допустил учреждение инквизиции во Франции, выступал за примирение католиков и гугенотов, чем навлек на себя страшный гнев Гизов, Екатерины Медичи и Карла IX. Непонятно, где он находил время для творчества, но написанные по-латыни сатиры Мишеля де Лопиталья были приняты современниками за неизвестные стихи Горация и Ювенала. Высоко ценя духовные и нравственные качества Лопиталья, Ронсар обращается к нему как к единомышленнику.

Стр. 139. *Отдай божественных певцов, Пророков, магов и*

поэтов...— Ода перекликается со многими стихотворениями Ронсара, в частности, «Гимном Вечности». Поставив в один ряд пророков, магов и поэтов, Ронсар напомнил об эпохе глубокой древности, когда на поэта была возложена высочайшая духовная миссия: быть одновременно преобразователем общества, повелителем стихий, жрецом, прорицателем.

Стр. 146. *И, внемля их науке вещей, запели первые певцы...*— Говоря о бессмертных кифаредах, Ронсар отсылает читателя во Фракию, где находились древнейшие святилища, источник *вещей науки*.

Оттуда произошел человек, поначалу известный как «сын Аполлона», который был посвящен жрецами Мемфиса в их мистерии и получил имя Орфей, буквально: «излечивающий светом». Имя Орфея здесь служит символом магической власти интеллекта над инстинктами, низменными побуждениями, братоубийственной рознью. Гигантская творческая и преобразовательная сила заключалась и в лире Амфиона, сына Юпитера и Антиопы: ее звуки привели в движение камни, отчего выросли стены Фив. Амфион, как и Орфей, олицетворяет собой мудрого воспитателя, законодателя, превращавшего дикого человека в цивилизованного. Таким был и Лин, сын Аполлона и Терпсихоры, получивший от отца лиру с тремя льняными струнами; правда, бог отнял у него жизнь за то, что Лин осмелился заменить льняные струны на кишечные, более гармоничные. Согласно другой легенде, Лин, сын фиванца Исмения, обучал игре Геркулеса и был убит им за то, что осмелился сделать замечание. За дерзость был наказан и фракийский поэт и музыкант Тамирис, воспевавший борьбу Титанов: он осмелился вызвать на состязание самих Муз и в неравной борьбе потерпел поражение. Музы отняли у Тамириса голос, разум, способность играть на кифаре, которую он в отчаянии выбросил в реку.

Драматизм этих историй — не просто художественная «начинка», присущая мифам, а отражение реальных конфликтов, трудностей, с которыми приходилось сталкиваться творцам, преодолевающим косность людей и даже посягающим на законы природы.

Стр. 150. *Пойдем, возлюбленная, взглянем...*— Ронсар всегда был одержим идеей соединения поэзии и музыки,

помня о том, что для египетских мудрецов — учителей Орфея, Пифагора, Платона и других философов и законодателей, термин «музыка» обладал очень широким смыслом. Изучающий музыку постигал основы поэзии, истории, геометрии, даже медицины! Ронсар знал и о том, что стихотворения знаменитых поэтов античности пелись в сопровождении игры на музыкальных инструментах, что традиция эта была возобновлена средневековыми лириками и его современниками. Сам он говорил: «Поэзия без музыки или без обаяния одного или нескольких голосов нисколько не хороша, так же, как и звучание музыкальных инструментов, не оживленное мелодией приятного голоса». В конце «Книги Любви», напечатанной в 1552 году, находилось десять пьес для четырех голосов. Их составили Пьер Сертон, Клод Гудимель, Клеман Жанкен, Марк-Антуан де Мюре. Стихотворениями Ронсара вдохновлялись также Жан Шардаван, Николя де ля Гротт, Орlando де Лассо и другие. Самым же популярным было стихотворение «Пойдем, возлюбленная, взглянем», музыкально адаптированное Гийомом Костелэ. Развитие ронсаровской идеи мы находим в работах Эдгара По и Стефана Малларме. Мечта Ронсара о синтезе поэзии и музыки воплотилась и в книгах русских поэтов: в «Симфониях» и романах Андрея Белого, в творчестве М. Кузмина.

Стр. 151. К л и р е. *Коль нравлюсь я и хворь души лечу...*— В этой строке заключен огромный смысл. Герои ронсаровских стихотворений, те, кем были познаны секреты Универсальной Медицины, умели врачевать не только душу отдельного человека, но и душу целой нации. До появления Орфея и до начала его преобразований Греция, лишенная единой творческой созидательной энергии, страдала от постоянных междоусобиц, причина которых — все та же: столкновение эгоистических воль, разгул низменных инстинктов. В соседней Фракии торжествовал культ Гекаты, то есть поощрение слепых сил природы и опасных человеческих страстей. Всесильные жрицы Луны, называвшие себя Вакханками, занимались не абстрактной волшеббой. Они сумели создать и длительное время поддерживали атмосферу страха, порока и безжалостно истребляли тех, кто пытался сопротивляться. Их фетишем служил адский Бахус, двуполоый Сатана с бычьей мордой, культ

которого прослеживается и в средние века: он будет именоваться Бафометом.

Стр. 163. *«Недаром к Девам дождевым попало взятое живым от матери сожженной чадо...»*— Юнона, рассерженная вниманием Юпитера к царице Семеле, посоветовала ей потребовать от возлюбленного, чтобы тот пришел со всеми атрибутами своей славы. Юпитер внял настойчивым просьбам Семелы: явился в сопровождении громов и молний. Дворец загорелся, и Семела погибла в пламени. Но дитя Юпитера и Семелы, будущий Вакх, было спасено из огня Вулканом. Юпитер зашил его в ляжку, где Вакх пробыл девять месяцев, а затем был воспитан Хиадами (дочерьми Атласа и Эфры и сестрами Плект). Дождевыми девами их назвали потому, что боги, растроганные их плачем по разорванному львом брату, вознесли сестер на небо. Созвездие, образованное ими, предвещает дождь.

Стр. 207. *«За то, что песни слил я двух певцов...»*— то есть Пиндара и Горация.

Стр. 212. Г и м н В е ч н о с т и.— Все три Маргариты из рода Валуа-Ангулем покровительствовали поэтам, философам, художникам, музыкантам. В отличие от сестры Франциска I, прославившейся еще как автор книги «Гептамерон», стихотворений и «Писем», и дочери Генриха II «королевы Марго», оставившей замечательные «Мемуары», дочь Франциска I, *Маргарита Французская* (1523—1574), прозванная за свою доброту «матерью народа», творчеством не занималась, но сумела создать творческую атмосферу, окружив себя самыми блестящими умами эпохи. Ей Ронсар посвятил «Пасторальную песнь», в которой несколько напыщенно благословляет ее союз с герцогом Савойским, и «Гимн Вечности».

...Орфеем новым стать и, робость поборов, сорвать с небесных тайн сверкающий покров...— Хотя Ронсар и не открывает никаких заповедных тайн Природы и Небес, постоянная ориентация на Орфея, стремление к высшей духовной цели очень важны для его эстетической и нравственной позиции. В «Ответе Пьера де Ронсара на оскорбления и клевету» особенно отчетливо выражено желание быть похожим на понтифов и пророков, «чья душа была зажжена Аполлоном; кто принес Грекам античную магию; знал секреты

небесных светил; читал в сердце зверей предсказания; говорил на языке птиц-прорицательниц; чей голос заставлял, как коз, прыгать скалы и леса; кто был проводником божественной воли».

Стр. 238. Речь против Фортуны (Одэ Колиньи).— Одэ де Колиньи, кардинал Шатильонский (1515—1571) — брат адмирала де Колиньи, вождя гугенотской партии. *Вам, вам я жалуюсь, любезный Меценат...*— В «Жизнеописаниях прославленных капитанов» Брантом называется кардинала де Колиньи мудрецом, меценатом, любезным человеком и храбрым бойцом, явившим миру пример того, что благородное и щедрое сердце не может ни солгать, ни дрогнуть...

Стр. 240. *Питодец аонид...*— Аонидами именовались Музы Аонийских гор, названных так в честь Аона, сына Нептуна (по другой версии — Юпитера и нимфы), который обосновался здесь после того, как вынужден был бежать из Апулии. *Дриады* (от л а т. *dryas* и г р е ч. *druas*) — согласно мифологии, нимфы — защитницы деревьев; изображались обычно в виде крепких женщин, силуэт которых напоминал в то же время ствол и корни дерева; голова была увенчана венком из дубовых листьев, в руке — топор, поскольку считалось, что они должны отомстить людям за увечья, нанесенные дубу. Дриады имели возможность свободно бродить, плясать вокруг дубов и даже выходить замуж за людей (дриадой была жена Орфея Эвридика); судьба дриад, переживавших смерть дерева, была более счастливой, чем судьба нимф гамадриад, которые погибали вместе со срубленным дубом.

Сильваны (от л а т. *sylvanus*) — божество, покровительствовавшее лесам, полям, стадам, фруктовым деревьям.

Муз греческой земли во Францию привезть...— В разных стихотворениях («К лире», «К Музе», «Эпитафия» и др.) Ронсар с гордостью подчеркивает, что переселил во Францию муз Геликона.

Стр. 241. *Преобразился я, как Главк, из рыбака в морское чудище...*— Главк — сын Нептуна и Наиды, знаменитый рыбак из города Анфедона в Беотии. Заметив однажды, что рыба, положенная им в водоросли на берегу, оживает и бросается в море, Главк решил отвезти этой чудодейственной морской травы и тотчас превратился в Тритона. После чего жители Анфедона поклонялись

ему как морскому богу, воздвигли храм, приносили жертвы.
...Или Астольф быллинный...— Альсина, героиня поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», превращала своих возлюбленных в деревья, скалы, родники. Английский принц Астольф был превращен ею в миртовое дерево.

Стр. 243. *Кастальского ключа забыл он вкус блаженный...*— Аполлон превратил свою возлюбленную Касталию в родник, способный вселять поэтический гений в того, кто испробует его воду.

Стр. 247. ...*Виллеганьон* — французский адмирал; сделал попытку основать в Бразилии протестантскую колонию.

Стр. 248. ...*Не смея никогда дерзнуть и отличиться...*— При всей правоте Ронсара следует заметить, что были все же тогда и герои, движимые иными чувствами, нежели зависть и стремление к богатству и власти. Например, храбрец и забияка Бюсси д'Амбуаз, который ввязывался во все сражения, руководствуясь не приказами принца, а единственно желанием нравиться своей даме. «И он, конечно, прав,— говорит его лучший друг Брантом.— Ничто не стоит любви и благоволения прекрасной и благородной дамы».

Стр. 250. ...*Слетит она с высот, как легкрылый гений, но выпросить нельзя у бога вдохновений!*...— Одна из любимых, неоднократно разрабатываемых Ронсаром тем. В послании к Реми Белло он с гордостью подчеркивает, что родиной его предков, как и родиной Орфея, была Фракия («Так, родом предок наш из тех краев,— мы знаем,— где с хладным Фракия соседствует Дунаем...»). А «Фракия» для античных поэтов и мудрецов являлась не столько географическим понятием, сколько символом родины духовной доктрины и священной поэзии. Не случайно ведь слово «Фракия» происходит от финикийского, обозначающего «эфирное пространство, небесную твердь».

Стр. 254. *Леско* Пьер (1515—1578) — французский архитектор, автор юго-западного крыла Квадратного двора Лувра и дворца Карнавале.

Стр. 255. *Как верная сестра, с Поэзией вдвоем жила премудрая Наука Врачеванья...*— Медицину не отделяли от других искусств и наук, изучавшихся в древних храмах под руководством мудрецов. Чтобы попасть в эти университеты, следовало доказать чистоту и

твердость своих помыслов, перенести испытания, превосходящие возможности «просто любопытных». Неофит, допущенный к испытаниям, проходил проверку огнем, водой и воздухом. Да и весь курс обучения, длящийся десятилетиями, был вечным испытанием воли и сердца. Пифагор получил основы знаний в Фивах и усовершенствовал их в Вавилоне. Фалес и Демокрит учились в Мемфисе, как и Орфей. Платон — в Гелиополисе. Ликург и Солон — в Саисе. Подобно тому, как строжайше запрещалось выдавать тайны музыки, считалось недопустимым разглашение тайн медицины; об этом предупреждала статуя Гарпократа, сына Изиды и Озириса, стоявшая перед входом в храм.

Стр. 259. Кот. Реми Белло, поэту.— Не случайно Ронсар адресует этот маленький философский трактат Реми Белло и не случайно подчеркивает в подзаголовке: поэту. Поймать на лету ронсаровскую мысль был способен поэт, причем склада Реми Белло, то есть поэт, которому блеск драгоценного камня интересен постольку, поскольку в нем угадывается свет иных миров. Ронсару не нужно было долго доказывать, что *бессмертна так же, так же совершенна, часть существа, не знающего тлена*. Для Реми Белло эта истина была столь же очевидна, как и для египтян, знающих наизусть «Книгу Мертвых». *Нос не свали, зная наперед, что здесь не терпят даже слова кот*.— Интересно сопоставить ронсаровские размышления с мыслями Теофиля Готье, который с восхищением говорит о кошке, бархатными шагами бродящей по дому как «гений места» и следящей за работой писателя с «сознательной нежностью и магической проникновенностью». Неприязнь Ронсара к кошкам не помешала ему оценить те их свойства, о которых Готье прекрасно скажет: «У этих обаятельных животных, столь разумных днем, есть еще ночная сторона, таинственная, кабалистическая... У Кошки такой вид, будто она знает самые свежие новости шабаша, и она охотно трется о хромую ногу Мефистофеля». Кошек с удовольствием и неоднократно воспевал в «Цветях Зла» Шарль Бодлер. В качестве духа, которому ведомы высшие тайны, предстает она и в стихотворении Малларме «Осенняя жалоба». О кошачьих талантах сообщит Мопассан в новелле-диссертации «О кошках»...

Стр. 269. М и р. Генриху II.— Генрих II (1519—1559), муж

Екатерины Медичи, отец будущих Франциска II, Карла IX, Маргариты Наваррской, Генриха III, герцога Алансонского, любил не только войну, охоту и сочетание черного с белым — цвета его возлюбленной Дианы де Пуатье. В «Мемуарах» Брантом подчеркивает, насколько он ценил писателей и прежде всего Ронсара, «превратившего лохмотья, какими была поэзия, в нарядное платье... Король называл его стихотворения своим лакомством, всегда делал ему добро и одаривал». Генрих II написал несколько стихов, адресованных Диане де Пуатье; они вполне соответствуют уровню поэзии той эпохи. Король всегда был весьма чуток к эстетической стороне явлений, будь то эстетика интерьера или эстетика поединка. Жители Лиона, встречая Генриха II, угостили его пышным спектаклем, состоящим из трех действий. В первом был показан бой гладиаторов в античных нарядах; во втором — морское сражение; капитанами и матросами были самые прекрасные лионэзки; в третьем выступил хор нимф. Причем героиней праздника была наряженная нимфой девятилетняя девочка, которой никто не предсказал, что она станет позднее женой адмирала де Колиньи, убежит после его гибели в Савойю, где будет заключена в тюрьму по обвинению в колдовстве. Сам же Генрих II легкомысленно отнесся к словам знаменитого астролога Луки Гаурика, предсказавшего королю смерть на турнире. Король принял участие в состязании и, по странному совпадению, был смертельно ранен.

Стр. 278. Н а с т а в л е н и е К а р л у I X.— Если сопоставить благородные пожелания Ронсара с действительностью, окажется, что все поступки Карла IX (1550—1574) не имели ничего общего с деяниями мудрого монарха. Несчастный в любви; игрушка в руках то матери, то адмирала де Колиньи, по сравнению с которым он особенно остро чувствовал свое ничтожество; завидующий брату — Карл IX вечно бросался из одной крайности в другую. Возлюбленная короля, Мари Туше, будучи сторонницей адмирала де Колиньи, науськивала короля на испанцев, что заставило католиков ускорить действия против гугенотов. Карл, при всех своих недостатках, ценил Ронсара. Ему даже приписывается стихотворение, в котором поэт просит не забывать дорогу во дворец, если Ронсар не хочет огорчить короля.

Стр. 284. Реч ь к де М а з ю р у.— Сначала секретарь Лотарингского дома, затем протестантский пастор, Луи де Мазюр (1523—1580) был первым во Франции переводчиком «Энеиды». Его перу принадлежит также драматическая трилогия («Давид-борец», «Давид-победитель», «Давид-беглец»), элегии, эпиграммы, лирические миниатюры.

Стр. 288. *Гийом Дезотель* (1529—1581) — французский поэт, подражавший Петрарке и Ронсару.

Стр. 304. «Я так спешил к тебе...» «Чтоб ваш любовник был...» — Два этих стихотворения извлечены из цикла «Сонеты и мадригалы Астрее». Ронсар, как легко заметить, никогда не упускал возможности облагородить и обыграть имя возлюбленной с помощью мифа. Астрея (по мифу — дочь Юпитера и Фемиды) — это Франсуаза д'Эстре, в девичестве Франсуаза Бабу де ла Бурдезьер. Но ассоциация, внушаемая читателю, могла вызвать только улыбку современников: в отличие от мифологической Астреи, которая, опечалившись при виде преступлений человека, вернулась на небо и образовала созвездие Девы, ронсаровская происходила из рода, который, как язвительно сказал Таллеман де Рео, был самым плодовитым во Франции по части женщин не строгого поведения. Шесть дочерей и сын г-жи д'Эстре (в их числе — Прекрасная Габриэль) были названы «семью смертными грехами». Бурная жизнь самой «Астреи» оборвалась трагически: вместе со своим возлюбленным, маркизом д'Аллегром, она была заколота и выброшена из окна сторонниками Лиги.

Стр. 306. «Как вьется виноград...» — Хотя Ронсар был достаточно опытен, чтобы выразить собственные переживания, большинство звучащих в его стихах (в том числе и в этом) поцелуев «взято напрокат», навеяно поэтами прошлого и даже современниками. Кроме античных авторов, поцелуи были воспеты Иоанном Секундом, Луизой Лабе, Марком Папийоном де Ляфриз и другими. При всех явных и не слишком бросающихся в глаза аналогиях это не умаляет, как ни странно, достоинств ронсаровских стихов: он располагает своим рецептом любовного эликсира. Читателей XX века Ронсар пленяет простотой и естественностью интонации. Чем «домашнее» его тон, чем меньше загружено стихотворение

условно-аллегорической лексикой, тем большим доверием и симпатией проникается к поэту современный читатель. Но мы должны, конечно, учитывать настроение, вкусы, пристрастия читателей XVI века, чье восприятие существенно отличается от восприятия нынешних, воспитывавшихся на иных образцах.

Стр. 316. *Жак Гревен* (ок. 1540—1570) — врач и поэт, автор трагедий, ценимых современниками.

Стр. 321. *Эпитафия Реми Белло*. «*Себе построил он гробницу из Камней драгоценных сам...*» — Реми Белло (1528—1577) был не просто лучшим другом Ронсара и тем, кого провозгласил тот «седьмой звездой Плеяды». Их объединяли еще и общие темы и даже вдохновительницы. Один из ронсаровских сонетов Елене — «*В агате Солнца знак запечатлен...*» навеян, видимо, не столько глазами этой дамы, сколько стихотворением Белло «Агат», посвященным, кстати, ей же. Оно входит в сборник стихотворений Белло, выпущенный в 1576 году, где трактуется о волшебных свойствах драгоценных камней, являющихся сгустками света разных планет. Именно на эту книгу, с восторгом принятую современниками, намекает Ронсар в «Эпитафии Реми Белло».

Стр. 328. *Элегия. Филиппу Депорту*. — Филипп Депорт (1546—1606), как и другие творцы той эпохи, был мастером на все руки и слугой многих господ. Поэзия не поглощала всей его энергии. Депорт любил Музу постольку, поскольку она помогала ему преуспеть. За стихи, прославляющие Галантных дам, речи в защиту поэзии и прочие услуги Депорт получил от Генриха III не только разрешение заседать в королевском совете, но и аббатства Тирон и Жозафа (позднее к ним присоединилось еще два: Бонпор и Во-де-Сернэ), что приносило ему сорок тысяч ливров годового дохода. Это не помешало поэту переметнуться к врагам короля. Неудивительно, что, будучи олицетворением того неспокойного, изменчивого времени, Депорт ухитрился выжить, сохранить и расположение нового короля, Генриха IV, и титул Принца поэтов, и — что чуть труднее — свое недвижимое имущество.

Стр. 341. *Эпитафия*. Пожалуй, ни в одном стихотворении Ронсар не достигает такой афористичности. Если в других вещах замечается и многословие, и, порой, театральность, побуждающая

усомниться в искренности поэта даже когда он не на шутку рассержен или печален, то здесь нет ни одного лишнего слова, ни одного фальшивого вздоха.

Геликон — река в Македонии. Вакханки, убившие Орфея, пожелали омыться и очиститься водами Геликона. Но река ушла под землю, чтобы не служить им, и возникла в двадцати двух стадиях от этого места. Геликоном именовали также беотийскую гору между Парнасом и Кифероном; там находился храм, посвященный Музам, источник Гиппокрена, возникший от удара копыта Пегаса, грот нимф Либетриды и могила Орфея.

И. Карбугенко

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Виппер. Поэзия Ронсара</i>	3
* «Едва Камена мне источник свой открыла...» <i>Перевод В. Левика</i>	27

ПЕРВАЯ КНИГА ЛЮБВИ

(*Кассандра*)

Обет. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	28
* «Кто хочет зреть, как бог овладевает мною...» <i>Перевод В. Левика</i>	29
* «Гранитный пик над голой крутизной...» <i>Перевод В. Левика</i>	30
* «Любя, клян, дерзаю, но не смею...» <i>Перевод В. Левика</i>	31
* «В твоих кудрях нежданный снег блеснет...» <i>Перевод В. Левика</i>	32
* «О, если бы, сверкая желтизной...» <i>Перевод В. Левика</i>	33
«Два карих глаза, ясных два топаза...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	34
* «Скорей погаснет в небе звездный хор...» <i>Перевод В. Левика</i>	35

* «Когда, как хмель, что, ветку обнимая...» <i>Перевод В. Левика</i>	36
* «Всю боль, что я терплю в недуге потаенном...» <i>Перевод В. Левика</i>	37
* «Когда ты, встав от сна богиней благосклонной...» <i>Перевод В. Левика</i>	38
* «Подчас боязнь и тотчас упование...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	39
* «До той поры, как в мир любовь пришла...» <i>Перевод В. Левика</i>	40
* «Как молодая лань, едва весна...» <i>Перевод В. Левика</i>	41
* «Нет, ни камеля, золотом одета...» <i>Перевод В. Левика</i>	42
* «Дриаду в поле встретил я весной...» <i>Перевод В. Левика</i>	43
* «Когда прекрасные глаза твои в изгнанье...» <i>Перевод В. Левика</i>	44
* «О воздух, ветры, небеса и горы...» <i>Перевод А. Парина</i>	45
«Ни щедрые дары из нежных рук...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	46
* «В твоих объятьях даже смерть желанна!» <i>Перевод В. Левика</i>	47
К Кассандре. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	48
«Я плачу, плачь и ты, мой грустный дом...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	50
* Стансы. <i>Перевод В. Левика</i>	51
«Амур и Марс не схожи ль меж собою?...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	53
* «Сотри, мой паж, безжалостной рукою...» <i>Перевод В. Левика</i>	54
* «Своих мужей искусница Елена...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	55
* «Когда одна, от шума в стороне...» <i>Перевод В. Левика</i>	56
* «Бродил я, горьких слез лия поток...» <i>Перевод А. Парина</i>	57
* «Хочу три дня мечтать, читая «Илиаду»...» <i>Перевод В. Левика</i>	58

ВТОРАЯ КНИГА ЛЮБВИ

(Мария)

- * «Когда я начинал, Тиар, мне говорили...» *Перевод В. Левика* 59
- * «Меж тем как ты живешь на древнем Палатине...» *Перевод В. Левика* 60
- * «Ко мне, друзья мои, сегодня я пирую!..» *Перевод В. Левика* 61
- * «Мари-ленивица! Пора вставать с постели!..» *Перевод В. Левика* 62
- * «Любовь — волшебница. Я мог бы целый год...» *Перевод В. Левика* 63
- * «Когда лихой боец, предчувствующий старость...» *Перевод В. Левика* 64
- «Постылы мне дома и грохот городской...» *Перевод Р. Дубровкина* 65
- * «Да женщина ли вы? Ужель вы так жестоки...» *Перевод В. Левика* 66
- * «Коль на сто миль вокруг найдется хоть одна...» *Перевод В. Левика* 67
- «Будь я Юпитером, была бы ты Юноной...» *Перевод Р. Дубровкина* 68
- «Мари! Вы знаете, мой пламень не потух...» *Перевод А. Ибрагимова* 69
- * «Мари, перевернув рассудок бедный мой...» *Перевод В. Левика* 70
- * «Ты плачешь, песнь моя? Таков судьбы запрет...» *Перевод В. Левика* 71
- * Амуретта («Вы слышите, все громче воет вьюга...»). *Перевод В. Левика* 72
- * Веретено. *Перевод В. Левика* 74
- * Песня («Если вижу, что весна...»). *Перевод С. Шервинского* 76
- * Песня («Коснись, молю богами...»). *Перевод С. Шервинского* 81

* «Что я люблю Мари — то истина святая...» <i>Перевод В. Левика</i>	83
* «Ты всем взяла: лицом и прямою стана...» <i>Перевод В. Левика</i>	84
* «Проведав, что с другим любимая близка...» <i>Перевод В. Левика</i>	85
* «Я грустно, медленно, вдоль мутного потока...» <i>Перевод В. Левика</i>	86
* <i>Смерть Марии. Перевод В. Левика</i>	87
* «Как роза ранняя, цветок душистый мая...» <i>Перевод В. Левика</i>	90
* <i>Эпитафия Марии. Перевод А. Парина</i>	91

СОНЕТЫ К ЕЛЕНЕ

Первая книга

* «Плыву в волнах любви. Не видно маяка...» <i>Перевод В. Левика</i>	92
«Возненавидишь ты меня, моя Аглая...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	93
«Вдыхатель вечный твой, я третий год в плену...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	94
«Когда с прелестною кузиною вдвоем...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	95
«Бездушная, меня ты презирать вольна...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	96
«В который раз уже обида друг на друга...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	97
* «Когда в ее груди — пустыня снеговая...» <i>Перевод В. Левика</i>	98
«Я нитку алюю вокруг твоей руки...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	99
* «Глава, училище искусств и всех наук...» <i>Перевод А. Парина</i>	100

«Когда бы вы, мадам, мне подарили сами...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	101
«Как в зеркале, в глазах твоих отражены...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	102
* «Итак, храните все, все, что судьбой дано вам...» <i>Перевод В. Левика</i>	103
«Мадам, вчера в саду меня вы уверяли...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	104
«Лимон и апельсин, твой драгоценный дар...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	105
* «Ты помнишь, милая, как ты в окно глядела...» <i>Перевод В. Левика</i>	106
«Куда от глаз твоих укрыться, посоветуй!..» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	107
«Ты знаешь, ангел мой, что я питаюсь лишь...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	108
«С каким презрением вы мне сказали «нет»...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	109
«Я эти песни пел, уйдя в пещеру муз...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	110
* «Хорош ли, дурен слог в сонетах сих, мадам...» <i>Перевод А. Парина</i>	111

СОНЕТЫ К ЕЛЕНЕ

Вторая книга

«Быть может, что иной читатель удивится...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	112
* «Чтобы цвести в веках той дружбе совершенной...» <i>Перевод В. Левика</i>	113
* «Сажая в честь твою я дерево Цибелы...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	114
* «Кассандра и Мари, пора расстаться с вами!..» <i>Перевод В. Левика</i>	115

«Как ты силен, Амур, коварный чародей!..» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	116
«Комар, свирепый гном, крылатый кровосос...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	117
«К индийскому купцу, что вынет из тюка...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	118
«Оставь меня, Амур, дай малость передышки...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	119
«Превозносить любовь — занятие для глупца...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	120
* «Я вами побежден! Коленопреклоненный...» <i>Перевод В. Левика</i>	121
«Не вечен красоты венок благоуханный!..» <i>Перевод В. Потаповой</i>	122
«В купальне, развязав, тебе вручила пояс...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	123
«О, стыд мне и позор! Одуматься пора б...» <i>Перевод А. Ревича</i>	124
* «Оставь страну рабов, державу фараонов...» <i>Перевод В. Левика</i>	125
* «Когда, старушкою, ты будешь прясть одна...» <i>Перевод В. Левика</i>	126
«Созвездья Близнецов любимая сестра...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	127
«Ступай, мое письмо, послушливый ходатай...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	128
«В тот вечер плавные тебя манили звуки...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	129
* «Уж этот мне Амур — такой злодей с пеленок!..» <i>Перевод В. Левика</i>	130
«Душистый сноп цветов, печали не тая...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	131
«Увидев, что мой дом разграблен солдатней...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	132
«Судили старички, взойдя на Трои стены...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	133

«Расстался я с тобой, блаженная свобода...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	134
«Я возлиянье всем богам творил, как жрец...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	135
«Ты не влюблен, воды испив из родника...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	136
«Итак, проигран бой, войска мои разбиты...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	137

ОДЫ

Мишелю де Лопиталю, канцлеру госпожи Маргариты (триады 11—18). <i>Перевод М. Гринберга</i>	138
* «Пойдем, возлюбленная, взглянем...» <i>Перевод В. Левика</i>	150
* К лире. <i>Перевод А. Парина</i>	151
* «Эй, паж, поставь нам три стакана...» <i>Перевод В. Левика</i>	154
* «Когда грачей крикливых стая...» <i>Перевод В. Левика</i>	155
* Гастинскому лесу. <i>Перевод В. Левика</i>	157
* Моему слуге. <i>Перевод В. Левика</i>	158
* «Да, я люблю мою смуглянку...» <i>Перевод В. Левика</i>	160
«Ужель, Белло, переведен...» <i>Перевод М. Бородицкой</i>	162
«Не правда ль, Дю Белле, в какой чести у Муз...» <i>Перевод М. Бородицкой</i>	164
* «Природа каждому оружие дала...» <i>Перевод В. Левика</i>	165
* «Так мало жизни в нас, любезный мой Белло...» <i>Перевод В. Левика</i>	166
* Моему ручью. <i>Перевод В. Левика</i>	168
«Прелат, скажите, почему...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	169
* На выбор своей гробницы. <i>Перевод В. Левика</i>	171
* Жоашену Дю Белле. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	175
* «Исчезла юность, изменила...» <i>Перевод В. Левика</i>	176
* «Когда среди шума бытия...» <i>Перевод В. Левика</i>	177
«Пахарь, знай свои поля...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	179

* «Прекрасной Флоре в дар — цветы...»	<i>Перевод В. Левика</i>	180
* «Вчера сказал я: дай спою...»	<i>Перевод В. Левика</i>	181
* «Храни вас бог, весны подружки...»	<i>Перевод В. Левика</i>	182
* «Мой боярышник лесной...»	<i>Перевод В. Левика</i>	183
* «Как только входит бог вина...»	<i>Перевод В. Левика</i>	185
* Жаворонок.	<i>Перевод В. Левика</i>	186
«Иные, сбросив плоть свою...»	<i>Перевод А. Ревича</i>	188
* «Ах, если б смерть могли купить...»	<i>Перевод В. Левика</i>	189
* «Я умираю, нет мне мира...»	<i>Перевод В. Орла</i>	190
* «Ты, меня целуя, Жанна...»	<i>Перевод В. Левика</i>	191
* «Большое горе — не любить...»	<i>Перевод В. Левика</i>	192
* Реке Луар.	<i>Перевод В. Левика</i>	193
«Не упускай счастливый случай!..»	<i>Перевод Р. Дубровкина</i>	195
* «Не держим мы в руке своей...»	<i>Перевод В. Левика</i>	197
* «Мне скоро праздному блуждать...»	<i>Перевод А. Парина</i>	199
* «Когда хочу хоть раз любовь изведать снова...»	<i>Перевод В. Левика</i>	201
* «Венера как-то по весне...»	<i>Перевод В. Левика</i>	202
* К Музе.	<i>Перевод А. Парина</i>	204

ЭЛЕГИИ

А.-Ж. Юро, господину де ля Питардьеру.	<i>Перевод Р. Дубровкина</i>	205
«В полубеспамятстве, дышать и то не в силах...»	<i>Перевод Р. Дубровкина</i>	207
* Гастинскому лесорубу.	<i>Перевод Р. Дубровкина</i> (стр. 1—18), далее <i>В. Левика</i>	209

ГИМНЫ

* Гимн Вечности.	<i>Перевод Р. Дубровкина</i>	212
Гимн золоту.	<i>Перевод Ф. Брескиной</i>	217

ПОЭМЫ

- * Парадокс. *Перевод А. Парина* 235
Речь против Фортуны. *Перевод Г. Кружкова* 238
Кристофлю де Шуазелю, моему старинному другу. *Перевод В. Потаповой* 250
Послание П.-Л. Леско, сеньору де Кланьи. *Перевод Р. Дубровкина* 254
Кот. *Перевод А. Ревича* 259
Послание к Одэ де Колиньи, кардиналу Шатильонскому. *Перевод В. Потаповой* 265
На окончание комедии. *Перевод М. Бородицкой* 267
Мир. *Перевод Р. Дубровкина* 269
* Кардиналу де Колиньи. *Перевод В. Левика* 276

РЕЧИ О НЕСЧАСТЬЯХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- * Наставление юному христианнейшему королю Карлу IX. *Перевод В. Орла* 278
* К Луи де Мазюру. *Перевод М. Гринберга* 284
К Гийому Дезотелю. *Перевод А. Парина* 288

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

- * Гимн Франции. *Перевод В. Левика* 295
* Соловей. *Перевод В. Левика* 297
* Амадису Жамену. *Перевод В. Левика* 299
* Принцу Франциску, входящему в дом поэта. *Перевод В. Левика* 300
* Реке Луар. *Перевод В. Левика* 301
* Шалость. *Перевод В. Левика* 302

* «Я так спешил к тебе (отчаянье берет!)...» <i>Перевод В. Левика</i>	304
* «Чтоб ваш любовник был в служенье терпелив...» <i>Перевод В. Левика</i>	305
* «Как вьется виноград, деревья обнимая...» <i>Перевод В. Левика</i>	306
«Я посылаю вам букет. В букете...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	308
* Кардиналу Шарлю Лотарингскому. <i>Перевод В. Левика</i>	309
Подражание Марциалу. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	310
Достославному господину де Невиллю, сеньору Виллеруа, государственному секретарю Его Величества. <i>Перевод А. Парина</i>	311
* Элегия. Жаку Гревену. <i>Перевод О. Седаковой</i>	316
* Эпитафия Реми Белло. <i>Перевод А. Парина</i>	321
* Ода. <i>Перевод А. Парина</i>	322
* «Ты думаешь, Обер, что галльская держава...» <i>Перевод А. Парина</i>	323

ПОСМЕРТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

* Стансы. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	324
* «Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада...» <i>Перевод В. Левика</i>	325
«Пора оставить все: дома, поля, сады...» <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	326
* «А что такое смерть? Такое ль это зло...» <i>Перевод В. Левика</i>	327
Элегия. Филиппу Депорту. <i>Перевод И. Кутика</i>	328
Каприз. <i>Перевод В. Потаповой</i>	331
* «Я к старости клонюсь, вы постарели тоже...» <i>Перевод В. Левика</i>	338
* К читателю. <i>Перевод В. Левика</i>	339
* «Вон из книг моих, Гревен!..» <i>Перевод Ю. Стефанова</i>	340
* Эпитафия. <i>Перевод В. Левика</i>	341
Комментарии <i>И. Карабутенко</i>	342

ПЬЕР РОНСАР

Избранная поэзия

Редактор Н. КУЛИШ

Художественный редактор Л. КАЛИТОВСКАЯ

Технический редактор Л. ИЗГАРШЕВА

Корректоры Т. КАЛИНИНА,

И. КУЗНЕЦОВА

ИБ № 3822

Сдано в набор 09.08.84. Подписано в печать 23.01.85.

Формат 70 × 100¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Гарнитура

«Тип Таймс». Печать офсет. Усл. печ. л. 14,9.

Усл. кр.-отт. 30,13. Уч.-изд. л. 13,1.

Тираж 50 000 экз. Изд. № VI-1562. Зак. № 784.

Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Художественная литература».

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома

при Государственном комитете СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93